

ОГОНЁК

№ 37 СЕНТЯБРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НА ОСНОВЕ ЛЕНИНСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ПЛАНА ИЗВЕЧНЫЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС НАШЕЛ СВОЕ ПОДЛИННОЕ РАЗРЕШЕНИЕ.

ИЗ ПРОГРАММЫ КПСС

В. Серов. ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА.

«А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма».

В. Ленин

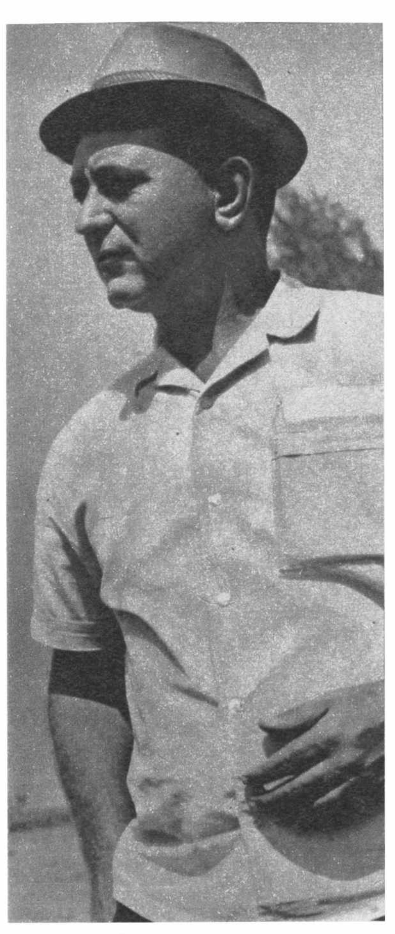
Советские люди построили социализм в деревне — выполнили и этот завет Ленина.

Осуществлению ленинского плана переустройства советской деревни посвящается этот номер.

ГОДЫ ВЕЛИКОГО ПОСЕВА

Михаил КЛЕПИКОВ,
бригадир комплексной бригады колхоза «Кубань», кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда

Михаил Иванович Клепиков.
Фото Л. Шерстенникова.

В читальном зале на полевом стане есть у нас плакат с фотографией Владимира Ильича и крестьянина Ф. Д. Панфилова, выступлением которого так заинтересовался Ленин в 1919 году. Этот крестьянин — один из сотен, а может быть, и тысяч тех, кто шел к вождю революции за правдой. Отношение Ленина к крестьянам, его пристальное внимание ко всему, что происходило в деревне в канун Октябрьской революции и позже,— все это достаточно хорошо известно. Кто и что только не обещал крестьянам России до Октября! Не было, наверное, ни одной политической партии, которая бы не связывала своей судьбы и своих целей с решением крестьянского вопроса. С кем крестьянин — от этого многое зависело. Но половинчатые «решения» ничего не решали. Крестьяне требовали земли. И они ее получили — из рук большевиков-ленинцев.

Вот если я буду в Ленинграде, непременно пойду на Херсонскую улицу, найду дом, где В. И. Ленин написал Декрет о земле. По воспоминаниям В. Бонч-Бруевича, Владимир Ильич пришел из Смольного, где только что провозгласил победу Октября, часа в четыре утра уже 8 ноября 1917 года. Все легли спать, а Ленин долго еще не гасил свет. О чем думал вождь социалистической революции в тот исторический час? Как говорится, о нас, мужиках. Теперь об этом знает весь мир: Ленин работал над текстом Декрета о земле. Уже светало, когда Владимир Ильич потушил огонь, лег. А позже утром...

— С первым днем социалистической революции! — поздравил товарищей Ленин, вынул из кармана чистенько переписанные листки и прочел Декрет о земле. Вечером того же дня он огласил Декреты о мире и земле на съезде Советов.

— Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь.

И еще: «...в земельном вопросе наша программа взята целиком из крестьянских наказов». Таких наказов было 242!.. Знать народные массы, прислушиваться к ним, брать желание народа в основу правительственной политики — великий урок, преподанный Ильичем в первые же дни существования Советского государства. Нам вот сейчас предстоит избрать делегатов на свой III съезд колхозников. Он состоится в Москве в ноябре этого года. Нужно хорошенько продумать закон, по которому жить колхозам дальше,— принять новый Устав сельхозартели. Дело, как мне представляется, очень и очень нелегкое. Страна огромная, ве-

лико различие почвенно-климатических условий, местных и национальных традиций, разный жизненный уровень, да мало ли чем отличается одно село от другого, одно хозяйство от другого!.. И тут надо учесть пожелания колхозников, реальные условия труда и жизни.

Конечно, крестьянина в том изначальном виде, который был хорошо известен Ильичу, давно нет. Коллективизация покончила с единоличным способом ведения хозяйства. Но все-таки надо помнить, что у нас две формы социалистического хозяйствования на земле. Я колхозник и сын колхозника, поэтому мое слово — о колхозе. Мне кажется, что в первых же строках нового Устава отмечено самое главное: кооперативная природа сегодняшнего колхоза. Колхоз не государственное предприятие и не какое-то временное объединение. Кооперативная форма хозяйствования — результат глубоких социальных и экономических преобразований. Она имеет свое лицо, свою экономическую жизнь, она все время развивается, особенно это заметно после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Тем и дорога эта форма труженикам полей и ферм, что отвечает специфике сельскохозяйственного производства. Ведь наши планы выполняются не только по нашей воле — они зависят и от природы.

Хозяйственная самостоятельность, ставка на коллективный опыт и самоконтроль, распределение продукции по собственному усмотрению на основе коллективного решения — все это позволяет колхозу развивать свое производство с выгодой. «Мелким хозяйством из нужды не выйти»,— говорил Ленин, и в этой фразе вся суть его гениального плана. Сначала объединиться, потом развивать коллективное хозяйство. Только тот колхоз отвечает требованиям ленинского плана, который творчески самостоятелен и деятелен, который умело использует всем известные преимущества кооперативной формы хозяйствования, который независим от волевого руководства со стороны, постоянно крепит свою экономику. Нет, колхоз не остров в государстве, он звено одной хозяйственной цепи, живет в системе со всей социалистической экономикой.

Согласитесь, что в основе именно кооперативной формы прочно лежит личный интерес. И тут подтвердилось ленинское учение. Нельзя забыть, как много беды нашей деревне принесло именно забвение личного интереса колхозника, когда его расчетам, нуждам противопоставлялись планы районного и областного масштабов. А ведь классики марксизма, В. И. Ленин учили, что личная заинтересованность — движущая сила общественного развития. Не стяжательство, нет, а объективные потребности человека. Нарушение связи «человек — его потребности — интересы общества» ведет к упадку хозяйства, всей экономики. Тогда действует закон антисоциализма: «Обогащайся кто как может!..» Это не наш закон.

Мне хотелось бы назвать некоторые цифры. Но если говорить об урожае только этого года, то сложилось бы неверное представление о достижениях нашего колхоза «Кубань». Наша бригада и колхоз известны в стране своей экономикой и как зачинатели движения за высокую культуру земледелия. Мы не отступили ни на шаг в своих устремлениях, но год сложился тяжелый, черные бури зимой и жестокая засуха летом нанесли нам ощутимый урон. Поэтому назову цифры прошлого года. Правда — в них, они ближе к действительности. В прошлом, типичном для Кубани году мы в бригаде намолотили по 56,4 центнера зерновых с каждого из 1 130 гектаров. По колхозу в среднем урожайность зерновых достигла 52,3 центнера с гектара! Пшеница у нас в бригаде дала 54,4 центнера, озимый ячмень — более 50 центнеров с гектара. Кукурузы на гектаре участка гибридизации мы взяли по 76,7 центнера зерна. Подсолнечник дал нам около 33 центнеров. А вот свекла еще больше порадовала: мы накопали по 572 центнера с гектара, так что мечта довоенных пятисотниц осуществилась на поле в 350 гектаров. И как тут правильнее сказать: то ли земля дала, то ли мы от земли взяли? Пожалуй, второе точнее. Еще К. А. Тимирязев говорил, что не земля кормит крестьянина, а растение. Он мечтал и о времени, когда на месте, где рос один колос, будут расти два: «Задача о двух колосьях, быть может, самый жгучий, самый коренной политический вопрос...» Если за эталон доброй урожайности взять стопудовый намолот, то на земле нашего колхоза вместо одного растут три колоса, а на некоторых участках и четыре.

Вот я и подошел к тому, чтобы рассказать о тех, кто заботится о земле колхоза. Мои земляки и товарищи... Кажется, я знаю о них все... Вместе росли, вместе постигали науку высоких урожаев. Конечно, все люди разные, иначе и не может быть. Но с годами все прочнее наши человеческие и производственные связи. В бригаде остались только те, кто готов встречать и провожать солнце в поле, для кого высокая агротехника, закон земли — закон совести, колхозной чести. А иначе нельзя вырастить 67 центнеров пшеницы — именно таким был урожай на одном участке в прошлом году. Костяк в бригаде отличный. Конечно, неумолим процесс смены поколений. Есть уважаемые механизаторы, которым все труднее и труднее отвечать на сегодняшние требования научной организации труда. Да и заниматься приходится немало, сидеть за книгой: у нас каждую зиму и ранней весной регулярные занятия по агротехнике и растениеводству. Чтобы повысить личную ответственность за профессиональный уровень, мы проводим переаттестацию. Люди получают классность, от которой зависит заработок. Например, механизатор 1-го класса получает надбавку — 20 процентов основного заработка. Мы платим и за качество выполненной работы, приняты оценки: «плохо», «хорошо», «отлично». Выплачивает колхоз и за выслугу лет, начиная с 5-летнего стажа.

Так что у молодежи есть прямой смысл работать в своем колхозе. И работать как можно лучше! Но проблема кадров решена и у нас не до конца. И мы нуждаемся в притоке молодых сил, ждем пополнения — грамотных, развитых, умелых ребят и девушек. Проводим осенью на пенсию отличного человека, звеньевого мехотряда Михаила Марковича Пономарева — очень жаль, но он уже на тракторе чуть ли не сорок лет! Человеку пора и отдохнуть. А кто на смену?

Я на тракторе с четырнадцати лет. Возглавлял когда-то комсомольско-молодежную бригаду и вот уже десять лет — комплексную. Школа жизни — нелегкая и поучительная. Так разве же нынешнее поколение молодых не готово к испытанию ответственностью! Вот где проверить свою личную заинтересованность в благополучии своего Отечества. Конечно, найти себя иному человеку нелегко. Сколько людей — столько судеб. Но уверен, что и «вечный» поиск ни к чему хорошему не приводит. Есть у нас парень-кипяток. Когда был моложе, бросил колхоз. Два года бродил где-то, искал счастья, но вернулся. Мы приняли его в бригаду. Теперь Александр Сырцов на самоходном шасси работает, он по-прежнему горяч, не со всеми уживчив, но все-таки другим человеком стал. Нашел себя. И не он один. Володя Меркулов перешел из соседней бригады, там о нем плохо отзывались, да и у нас он не сразу прижился. Но каждый человек требует и терпения и внимания. Мы Володю исподволь приобщали к законам своего коллектива, и он понял, что ему хотят добра, что с ним считаются. Он у нас окончил вечернюю школу, стал трактористом 2-го класса, сейчас учится на 2-м курсе техникума механизации. Мы приняли его в партию. Добьется он и высшей классности! Или взять комбайнера Виктора Харина, вот он сразу стал своим, тут мы его и женили, он уже построился, а ведь человек приехал из дальней северной области.

И так каждый — душа сложная, характер ни на чей другой не похожий, но в коллективе человек пользуется доверием и чувствует общую требовательность. И тот, кому достает ума забыть свои прихоти, подчинить себя коллективной воле, найти свой интерес в общем деле, тот у нас в почете. И зарабатывает хорошо и живет все лучше и лучше. Конечно, всему этому благоприятствует атмосфера, царящая в колхозе, его экономика, традиции, сложившиеся с годами. Правление 12 лет возглавляет уважаемый председатель Иван Тимофеевич Сидоренко, он заслуженный агроном республики, знает каждое поле в лицо. Мне очень жаль, что нельзя перечислить всех достойных людей, но хочу подчеркнуть, что слава колхоза «Кубань», добытая в степи старшими, как бы шлифует грани многотрудного характера колхозников нового поколения. И тут связь закономерна. Иван Тимофеевич Сидоренко бережет честь колхоза, всегда отстаивает его интересы, так воспитывает он и актив колхоза. Быть другим в нашем колхозе трудно.

Жизнь идет вперед. Не все возможности кооперативного хозяйствования еще познаны, использованы. Экономическая реформа требует от нас действий смелых и решительных. Идут поиски, споры в области лучшей организации труда. Тут у нас свои доводы... Остаются нерешенными проблемы механизации животноводства, особенно остры проблемы строительства. Важно то, что сейчас накоплен богатейший опыт коллективного хозяйствова-

1913

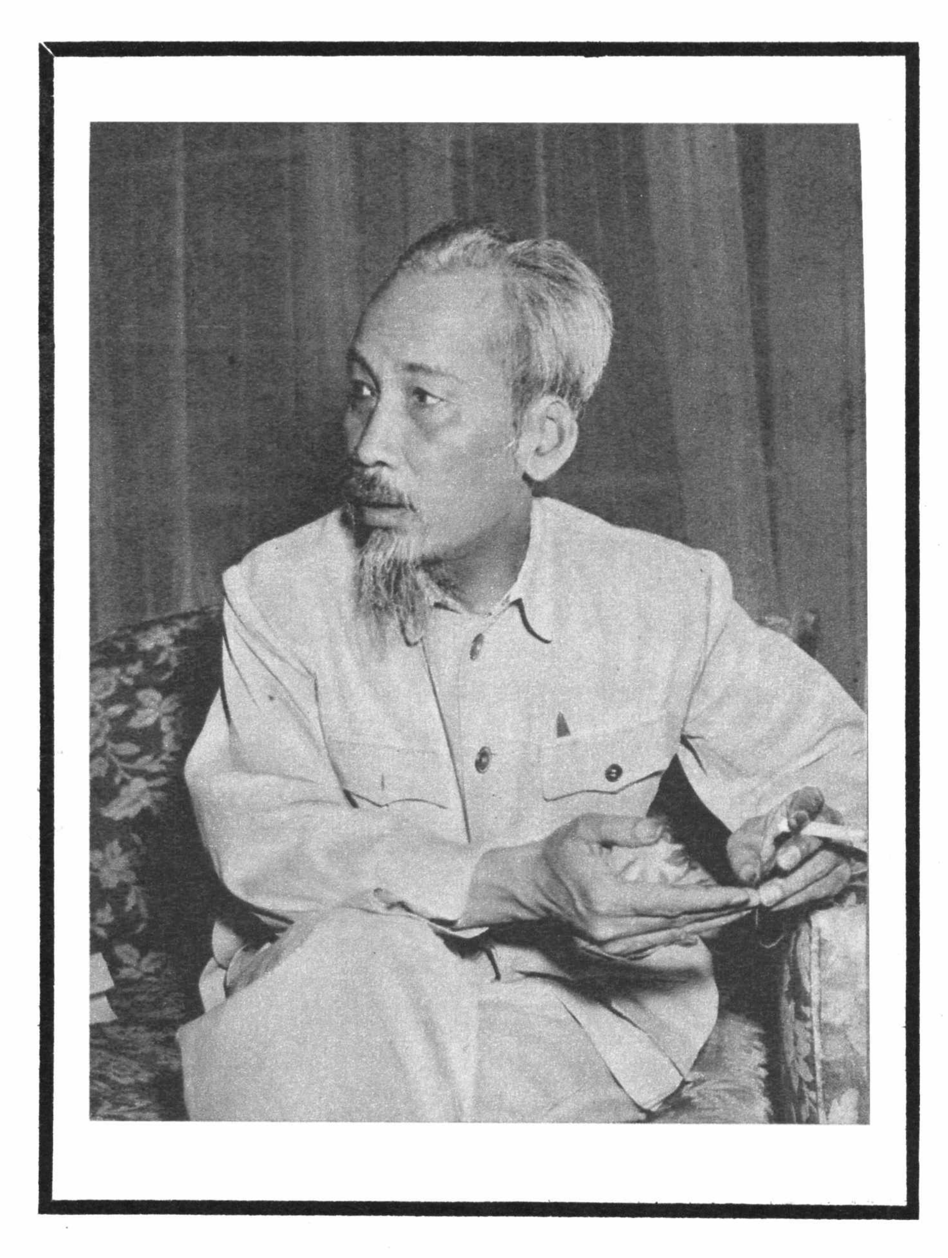
Фото А. Овчинникова (ТАСС)

ния на земле. И нам никак нельзя не изучать его, нельзя оставлять без внимания, потому как сыновний и партийный долг наш — социалистическое переустройство деревни, намеченное Лениным. Ведь он не мог уснуть в ночь Октябрьской революции, думал о нас, хотел видеть нас свободными от «власти земли», зажиточными, культурными, высокообразованными работниками социалистического земледелия: «...пусть сами они устраивают свою жизнь». Какое в этих словах Владимира Ильича знание жизни и психологии крестьянства, сколько в них классового доверия к его политической зрелости! Думаю, что мы оправдали доверие вождя революции.

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 37 (2202)
13 СЕНТЯБРЯ 1969

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают трудящихся Советского Союза о том, что 3 сентября 1969 г. в Ханое в результате тяжелого сердечного приступа на 80-м году жизни скончался выдающийся деятель международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, Председатель Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама, Президент Демократической Республики Вьетнам, большой друг Советского Союза товарищ Хо Ши Мин.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ПАРТИИ ТРУДЯЩИХСЯ ВЬЕТНАМА ПОСТОЯННОМУ КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

г. ХАНОЙ

Дорогие товарищи,

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, советские коммунисты, весь народ нашей страны скорбят вместе с вами, со всем вьетнамским народом в связи с кончиной Президента Демократической Республики Вьетнам, Председателя ЦК ПТВ, дорогого нам всем товарища Хо Ши Мина.

Ушел от нас великий сын героического вьетнамского народа, выдающийся деятель международного коммунистического и национально-освободительного движения, большой друг Советского Союза.

Всю свою замечательную жизнь, весь свой талант революционера товарищ Хо Ши Мин отдал делу борьбы за светлое будущее своего народа, за торжество марксизма-ленинизма. Трудно переоценить его вклад в создание на принципах марксизма-ленинизма Партии трудящихся Вьетнама, являющейся признанным вождем вьетнамского народа в его борьбе за освобождение и социализм. Под его руководством была осуществлена августовская революция, в огне которой родилась Демократическая Республика Вьетнам, первое социалистическое государство в Юго-Восточной Азии. Вдохновляемый товарищем Хо Ши Мином, вьетнамский народ оказал сокрушительный отпор империалистической агрессии против Демократической Республики Вьетнам, развернул мощную борьбу против интервенции США и их союзников, за освобождение Южного Вьетнама.

Кипучая энергия товарища Хо Ши Мина, его железная воля, несокрушимое мужество и вместе с тем — простота и человечность снискали ему глубокую любовь и уважение во Вьетнаме, в Советском Союзе, коммунистов и прогрессивных людей всего мира.

Коммунисты Советского Союза, все советские люди высоко ценят неустанные усилия товарища Хо Ши Мина, направленные на развитие братской дружбы между ПТВ и КПСС, между народами Советского Союза и Вьетнама. В Советском Союзе навсегда сохранят светлую память о нем, как о стойком марксисте-ленинце, верном друге нашей партии, нашей страны.

Выражая глубокое соболезнование по поводу этой тяжелой утраты, мы уверены, что Партия трудящихся Вьетнама, весь вьетнамский народ будут твердо следовать заветам товарища Хо Ши Мина, добиваться развития и укрепления социализма в Демократической Республике Вьетнам, решительно отстаивать дело свободы, независимости, единства и прогресса Вьетнама, крепить советско-вьетнамскую дружбу, сплоченность социалистического содружества и всего мирового коммунистического движения. В этом вьетнамские коммунисты, народ Вьетнама могут всегда рассчитывать на полную поддержку КПСС, всех советских людей.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

Президиум Верховного Совета СССР

Совет Министров СССР

Москва, Кремль. 4 сентября 1969 года.

ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ

Руководители Коммунистической партии и Советского правительства посетили посольство Демократической Республики Вьетнам в Москве.

Отдать последнюю дань уважения светлой памяти товарища Хо Ши Мина прибыли товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, М. С. Соломенцев. Здесь же присутствовал и первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР руководители Коммунистической партии и Советского правительства выразили глубокое соболезнование временному поверенному в делах ДРВ в СССР Нгуен Тьен Тхонгу, послу Республики Южный Вьетнам в СССР Данг Куанг Миню и сотрудникам посольств по случаю кончины товарища Хо Ши Мина.

В скорбном молчании они провели несколько минут у постамента, где установлен портрет товарища Хо Ши Мина в траурном обрамлении.

1955 год. Товарищ Хо Ши Мин в СССР среди советских пионеров.

В суровые дни борьбы с американскими агрессорами товарищ Хо Ши Мин не раз встречался с бойцами Народной армии Вьетнама.

СКОРБЬ И РЕШИМОСТЬ

В трауре вьетнамская земля.

Нет больше товарища Хо Ши Мина. Умер великий сын вьетнамского народа и его вождь, стойкий марксист-ленинец, человек, с именем которого навсегда связаны борьба и победы Вьетнама на пути к свободе и социализму.

В тяжелые дни утраты ЦК Партии трудящихся Вьетнама опубликовал Обращение ко всем руководящим и рядовым членам партии, к бойцам и соотечественникам в стране и к вьетнамцам, проживающим за границей. В нем ЦК ПТВ призвал «превратить переживаемое горе в революционные дела, доблестно идти вперед, продолжать великое дело Президента Хо Ши Мина, успешно претворять в жизнь его идеалы и мечты».

Вместе с вьетнамским народом о его огромной потере скорбят советские люди, народы социалистических стран, все борцы за социализм и национальное освобождение.

ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР направили в Ханой делегацию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР товарищем А. Н. Косыгиным для участия в похоронах товарища Хо Ши Мина. В составе делегации секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Яснов, посол СССР в ДРВ И. С. Щербаков.

В столицу ДРВ прибыли делегации многих братских партий, чтобы отдать последний долг товарищу Хо Ши Мину, ветерану мирового коммунистического движения. Сотни телеграмм поступают отовсюду в Ханой, в которых выражаются соболезнования в связи с кончиной вождя вьетнамского народа.

Советская партийно-правительственная делегация посетила здание Национального собрания в Ханое, где установлен гроб с телом товарища Хо Ши Мина, и возложила венок к гробу. В траурной книге советская делегация сделала запись, где говорится: «КПСС, советский народ выражают твердую уверенность, что вьетнамский народ, сплотившись вокруг героической Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ, выполняя заветы товарища Хо Ши Мина, одержит новые победы в строительстве социализма, в защите своей родины от империалистической агрессии. В этом он всегда может рассчитывать на поддержку КПСС и Советского правительства».

7 сентября состоялась беседа между партийно-правительственной делегацией СССР и руководителями ПТВ и правительства ДРВ. Стороны обменялись мнениями по проблемам, связанным с борьбой вьетнамского народа против американской агрессии, и обсудили меры, направленные на дальнейшее развитие братской дружбы и тесного сотрудничества между КПСС и ПТВ, между Советским Союзом и Демократической Республикой Вьетнам. Беседа проходила в духе дружбы и полного взаимопонимания.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, А. Устинова.

СЛАВНЫЕ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

9 сентября болгарский народ праздновал знаменательный юбилей в жизни своей родины — 25-ю годовщину социалистической революции в Болгарии. Для участия в юбилейных торжествах в Народную Республику Болгарию по приглашению Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии и болгарского правительства прибыла советская партийно-правительственная делегация, возглавляемая членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным.

В столичном зале «Универсиада» состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии, Президиума Народного собрания, Совета Министров Народной Республики Болгарии, Национального совета Отечественного фронта и других организаций страны, посвященное 25-й годовщине социалистической революции в Болгарии. На заседании присутствовали Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Тодор Живков, Председатель Президиума Народного собрания Георгий Трайков, другие руководители партии и правительства страны. С докладом «Четверть века по пути социализма» на торжественном заседании выступил Тодор Живков.

Выступая с приветственной речью перед собравшимися, Н. В. Подгорный дал высокую оценку деятельности Болгарской коммунистической партии и болгарского народа в их освободительной борьбе против фашистского рабства, за достижение народно-демократических и социалистических преобразований. Он выразил глубокое удовлетворение по поводу крепнущей дружбы между болгарским и советским народами и пожелал социалистической республике новых достижений на пути к коммунизму. Товарищ Н. В. Подгорный огласил текст поздравления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР в адрес болгарского народа.

Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Тодор Живков выступает на торжественном заседании, посвященном 25-й годовщине социалистической революции в Болгарии.

Фото В. Егорова (ТАСС).

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ОТКУДА ПЕКИН ПОЛУЧАЕТ ПОДДЕРЖКУ

Даниил КРАМИНОВ

Лет семь-восемь назад мировую печать обошла необычная карта Азии. Изготовленная в Пекине и помеченная китайскими иероглифами, она изображала значительную часть азиатского континента как территорию Китая. Составители карты отнесли к Китаю все земли, которые когда-либо захватывались воинственными и склонными к грабительским походам китайскими императорами. «Китайскими» были обозначены даже земли, захваченные завоевателями, которые сами покоряли и порабощали Китай, как например, Чингисхан. (Дойди Александр Македонский до Китая, Средний и Ближний Восток, как и часть Европы, были бы, наверное, помечены принадлежащими Китаю.) Под «китайским владычеством» оказались почти все республики Советской Средней Азии, значительная часть Сибири и почти весь Дальний Восток, в том числе и такие районы, которые в те давние времена никому в Пекине и не снились, потому что там не догадывались о их существовании.

Перепечатанная из китайских учебников карта вызвала большой шум: претензии нынешних пекинских правителей на империалистическое наследство китайских императоров были впервые разоблачены с помощью документа. Ожидалось, что Пекин откажется от авторства этой карты и снова, как это делалось раньше, объявит, что территориальные претензии, основанные на давних грабительских походах и завоеваниях, абсурдны.

Пекин, однако, промолчал. Но молчал он недолго. То, что недавно называлось «абсурдными претензиями», стало проскальзывать в выступлениях пекинских деятелей, сначала у невоздержанных на язык, как «дипломат» Чэнь И, затем у других, наконец, появилось и в официальных документах Пекина.

Эти претензии были высмеяны. «Право завоевателя», которое пекинские руководители пытаются узаконить в решении территориальных вопросов, абсурдно и вздорно: на этом основании, как уже указывалось в Советском заявлении, Испания может требовать возвращения в ее владения всей нынешней Латинской Америки, а Англия — Соединенных Штатов Америки. Бывшие колониальные державы, ссылаясь на «китайское право», могут потребовать включения в их территории всех стран Азии и Африки, которые в свое время были покорены силой и лишь недавно добились независимости. Это «право» позволяет наследникам Гитлера претендовать на возвращение им стран Европы, которые во время второй мировой войны были под гитлеровской оккупацией, а преемникам японского милитаризма дает основание включить в состав Японии те части нынешнего Китая, которые длительное время были заняты японскими войсками.

Хотя вздорность пекинских притязаний на территории, где когда-то побывали китайские грабители-завоеватели, очевидна, маоисты повторяют их снова и снова. Упрямое повторение притязаний на чужие земли — это вовсе не результат юридического невежества, а намеренная политика, которая преследует весьма определенные внешнеполитические и внутренние цели. В международном плане пекинские руководители пытаются оживить старые и разжечь новые территориальные споры, надеясь помешать тем самым ослаблению напряженности. Не случайно западногерманские реваншисты с таким жаром поддерживают территориальные претензии Пекина, в которых они находят вдохновение и для своих надежд на возвращение польских и чехословацких земель. Также не случайно пекинские притязания сочувственно превозносятся всей реакционной империалистической печатью Англии и Америки, не говоря уже о неофашистских газетах Западной Германии.

Внутри Китая территориальные претензии служат для постоянного и старательного разжигания шовинизма, и им уже несколько лет придается злобно антисоветский характер. Намеренное и планомерное разжигание антисоветизма в Китае потребовалось маоистам затем, чтобы скрыть свое отступничество от социализма и отход от социалистического содружества. Это, в свою очередь, должно было облегчить им отказ от марксизма-ленинизма и замену его маоизмом — идеями китайского шовинизма. Шовинизм помогает маоистам отвлечь внимание китайского народа также от катастрофического экономического провала, вызванного безответственными экспериментаторством и самодурством, когда объективные экономические законы подменялись волей Мао.

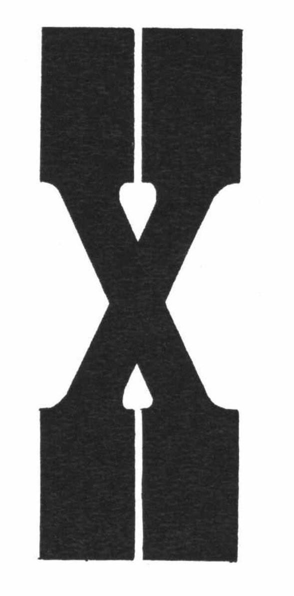
Однако действие шовинистского дурмана ограниченно. Недовольство нарушением экономической, политической и культурной жизни страны все более захватывает широкие слои населения, и сообщения о народных волнениях поступают то из одной, то из другой китайской провинции. Вместо того, чтобы сосредоточить силы народа на решении насущных хозяйственных проблем, маоистское руководство продолжает провоцировать пограничные столкновения на советско-китайской границе, пытаясь раздуть пламя неприязни и вражды к первой стране социализма, дать империалистической пропаганде новые доводы для борьбы против СССР. (В последнее время Пекин перестал обнародовать свои перевалившие за пятьсот «строгие предупреждения» по адресу американского империализма, что, видимо, следует рассматривать как ответ на заигрывания Вашингтона.)

Вся империалистическая печать усердно, даже азартно помогает Пекину в раздувании вражды к Советскому Союзу. Действуя в трогательном согласии с пекинской пропагандой, самые реакционные газеты ежедневно расписывают «опасность» советских «приготовлений» против КНР. Каких только подлых и злобных выдумок тут нет! Какими только страхами не пугают китайцев! И чем усерднее лжет и клевещет на Советский Союз империалистическая печать, тем старательнее помогает ей Пекин. В этом отношении маоисты преданно сотрудничают с самыми реакционными антисоциалистическими силами.

Советский народ не позволит запугать себя провокациями и не поддастся на подстрекательства врага. Надежно оберегая свои границы, с презрением отвергая вздорные претензии на свои земли, он мирно трудится на благо своей Родины, на благо процветания всего социалистического содружества.

К. ЧЕРЕВКОВ

ЛЕНИНГРАД

Ходоки

— Здесь, что ли, комиссар от народа? Должен его видеть. Тут ему и записка есть от Ленина!— басил у порога бородач в поношенном тулупе и истертых лаптях.

Александра Михайловна Коллонтай с удивлением взглянула на раннего посетителя. А он показывал ей записку. Действительно, почерк и подпись Владимира Ильича Ленина: «Выдайте ему сколько там причитается за лошадь из сумм Госпризрения».

«При чем тут лошадь?»—думала нарком государственного призрения. Пауза длилась секунду. Ее нарушил крестьянин, протянувший руку взять записку обратно:

— Как деньги получу, так записку отдам. А пока пущай у меня будет. Все вернее,— и, спрятав ее в карман тулупа, не торопясь поведал. Лошадь у него отобрали силой царские власти на военные нужды. Обещали по-божески рассчитаться, да вместо денег кукиш показали. Поехал искать правду в Питер. Ходил от февраля до октября. Блуждал по учреждениям Временного правительства. Измаялся, а толку никакого. Тут грянул Октябрь. На шестое утро Советской власти настойчивый мужичок пробился в Смольный, и ранним часом был принят Лениным, Владимир Ильич и написал ему записку.

Но где взять денег? У А. М. Коллонтай только мандат наркома, власть же у министерских чиновников. Они не хотят подчиняться, ключи от касс припрятали. Наркомат без денег. А крестьянин не хочет слушать никаких объяснений. С утра снова появляется: «Как же насчет уплаты за лошадь?»

Сопротивление чиновников было сломлено. Кассу открыли. Крестьянин по записке В. И. Ленина сполна получил деньги за лошадь. Об этом рассказала А. М. Коллонтай в своей статье «Первое пособие из Соцобеса», опубликованной 6 ноября 1927 года в «Красной газете».

Крестьянин тот — фамилию его установить не удалось — был одним из многих, что с дней рождения Советской власти, сразу же после опубликования Декрета о земле, потянулись к главе правительства. Крестьяне, приходившие в Смольный, обязательно хотели видеть самого Ленина, чтобы с глазу на глаз поговорить с ним, выяснить все, что было непонятно.

Ходоки шли к Ленину, шли к народным комиссарам.

...Едва нарком земледелия А. Г. Шлихтер принял дела, как к нему ввалились черниговские хлеборобы. В фондах Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС сохранился документ об этом: «Сим удостоверяется, что крестьяне Лускарев М. А., село Кренидовка, Хильганской волости, Черниг. губ. действительно были приняты министр. земледелия, имели с ним беседу, и получили устно советы для проведения в жизнь закона о земле».

— Их было трое, и среди них,— вспоминал позже нарком,— особенно выделялся представительный, седобородый старик, настоящий крестьянин, только что, казалось, оторвавшийся от сохи. Он обратился ко мне с расспросами, касающимися конкретных нужд его деревни в земельном вопросе и получил все указания и разъяснения. Но старик уходить не собирался. Жду, что будет дальше. Немного помявшись и покряхтев, как это обычно делают крестьяне в затруднительных случаях, старик промолвил: «Как бы повидать товарища Ленина?» «А зачем,— говорю,— он вам нужен?» «Не могу уехать домой, не повидавши Ленина. Я должен его повидать и должен потом своим сказать, что я его видел. С таким наказом послали меня сюда односельчане. Они сказали: непременно от самого Ленина узнай, что и как надо делать». И я свел этих крестьян к Владимиру Ильичу. И надо было видеть через две-три минуты буквально одухотворенное счастьем лицо крестьянина: «Спасибо, товарищ! Теперь я все расскажу дома».

Ходоков-крестьян в приемной Предсовнаркома становилось так много, что спустя пять дней после появления у Ленина безлошадного мужичка секретарь СНК Н. П. Горбунов попросил Владимира Ильича написать специальное письмо, которое можно было бы вручать посланцам деревень. Владимир Ильич и сам думал об этом. И Ленин немедля написал «Ответ на запросы крестьян»:

«На многочисленные запросы крестьян разъясняется, что вся власть в государстве перешла отныне всецело в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Помещичья собственность на землю Вторым Всероссийским съездом Советов о т м е н е н а.

...Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять...

...Совет Народных Комиссаров призывает крестьян самим брать всю власть на местах в свои руки. Рабочие полностью, всецело и всемерно поддержат крестьян, наладят производство машин и орудий...»

Этот ответ был опубликован в газетах. Ходокам же вручали в приемной Совнаркома машинописный текст. Он подписывался собственноручно В. И. Лениным и адресовался крестьянам той волости или уезда, от которых они приезжали. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится подлинный экземпляр такого документа, выданный крестьянам Режицкого уезда и местного гарнизона г. Режицы, Витебской губернии. Сдал его в архив в 1927 году селянин И. Я. Фролов. Одно время он хранил его в кобуре седла. Ему приходилось часто разъезжать по селам, проводить митинги, собрания, и каждый раз Фролов показывал землепашцам написанный для них Лениным документ, в котором сказано, что и как делать.

В тот же воскресный день, когда Ленин написал свой знаменитый «Ответ на запросы крестьян», Предсовнаркома принял делегатов из Сердобского Совета Федора Сидякина, Антона Климова и Алексея Шишкина. Они приехали для получения точнейших сведений о народной революции, о вновь сформированном рабоче-крестьянском правительстве, о земле, о мире. В протоколе, составленном со слов сердобских ходоков, приводятся некоторые детали встречи. «Владимир Ильич принял делегацию очень просто, без доклада и промедления, в своем кабинете в Смольном институте и беседовал в продолжении 15 минут... Ленин попросил строжайше следить за провокацией, саботажем и др. преступными действиями контрреволюционеров, злонамеренных лиц, хулиганов, темных личностей... Товарищ Ленин благодарил делегацию за их стремление лично, своими глазами убедиться во всем и выразил уверенность, что Сердобский Совет всеми силами поддержит народное дело Революции и окажет всяческое содействие и помощь народным комиссарам в их начинаниях...»

Очень волновал земельный вопрос казаков. Они не раз бывали у Владимира Ильича. В начале ноября, приняв делегатов полкового Комитета 4-го донского казачьего полка А. Я. Антюфеева и И. В. Акимова, Владимир Ильич подчеркивал, что для рядовых казаков самое главное — быть ближе к рабочим, и советовал арестовать офицеров, ведущих контрреволюционную пропаганду. Через несколько дней, на этот раз уже целым гуртом, явились донские ходоки. Свидетелем их разговора с Лениным был находившийся здесь в те минуты Джон Рид:

«— Правда ли, что Советское правительство собирается разделить казачьи земли между крестьянами Великороссии?..

Услышав нет, крестьяне пошептались между собой.

— А не собирается ли Советское правительство,— спросили они,— отобрать имения у наших помещиков и разделить их между трудящимися казаками?

— Это,— ответил Ленин,— уже ваше дело. Мы поддержим трудовых казаков во всех их действиях... Начинать лучше всего с создания казачьих Советов. Тогда вы получите представительство в ЦИК, и тогда он станет и вашим правительством.

Казаки ушли в глубоком раздумье. Через две недели к генералу Каледину явилась делегация от его войск:

— Обещаете ли вы,— спросили делегаты,— разделить помещичьи имения между трудовыми казаками?

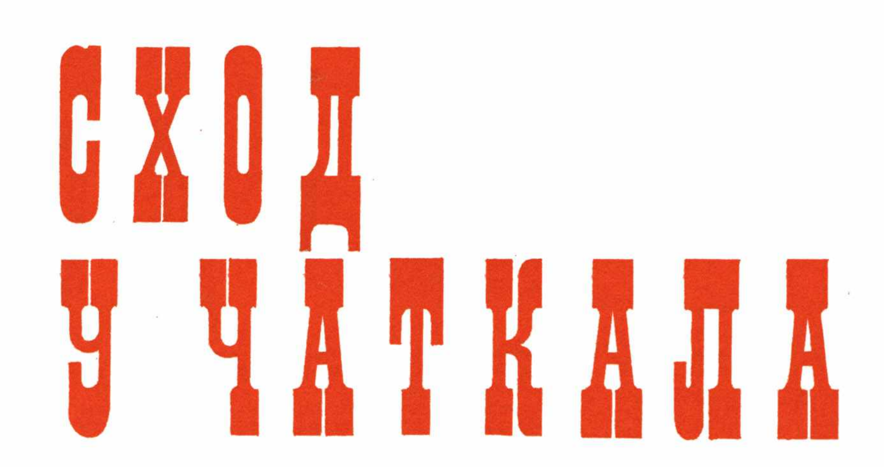
— Только перешагнув через мой труп,— ответил Каледин».

В перерыве заседания ВЦИК к Ленину, выступавшему с докладом о праве отзыва делегатов их избирателями, подошли ходоки из Курской губернии, делегированные Льговским Советом, и просили принять их. Владимир Ильич предложил встретиться после заседания. Льговские товарищи, видя, что заседание может затянуться далеко за полночь, попросили отложить свидание на завтра. «Хорошо,— сказал Владимир Ильич,— передайте секретарю СНК, чтобы он доложил мне о вас в двенадцать часов дня!»

Точно в двенадцать делегаты прошли в кабинет. «Сегодня Ленин принял нас, разговаривал с нами не менее 20 минут по вопросам, заранее нами подготовленным. Ну об этом после,— спешили поделиться с земляками своей радостью льговцы.— А сейчас сообщаем вам, что на днях будут изданы новые декреты о народных судах и другие. Работайте, товарищи, решительно, ибо много будет дано Советам».

...Ушел из кабинета один крестьянин, а на тот же стул Ленин пригласил сесть другого — крестьянина из деревни Заручье, Брейтовской волости, М. С. Маслова-Варсягина. И снова деловой и душевный разговор Ленина с ходоками, посланцами мужиков, начинавших строить новую жизнь...

УЗБЕКИСТАН

Рамз **БАБАДЖАН**,

Вячеслав **КОСТЫРЯ**

Земля эта между вскинувшимся к небу седоголовым Чаткалом и Сыр-Дарьей, «рекой Тайны», существует словно бы специально для того, чтобы испытать терпение и возможности человека, его жизнестойкость. Никто не знает, сколько лет кишлаку Гурумсарай, который вскипел садами на этой трудной земле. А ведь еще недавно здесь ютились только узловатый тутовник да густолистый с плотной, как баранья шерсть, кроной карагач. Корни карагача многочисленны и узловаты. Сила числа! Но какая ей цена без ума!

А человеческий ум, он изворотлив. С весны смотрели гурумсарайцы на Чаткал, он как бы решал их судьбу. Много снега в горах — будет урожай белой джугары (кукурузы), можно оставаться на лето дома. Мало — подавайся на север, в Ташкентский оазис, нанимайся к баю в издольщики.

...На поляне у столетнего тутовника — сельский сход. Сгрудились десятки запыленных автомашин, мотоциклов, мотороллеров. Гудит сход! На поляне — трибуна. Она обита кумачом, высоко поднят герб Узбекской ССР. Особый вес приобретают слова, произнесенные здесь, на сходе. Народ говорит. И слушает народ. А речь об одном: каким теперь должен стать закон колхозной жизни? Обсуждают жители Гурумсарая проект Устава сельхозартели. Потом пошлют своих ходоков в Ташкент и в Москву, делегатов предстоящего III Всесоюзного съезда колхозников.

Гудит сход. На трибуне — ветеран колхоза Акбарали Ташматов. Все слушают аксакала Акбарали!

— Земля — богатство. Вода — золото. Так я говорю?.. Так. Почему мы пускаем строителей на поливные земли? Дело земли — давать урожай. Разве мало вокруг пустырей? Ну, хорошо... Пришла великая нужда построить новое здание. Спросите у меня, у него, у всех нас. Так я говорю? Наша земля, мы дадим участок. Пусть заплатят за него колхозу. Мое слово — за отчуждение поливной земли колхозу должны возмещать убытки.

И еще говорил другой аксакал, Аминджаната Юлдашев. Вспоминал:

— Пулей басмача сидит в груди нашей тот черный день, январский день 1924 года, когда Ленин-отец умер. Мы провожали Ленина-ата здесь рядом с Гурумсараем — в кишлаке Санг. И тогда тоже собрали дехкане сход... Я председателем сельсовета был, и я речь держал. Говорю, а у самого одна мысль: что теперь делать?..

...Так же, как сотни лет назад, белоголовый Чаткал молча смотрит сквозь дымку на долину, на шоколадную Сыр-Дарью. Смотрит и не узнает, наверное, ни долины, ни самой Сыр-Дарьи. Вдоль берегов — зеленые леса и бескрайние хлопковые поля, виноградники, ровные ряды каменных коттеджей колхозного села, больше похожего на город. Стадион, клуб, поликлиника, четырехэтажная школа. В нескольких десятках километров канал. Река людей. И не понять Чаткалу, что это они, все те же гурумсарайцы, преобразили эту землю.

...Не может быть, чтобы снежный Чаткал не видел того траурного схода 1924 года. Собрались в тот день бедняки, рваные халаты. Ничего не ждал Чаткал от дехканина Адыла Фазылова, деда еще не родившегося тогда Ахмаджана, нынешнего раиса. Были на том сходе и возчик-арбакеш Акбарали Ташматов, и кузнец Ганибай Джураев, и садовод Аминджан Юлдашев... Памятный 1924 год. Они были бедны тогда и молоды, ныне уважаемые Дауджан — старший из мужчин в семье Адыловых, Акбарали, Аминджан-ата...

Гудит сход. Слово берет Марифат Сулейманова, комсомольский вожак колхоза:

— Я говорю от имени молодежи! Спасибо вам, Акбарали-ата! Спасибо всем, кто сделал нашу гурумсарайскую землю богатой и красивой. В наши руки вы передаете эту землю. С благодарностью берем мы землю вашу и вашу мудрость! Любимая поговорка моего дедушки: «Что собрал ложкой, не раздавай черпаком!» Раньше я пропускала ее мимо ушей. А вот когда узнала, что такое неделимый фонд артели, то сразу вспомнилась именно эта поговорка. Что часто бывает? Осень, делят доходы. В каждом хозяйстве своя мерка. Нередко колхозу — ложкой, себе — черпаком. А как же, товарищи, с расширенным воспроизводством? Просить кредит у государства? Возьмите проект нового Устава! Я согласна, что надо колхозу — черпаком, а себе — ложкой. А размер ложки четко определить. В своем новом Уставе мы должны записать: в неделимый фонд колхоза отчислять не менее пятнадцати процентов общего дохода. Об этом я и говорю от имени молодежи. Спасибо, аксакалы, за внимание!..

...В 1930 году Адыл Фазылов сказал в чайхане всем, кто там был: «Будем обрабатывать землю сообща. Будем добывать воду сообща. Урожай не мой и не твой, а наш! Коммуна!»

В 1932 году коммунары организовали колхоз «Жамият» — «Общество». Начали агитировать людей — не идут. Приехал из столицы республики сам Файзулла Ходжаев. Куда там! Особенно горцы упрямы. Он им: «Колхозники смогут жениться без услуг муллы! Законно и без всяких там калымов и подношений». Они ему: «Нам и мулла пообещал то же самое!» Он: «В колхозе будет трактор». А они: «Зачем шайтан-арба? После него семена не взойдут!» «Ну, что ж, ковыряйте свою землю деревянной сохой... Но когда взойдут наши колхозные семена, знайте, право на урожай будут иметь только члены артели! Договорились?..»

И дехкане стали писать заявления. Свыше двухсот человек вошли в артель. Подсчитали инвентарь — дюжина конных плугов, десяток омачей, деревянных сох, остальное — кетмени. Несколько лошадей и быков. Был трактор, но это был один-единственный «ХТЗ». В первый год под хлопок не осилили и трехсот гектаров. А поливать как? Сыр-Дарья рядом, но она внизу, а насосов — ни одного. Выручали деревянные колеса с кувшинами — чигири...

Помог канал. Вода пришла! На полях работали четыре трактора. Взяли по двенадцать центнеров с каждого гектара! «Колхозные семена» взошли! А потом девять соседних артелей слились в одну. В память о дехканском сходе в Санге она носит имя человека, который подсказал дехканам, что надо делать, — имя Ленина. С 1938 по 1956 год председателем этого колхоза был Акбарали Ташматов, тот самый арбакеш, рваный халат... Росли посевные площади, росла урожайность, росли люди. Акбарали-ата готовил себе смену.

С первых дней приметил он старательного паренька, кетменщика Ахмаджана Адылова. Ахмаджан — сын первого председателя. Выйдет Ахмаджан в поле — никто его не опередит. Возьмется за бригадный табель — полный бухгалтерский ажур. А главное — придет вечером в правление и такое иногда подскажет, что Акбарали-ата тотчас вспомнит его отца. А тот, бывало, говорил одно: «Не владей добром, а владей умом». Был Ахмаджан и учетчиком-заправщиком тракторной бригады и бухгалтером. Получил среднее агрономическое образование. Работал парторгом. И снова бухгалтером, на этот раз старшим. Точный, справедливый учет-отчет дисциплинировал колхозников, буквально окрылял их. Прошло немного времени, и Ахмаджана Адылова избрали председателем. Он начал неотступно вводить строгий учет-отчет. Повеселели люди. В 1968 году средняя месячная зарплата колхозника — 169 рублей.

...Внимательно слушает сход Турдыали Латипова, звеньевого. Он говорит об ответственности каждого колхозника за свою работу:

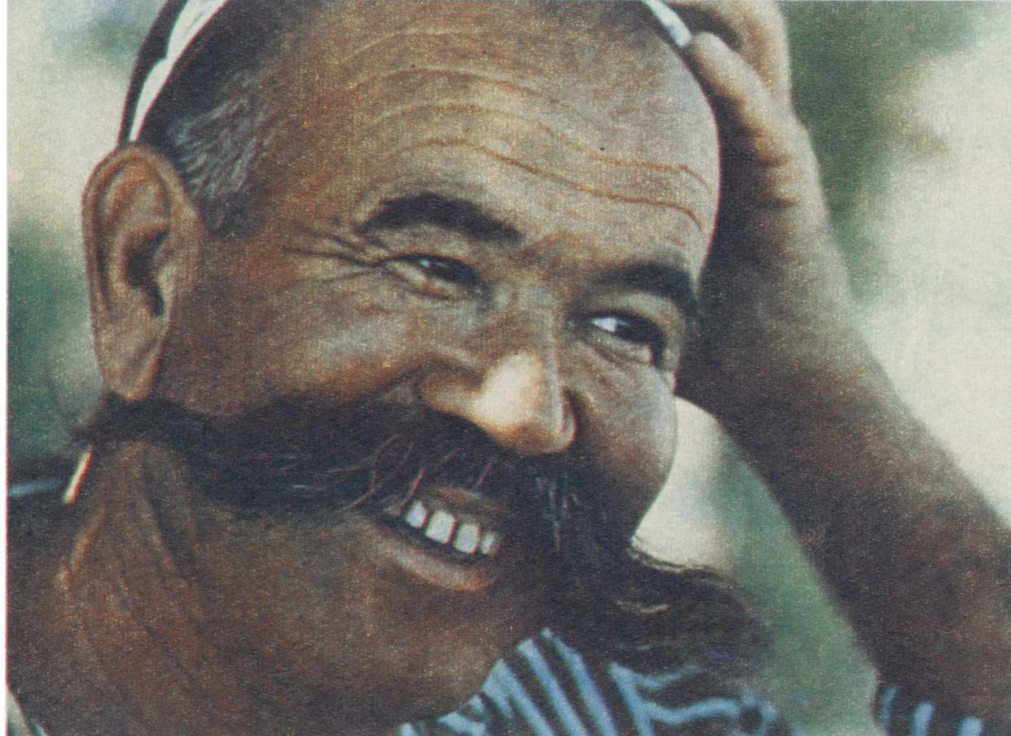
— Вот пример. В прошлом году мы сдали государству почти по сорок центнеров с гектара, в нынешнем будет пятьдесят. В чем дело? Земля та же. Воды столько же. А дело в том, что наши люди научились узнавать каждый кустик в лицо, отзываются на каждое его желание. Но ведь есть еще колхозники, которые ходят по своему полю чужаками да еще и болтают в чайхане о низкой оплате. Бракоделы! Люди, в новом Уставе надо написать: «Негодная работа не оплачивается»...

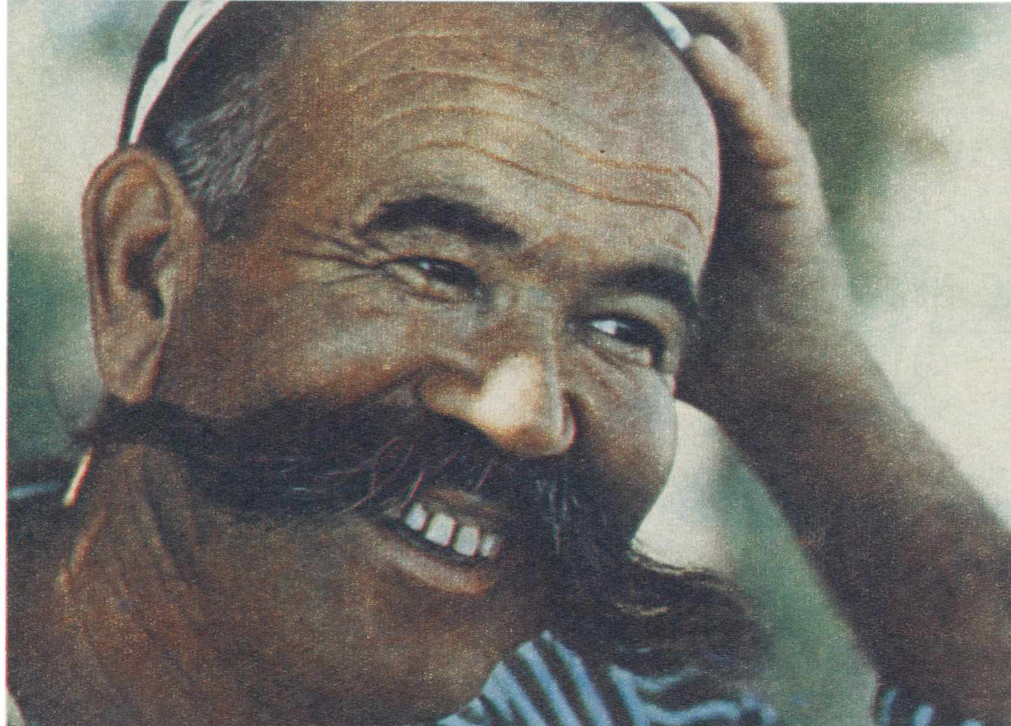
Потом сказал свое слово раис — председатель колхоза имени Ленина, заслуженный хлопкороб республики, член Комиссии по выработке Проекта нового Устава сельскохозяйственной артели Ахмаджан Адылов:

— Нет сейчас земледельца, который бы не думал о том, каким должен быть Устав сельхозартели. Ваши слова, товарищи, продиктованы сердечной заботой о родном хозяйстве. Скажу и я. Соревнуются два хозяйства, природные условия одинаковые. Но одно использует их в полную силу, заботится об освоении целины, другое, если взять хлопчатник, дает сырца вдвое меньше. И на следующий год передовому хозяйству увеличивают плановые задания по урожаю и освоению новых земель, а отстающему — сплошные льготы. Это плохо, это недальновидно, вредно для всех нас и для отстающего хозяйства. Непедагогично! Новый Устав должен положить этому конец. И второе: школьники — будущее колхоза. И когда идет речь о строительстве школы, о ремонте — без нас не обходятся, а вот в учебной и воспитательной работе мы, колхозники, никто. Надо, чтобы в педагогическом совете сельской школы заняли место члены правления колхоза. Они хорошие советчики и помощники, помогут воспитать у школьников уважение к профессиям своих родителей, смогут участвовать и в устройстве выпускников в техникумы, вузы, решать вопрос о колхозной стипендии. Кишлак из года в год будет получать своих агрономов, зоотехников, инженеров, экономистов, врачей...

...Гудит многоголосье сельского схода. Слушает людей великан Чаткал; с другой стороны, внизу — все та же буйная Сыр-Дарья. Они молчат, как и тогда, на ленинском сходе в Санге. Сегодня тоже ленинский сход.

Дауджан Адылов, колхозный бригадир.

Утро урожая.

То, что кетменю не под силу...

Еще одна школа.

В кишлаке, на перекрестке.

Фото А. Награльяна

Бригадир комсомольцев-хлопкоробов Анархон Эргашева.

Сход гудит...

1.800.000

На вопросы «Огонька» отвечает Председатель Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» Совета Министров СССР
А. А. ЕЖЕВСКИЙ

ВОПРОС. В техническом вооружении советской деревни произошли большие изменения. Колхозное крестьянство давно получило те 100 тысяч тракторов, о которых говорил В. И. Ленин. Каков характер сегодняшних заказов деревни нашей промышленности?

ОТВЕТ. Понадобились многие годы титанического труда всего народа, под руководством Коммунистической партии, чтобы ленинское предвидение решающего поворота русского крестьянства к «коммунии» стало реальностью. Ныне на вооружении колхозной деревни находится свыше одного миллиона восьмисот тысяч физических тракторов. Да и тракторы стали другими, непохожими на первенца отечественного тракторостроения — 15-сильного «стального коня», сохранившегося теперь лишь в виде статистической единицы для учета мощности тракторного парка. Пахоту колхозных и совхозных полей в основном ведут тракторы мощностью в 75 лошадиных сил и больше, а на степных просторах Казахстана, Кубани, Поволжья, Оренбуржья и некоторых других районов широко применяются тракторы ленинградского Кировского завода К-700 мощностью 220 лошадиных сил.

Но колхозам и совхозам нужны машины, обладающие еще большей производительностью. Это может быть достигнуто прежде всего путем дальнейшего повышения мощностей двигателей и увеличения рабочих скоростей агрегатов до 9—15 километров в час (пока эти скорости не превышают 5—8 километров в час). И надо сказать, что инженерно-конструкторская мысль, усилия коллективов предприятий промышленности тракторного и сельскохозяйственного машиностроения направлены на удовлетворение этих нужд села. Так, в 1971 году на Харьковском тракторном заводе должен быть начат выпуск тракторов Т-150 и Т-150К мощностью 150 лошадиных сил, которые в настоящее время проходят государственные испытания. Пропашной трактор типа «Беларусь» в ближайшем будущем должен будет иметь мощность 80 лошадиных сил вместо 50—55, мощность трактора Т-4 Алтайского завода повысится до 130 лошадиных сил, а К-700 — до 300 лошадиных сил!

Таким образом, резко возрастет энергетическая база колхозного и совхозного производства. А энергетика, как известно, основа основ. Рост энергетических мощностей колхозов и совхозов позволяет в широких масштабах осуществлять химизацию сельского хозяйства и мелиорацию земель, а это — главное условие увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Естественно, что значительно расширяется и номенклатура машин, механизмов, различных приспособлений, которые колхозы и совхозы хотят получать от промышленности. Не говоря уже о разнообразных машинах для обработки почвы, ухода за посевами и уборки урожая, крупные заказы села поступают на машины для внесения органических и минеральных удобрений, на транспортные средства и различную землеройную технику. Огромный спрос за последние два-три года появился на оборудование для механизации животноводческих ферм. Необходимо, однако, подчеркнуть, что наибольший экономический эффект достигается не механизацией отдельных трудоемких процессов, а комплексной механизацией всех процессов технологического цикла производства сельскохозяйственных продуктов. Поэтому в настоящее время промышленность осваивает производство комплексов машин, предназначенных для возделывания и уборки урожая зерновых культур, в том числе кукурузы, а также и сахарной свеклы, комплексов оборудования для механизации молочнотоварных, свиноводческих и птицеводческих ферм. Вот главное направление в механизации колхозного и совхозного производства.

ВОПРОС. Каковы в общих чертах проблемы индустриализации нашего сельского хозяйства, каковы требования к технике, с помощью которой будет осуществлена комплексная механизация сельского хозяйства?

ОТВЕТ. Собственно говоря, в вашем вопросе в известной мере содержится и ответ. Действительно, ближайшее будущее нашего сельского хозяйства мыслится лишь в плане самого широкого проникновения во все его отрасли характерных индустриальных черт. Сельскохозяйственное производство будет представлять собой единую технологическую цепь возделывания, уборки и частично промышленной переработки продукции. При этом затраты ручного труда будут сведены к минимуму.

Зерновое хозяйство страны во многом приобрело те индустриальные черты, о которых речь шла выше. Однако применительно ко всему сельскому хозяйству достижение поставленных задач потребует все же ряда лет. Существующий уровень производительности труда в сельском хозяйстве предстоит повысить по крайней мере в три-четыре раза. Для этого советские ученые и специалисты разрабатывают систему высокопроизводительных машин, используя все новейшие достижения технического прогресса. Вместе с повышением мощностей, увеличением рабочих скоростей предусматривается применение широкозахватных и многорядных почвообрабатывающих и уборочных агрегатов, совмещение нескольких технологических операций за один проход трактора, широкое использование электроэнергии и средств автоматизации производства. Данной системой предусматривается производство машин, оборудования и различных приспособлений более 1 500 наименований, примерно в два раза больше, чем производят в настоящее время!

Многие недостающие машины уже прошли государственные испытания, другие еще должны быть конструктивно разработаны. Нет пока комплектов машин для возделывания и уборки многих овощных культур, для садоводства и виноградарства, для горного земледелия. Особенно недостает оборудования для механизации животноводческих ферм. Острой остается проблема производства новых зерноуборочных комбайнов с пропускной способностью молотильного аппарата в 5—8 килограммов хлебной массы в секунду (вместо 3,7 килограмма в ныне работающих на полях), шестирядных свеклоуборочных и четырехрядных картофелеуборочных комбайнов. Колхозам и совхозам крайне необходимы транспортные средства более высокой грузоподъемности, особенно самосвалы, а также автомобили с повышенной проходимостью.

Для все расширяющегося производства продуктов животноводства на промышленной основе нужно высокопроизводительное оборудование ферм, позволяющее применить новые, прогрессивные технологические процессы.

Конечно, отечественная промышленность тракторного и сельскохозяйственного машиностроения немало сделала для оснащения колхозов и совхозов техникой. Вместе с тем нельзя не сказать, что заказы советской деревни удовлетворяются еще далеко не полностью. Министерствам тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, автомобильной промышленности, строительного, дорожного и коммунального машиностроения предстоит еще многое сделать для всемерного расширения производства машин для села.

ЗЕРНА ФАКТОВ

Только за один 1918 год на национализированной земле были организованы 3 101 совхоз, 2 960 сельскохозяйственных коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли. Они имели не менее 800 тысяч десятин земли.

В 1967 году в стране насчитывалось 36 200 колхозов и 12 700 совхозов.

* * *

Наше сельское хозяйство теперь дает продукции больше, чем в 1913 году, в 2,9 раза и вдвое больше, чем в 1940 году. При этом удельный вес численности работников, занятых в сельском хозяйстве, сократился более чем в 2 раза, а производительность труда увеличилась в 5 с лишним раз.

* * *

В 1965—1968 годах среднегодовой валовой доход колхозов увеличился на 52,3 процента по сравнению с доходом, полученным в 1961—1964 годах.

* * *

В колхозах и совхозах страны работают 3,8 миллиона тракторов (в 15-сильном исчислении), более 580 тысяч зерноуборочных комбайнов, 1,1 миллиона грузовых автомобилей.

Каждый колхоз в настоящее время имеет в среднем 45 тракторов (в пересчете на 15-сильные), 14 грузовых автомобилей. На одного колхозника приходится 6,7 лошадиной силы энергетических мощностей.

* * *

99 процентов колхозов пользуются электроэнергией. Энерговооруженность труда в колхозах возросла по сравнению с 1928 годом в 17 раз, а энерговооруженность одного работника сельского хозяйства только за три последних года возросла на 22 процента.

* * *

Только за 1960—1968 годы оплата человеко-дня в колхозах страны возросла в 2,5 раза, объем общественных фондов потребления — более чем в 3 раза.

* * *

Средний размер оплаты человеко-дня колхозников в 1968 году составил 3,5 рубля. Такова же оплата работы в совхозах. Реальные доходы в расчете на одного работающего в 1966 году по сравнению с 1913 годом возросли с учетом бесплатного обучения и лечения, пенсий, пособий и других выплат за счет государства в 8,5 раза.

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

„ИМПУЛЬС"

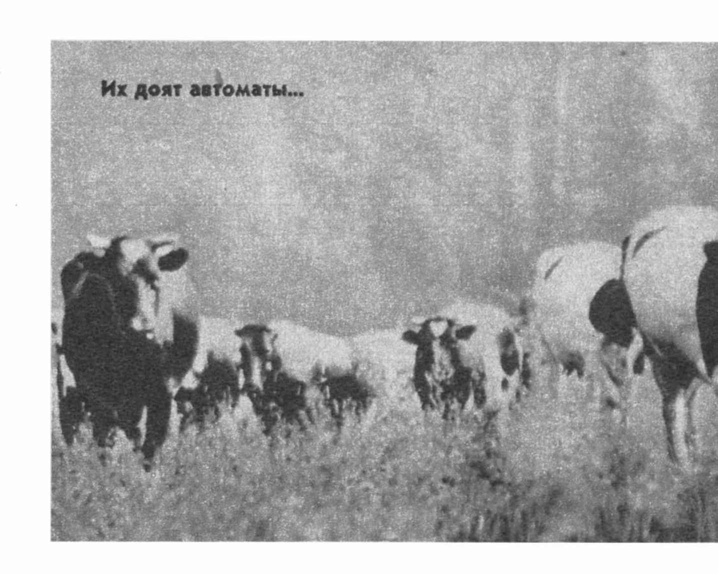
В Подмосковье появилась ферма — мечта отечественных животноводов. Это ферма Всесоюзного научно - исследовательского института электрификации сельского хозяйства ВАСХНИЛ. Экспериментальная. И тут нельзя не вспомнить, что опыты, поиски ученых, стремящихся облегчить труд животноводов, начались еще в первые годы жизни Советского государства.

...1921 год, 22 октября, Москва, Бутырский хутор. Владимир Ильич Ленин приехал на испытание электроплуга — пахотного агрегата на канатной тяге. Первые 20 электропахотных агрегатов были изготовлены в Петрограде по инициативе В. И. Ленина. И вот Владимир Ильич приехал на испытание одного из них.

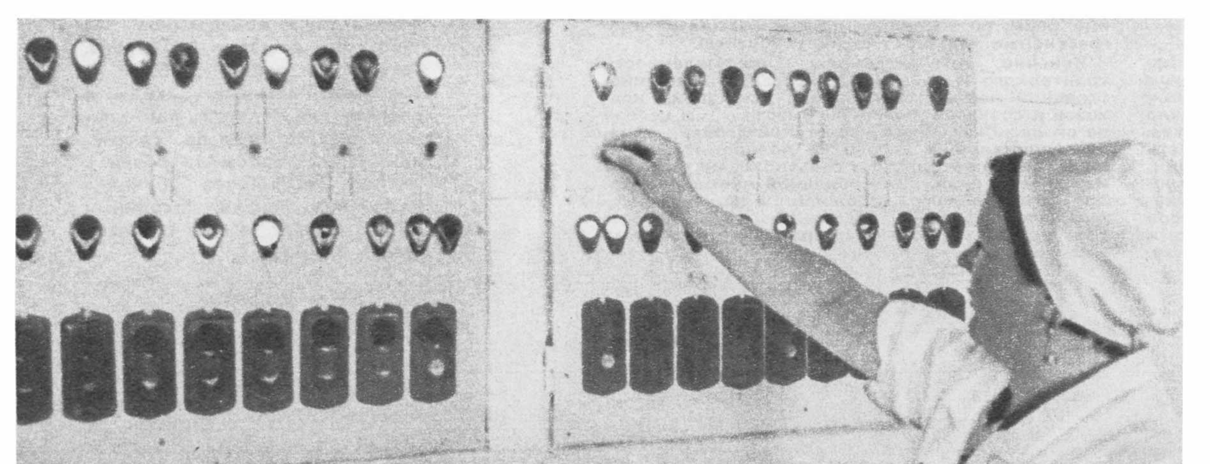
Сейчас на месте Бутырского хутора улица Костякова с новыми многоэтажными домами. Дмитровское шоссе — оно по соседству — реконструировано, но по-прежнему проходит здесь железная дорога, по которой мчатся электропоезда в Истру, туда, где электричество доит и кормит коров, убирает дворы, сепарирует и упаковывает молоко, грузит его по утрам на машины для отправки в магазины.

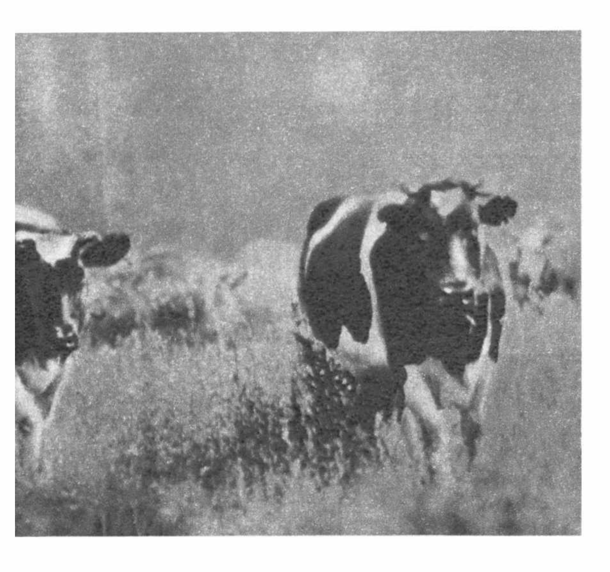
...Истринское опытное хозяйство. Константин Михайлович Чоботов спешит в институт и потому «благословляет» фотокорреспондента «Огонька» на самостоятельное путешествие по ферме чудес. И вот, читатель, перед тобой снимки, результат того путешествия. Нет, это, конечно, не ферма, это настоящий молочный завод. Здесь все вновь: и технология производства молока, и его обработка, и система автоматизированных поточных линий. Царство электричества, молокопроводов, разноцветных кнопок на пульте управления.

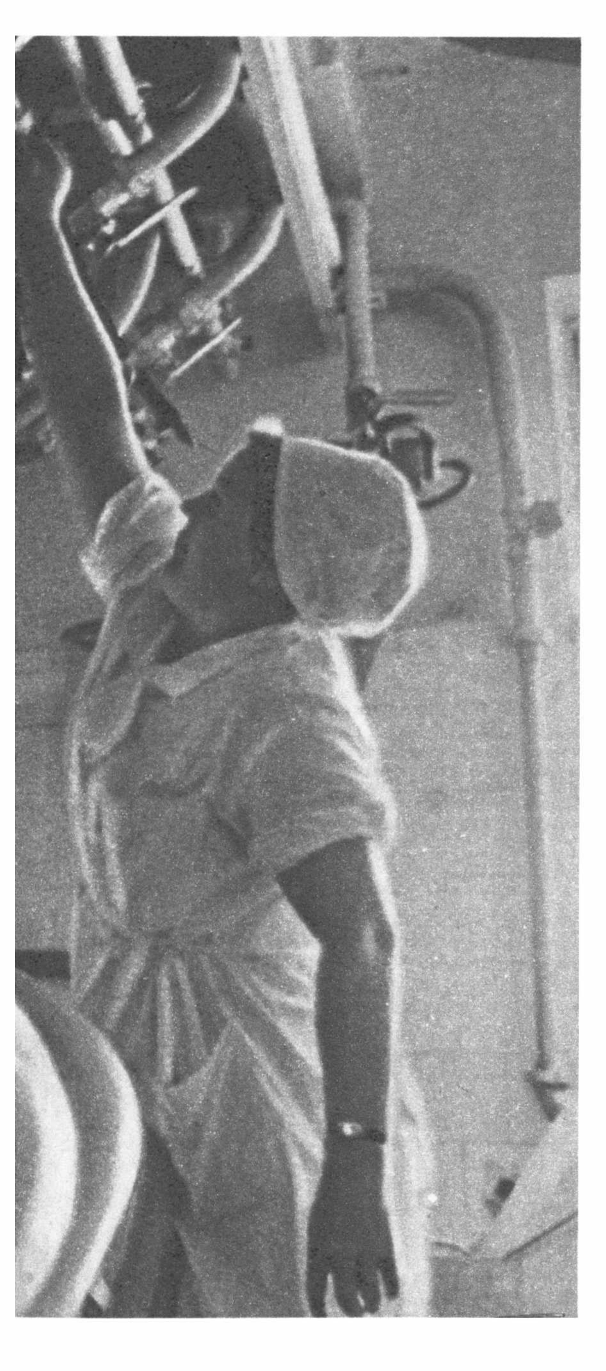
Доит коров установка «Импульс». Из трех коровников молоко по центральному молокопроводу собирается в специальный цех, где его нормализуют по жиру, пастеризуют и охлаждают. Накапливается оно в огромных чанах, а постоянную температуру поддерживает холодильная установка. Затем автомат расфасовывает молоко в пакеты. Три тысячи шестьсот пакетов в час. Ежедневно электроферма в Истре с помощью установки «Импульс» отгружает

Их доят автоматы...

Главный пульт доильного зала.

почти десять тонн молока. Пять человеко-часов требуется на производство ста килограммов молока. Годовой доход завода в 1968 году составил 260 тысяч рублей, стоимость этого завода окупается за три года!

Таков завтрашний день колхозных и совхозных ферм. День этот предвидел В. И. Ленин. Потому он и приезжал холодным утром 22 октября на Бутырский хутор.

Фото А. Бочинина.

ЭСТОНИЯ

БЕЛАЯ ИНДУСТРИЯ

ЕСЛИ БЫ КОРОВА ЗАГОВОРИЛА

Если бы это действительно вдруг случилось, то, вероятно, я тотчас бы получила задание редакции взять интервью в Эстонии. Известно ведь, что здешние коровы по многим показателям шествуют в авангарде этих достойных всяческого уважения особ, пасущихся на просторных лугах Советского Союза, а страна наша, как это недавно было отмечено проходившей в Москве 53-й сессией генеральной ассамблеи Международной молочной федерации, занимает первое место в мире по количеству молока.

Нашла бы я осанистую красавицу эстонской черно-пестрой породы и задала бы ей такой вопрос: как она оценивает состояние молочного хозяйства в прошлом и настоящем?

И черно-пестрая, еще 130 лет назад соединившая в себе породистую кровь голландских ост-фризов и выносливый характер местных крестьянских коров, явно и не без оснований гордящаяся достоинствами своего рода, не смогла бы, вероятно, умолчать о следующем.

Долгие годы ничто не менялось в животноводстве. А сейчас многие фермы перестроены, изменилась самая технология производства молока, не коровы ищут корм, а корма доставляют на молочные фабрики. Но как было с молоком раньше? Молоко сливалось в бидоны, которые, как ни мой их, могли и проржаветь и придать свежему молоку неприятный металлический привкус и запах, потому что молоку долго приходилось быть заточенным в них. В этом теплом металлическом плену молоко теряло и питательность и вкус.

Теперь перейдем к проблемам сегодняшним. Недостатки, конечно, еще есть. Но то, что за два-три последних года сделано для коров и молока, заслуживает всяческих похвал.

Прежде всего — забота о чистоте породы. Черно-пестрая порода!.. Племя это в настоящее время распространяется не только в Эстонии, но и по всему Советскому Союзу. Эстонские красные коровы молоко дают тоже хорошее. А коровники? Почти все они построены недавно. Здесь установлены очень солидные и сильные механизмы. Все эстонские фермы обеспечены электричеством и механизированной уборкой навоза. Доят коров с помощью доильных установок «Импульс-Пипелине». На эстонских фермах дойка механизирована почти на сто процентов, то есть почти повсюду. Да, больше уж не звенит и не пенится в открытых подойниках молоко, а это значит, что оно не пылится, не загрязняется, не соприкасается с воздухом.

Но хорошие коровники — это не все. Главное — правильное питание. Теперь для пастбищ выделяют не бросовые, как раньше, а лучшие земли на берегу речек или ручьев, чтобы в любую минуту можно было попить. Эти участки удобряются и разделяются на огороженные квадраты, каждый квадрат засеян отличной луговой смесью самых пктательных трав. А скормленный квадрат удобряется, в случае засухи поливается, и на нем снова отрастают прекрасные травы.

ШЛЮЗЫ НА МОЛОЧНОЙ РЕКЕ

Прервав наше шутливое воображаемое интервью, построенное, однако, на самых достоверных фактах, попробуем проследить дальнейший путь эстонского молока — от фермы до потребителя.

Летом в течение одного дня в Эстонии накапливается 3 257 тонн молока — целая река. Как всякая река, и эта, молочная, рождается из струек и ручейков, и, как всякая река, она тоже должна куда-то впадать. И, как на всякой реке, здесь есть свои пороги и шлюзы. На подавляющем большинстве эстонских ферм есть холодильные установки — ликвидирована первая угроза для свежести молока. Следующая угроза — это перевозка молока на молочный комбинат. Здесь у Эстонии есть несколько преимуществ перед другими республиками. Преимущество первое и главное: короткие дороги. Самый долгий срок перевозки — не больше двух часов. За это время хорошо охлажденное молоко не скиснет. Преимущество второе: густая сеть асфальтированных дорог. Если сравнивать с огромными пространствами РСФСР, то густота эстонских дорог в двадцать раз больше, чем в России. Преимущество третье: все цистерны, перевозящие молоко, находятся в распоряжении одного хозяина — Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог.

Быстрая и стерильная переработка молока — вот и весь секрет эстонских молочников. Стоят за этим научная работа, усилия колхозников, строителей, транспортников, старые традиции уважения к молочному делу и достижения современной техники. Увеличивается количество молока, и вырастают в новой эстонской деревне новые дома, молодые сады, колхозные санатории. Появляется свободное время, труд становится легче, жизнь богаче, интереснее. И все это несет с собой белая индустрия.

Н. ХРАБРОВА

Они все в то или иное время побывали у нас в «Огоньке». Журнал печатал их портреты, брал интервью, они и сами приезжали в редакцию. Они — это герои колхозных полей памятных 30-х годов, пионеры социалистического земледелия. Сегодня мы не можем не вспомнить тех, кто прокладывал первую борозду.

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ БОРИН — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии. Бывший комбайнер, ныне кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

ДАРЬЯ МАТВЕЕВНА ГАРМАШ — в прошлом знаменитая трактористка. В 1942 году ее бригада заняла первое место среди женских тракторных бригад страны.

На I Международном конгрессе женщин в Париже в 1945 году Д. М. Гармаш была одним из самых популярных его делегатов: мать двоих детей, жена фронтовика... А в следующем году Дарью Матвеевну Гармаш избрали депутатом Верховного Совета СССР, тогда же она стала и лауреатом Государственной премии! Сегодня Д. М. Гармаш — управляющая районным отделением «Сельхозтехника» в Рязанской области.

МАРИЯ СОФРОНОВНА ДЕМЧЕНКО собрала рекордный урожай сахарной свеклы в колхозе «Коминтерн», Киевской области. Она пионер движения пятисотниц. После того как в Москве ей вручили орден Ленина, Мария попросила дать ей возможность учиться. Вскоре она поступила в Киевский сельскохозяйственный институт. До войны была колхозным агрономом, а позже Марию Софроновну избрали председателем колхоза. Последние годы М. С. Демченко работала в Киеве, в научно-исследовательском институте сахарной свеклы, и вот уже год, как она на пенсии.

А теперь вопрос к героям первых пятилеток:

— Какой день из прожитых в те годы запомнился вам особенно ярко?

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...

К. А. БОРИН: УМЕЙ ЧИТАТЬ ПОЛЕ.

— В двадцатые годы я выучился на слесаря. Считал, что важнее и ценнее слесарного ремесла на свете нет. Тогда и не мечтал водить такую умную машину, как комбайн. А между прочим, до комбайна испытал почти все орудия, с помощью которых добывали хлеб: пахал сохой, плугом, жал серпом, убирал колосовые лобогрейкой, жаткой, сноповязалкой... В 1935 году после службы в Красной Армии приехал по зову партии на Кубань. Окончил в станице Ленинградской школу комбайнеров и наконец-то получил машину.

Во всех деталях, как сегодня, помню тот день! Новенький «Коммунар», мощный (по тем временам!), чудо техники, и я перед ним — новичок, совсем неопытный. Справлюсь ли? Знал, что работать, конечно, сумею, но ведь я отвечал и за машину и за ее авторитет, если можно так сказать, и еще все мы, механизаторы, должны были отвечать за большой хлеб страны. Помню, беспокоила меня мысль: как же нужно теперь жить, чтобы оправдать назначение механизатора, проводника идей индустриализации новой деревни.

Умей читать поле! — вот как я определил тогда главную свою задачу. И до сих пор уверен, что определил правильно.

Умей читать поле! Для меня в то время это прежде всего означало вести поиск. Помню, как мы — тракторист Егор Копыт, помощник комбайнера Клава Вороная, водовоз Вася Борисенко и я — перебирали по мелочам все, из чего складывалось наше дело, думали, как усовершенствовать свой труд. Когда все взвесили, убедились, что резервов у нас непочатый край: можно и зерно на ходу разгружать, и воду на ходу в комбайн заливать, и ночью работать, если освещение приспособить. Сделали. Потом сцепом двух комбайнов убирать взялись. Тогда и пришли рекорды: 780 гектаров убрали в первый сезон. За 12 лет я выполнил 89 годовых норм и намолотил три миллиона пудов зерна.

О чем я думаю, когда вспоминаю свои рекорды? Хочется повторять и повторять молодым: учитесь читать поле! Не уставайте в поиске! Теперь искать сложнее, чем тогда, когда был я комбайнером. Но и необходимее, чем тогда, потому что у прогресса гигантские шаги. Не отстать, не отстать, не цепляться за старое!

Д. М. ГАРМАШ: СУДЬБА МОЯ СЧАСТЛИВАЯ...

— Их несколько, таких дней. Но они сейчас вспоминаются, как один долгий, тяжкий день войны... Дело не в рекордах. Крепко мы ненавидели фашистов, хотели возвращения с победой своих отцов, мужей, женихов, братьев. И еще учились у первой трактористки страны, у Паши Ангелиной.

Мою бригаду вскоре обогнала бригада Маруси Кострикиной. Маруся — моя ученица. Как я отнеслась к ее успехам? Расскажу. Слышала я о черной зависти, но не понимаю, что это такое. Во всяком случае, самой испытать не довелось. Рекорды Маруси Кострикиной работали на победу. А могло ли быть у нас большее желание, чем желание победить на фронте и в тылу? И я гордилась Марусей. Не скрою, нам хотелось обогнать ее, признанную в конце войны лучшей среди сотен тысяч трактористок страны. Мы часто менялись местами...

Война оставила меня вдовой с детишками на руках. Муж умер вскоре после возвращения с фронта. Позже я встретила своего школьного товарища, и у меня появилась новая семья. Мой второй муж тоже механизатор. Мы счастливы, довольны жизнью. Между прочим, в этом нам здорово помогают дети. Дочь Людмила работает врачом в Ухте, Коми АССР. Вышла замуж за геолога. Их встреча решила и судьбу сына Владимира. После окончания школы он уехал к зятю, стал радистом в геологической партии. Одновременно учится. Второй сын, Саша, школьник. Мы с мужем рады, что у нас и у наших детей одна линия в жизни — не искать легкой дороги. И стала я управляющей отделением «Сельхозтехника» не за старые заслуги. Я всегда много работала, а училась даже тогда, когда была уже директором МТС. Твердо знаю, счастье завоевывается в борьбе с трудностями. Тогда оно настоящее.

К. Борин,

Д. Гармаш,

Такими их знала страна в 30-е годы.

М. Демченко.

М. С. ДЕМЧЕНКО: ХОТЕЛИ УВЕЗТИ ПО БУРАЧКУ НА ПАМЯТЬ...

— Я назвала бы один день, который для моей трудовой судьбы очень знаменателен. Не помню точно числа — это было весной тридцать четвертого года. На колхозном собрании похвалили свекловодов и меня тоже. Я сгоряча возьми да и скажи: «Обещаю вырастить триста центнеров свеклы с гектара!» Сказала и сама испугалась. Но виду не подаю, стою на своем, хотя вижу, что мои слова никто всерьез не принимает... Только у меня все вышло хорошо. Собрала я в ту осень по 469 центнеров свеклы с гектара. Выдали звену премию — каждой свекловичнице по червонцу. Написали у нас в газете, а меня вызвали в Москву, на II Всесоюзный съезд колхозников-ударников. И там, на съезде, я пообещала вырастить еще больше свеклы — пятьсот центнеров с гектара!

А бураки растить далеко не просто. Сахарная свекла — одна из самых трудоемких культур, требует постоянной о себе заботы. Для меня и сейчас сахар несладким кажется: как посмотрю на кусок рафинада, так бурак в поле вспоминаю. Село наше было батрацкое. Нас, девчат, с детства работать в поле приучили. И мы на свекле работали так же, как и бабки наши, ничего нового. Когда спрашивали нас корреспонденты, как мы вырастили такой урожай, то отвечали просто: как все, так и мы растили. Ну, старались больше.

А теперь, когда мы решили собрать большой, невиданный урожай, от нас уже требовалось что-то особенное. С агротехникой я тогда была мало знакома, поэтому достала и прочитала все книжки по свекловодству, какие только удалось найти в районе. И еще решили работать, не щадя своих сил. По селу и так разговоры шли, что до работы я просто дурная. Девчат своих предупредила: пощады от меня не ждите! Если честно говорить, не все они в тот год выдержали. К осени из восьми человек в звене остались четверо.

Начали с того, что еще зимой вывезли на участок удобрения. Ночами сидели в хате-лаборатории, проверяли семена на всхожесть. Надеялись только на себя, потому что колхоз никаких послаблений для нас в работе не давал. Наоборот, участок наш — один из худших — «гадючкой» в селе это место называли. А от дома до участка пять километров. Встанешь, бывало, до рассвета — и бегом на поле, потому что если шагом, то не успеешь. А мы ведь не только на свекле были заняты, нас и к другим колхозным работам постоянно привлекали. Только разогнешь спину — и на другое поле. Возвращались домой к ночи. К концу лета я уже и сон и аппетит потеряла...

Помню, много мне доставалось от гостей. Часто приезжали делегации: о нашем обязательстве писали в газетах. И почему-то все приезжающие хотели увезти на память по одному бурачку. А как я могла им это позволить, если у меня каждый бурак на учете! Любой из них под моими руками не меньше двенадцати раз побывал, каждый рядок наизусть знала. Прямо до слез дело доходило...

Наконец выкопали звеном свеклу, отправили на завод. Было это 17 сентября 1935 года. Эту дату помню! Волновалась я... С завода позвонили в контору и сообщили: 523 центнера 70 килограммов с гектара!

Был настоящий праздник в колхозе. Играл духовой оркестр, приехали гости. Прямо за огородами устроили посадочную площадку для самолетов. Веселились все до глубокой ночи, а на рассвете я стала собираться. Помню, долго отпаривала и отмывала от земли руки. Надо было уезжать в Москву...

Как же я удивилась, когда в столице встретила еще тридцать пять девушек-свекловодов из разных районов страны! Они тоже собрали больше пятисот центнеров с гектара! Так и назвали нас — пятисотницы. Порадовалась я: не зря делегаты присматривались к моим бурачкам.

●

Заочную пресс-конференцию «Огонька» провели Е. Лутохин, Б. Смирнов, А. Щербаков.

Почему удобства быта называют городскими? Устаревшее понятие. Удобства — потребность каждого человека, и то, что в селе удобств всегда было меньше,— беда, а не вина селян.

22 апреля 1970 года будут подведены итоги Всесоюзного соревнования энтузиастов переустройства сел. Страна узнает новые адреса лучших деревень, сел и совхозных поселков, где быт тружеников полей и ферм мало чем отличается от городского. Назовут и победителя. Будет ли это Ларга, молдавское село? Или один из новорожденных совхозов Минской области? Или обновленная марийская деревня с пламенным названием Революция, Горномарийского района? Нет сомнения, что у тех, кто уже перестроил свою родную деревню, найдутся сотни, тысячи последователей. Ведь как еще часто новый быт, житейские потребности отстают от возможностей хозяев, от окрепшей экономики. Но двадцатый век властно вошел в жизнь колхозного села.

Бесплодны споры, нужны ли небоскребы в деревне. Это дело самих трактористов, доярок, агрономов, полеводов решать, где им жить: в коттедже или в многоквартирном доме, с огородом ли рядом? Важно, чтобы весь уклад, быт, удобства соответствовали возросшим экономическим возможностям колхозников, чтобы происшедшие социально-экономические изменения нашли свое отражение в обновленном облике села, колхозного либо совхозного городка. Телеантенна над соломенной крышей — согласитесь, что это вчерашний день. Пусть будут и сады рядом и кусок земли, где можно покопаться старикам и юной поросли, пусть будут индивидуальные «птицефермы» и гаражи — дело в другом, дело в том, чтобы житель села имел просторное, красивое жилье, водопровод (об электричестве уже речи нет), ванную, канализацию, асфальт, чтобы не носить сапоги одиннадцать месяцев в году... Да, и асфальт, и бытовые комбинаты, и торговые ряды, и кинотеатры, чтобы не деревня стремилась в город, а городские удобства переселились в деревню. И радостно видеть, как село ныне меняет свой облик.

Кубань

Что ни говорите, а приятно после работы в жаркой степи отдохнуть вот в таком Дворце культуры! Все к твоим услугам: кино- и театральные залы, библиотека, кафе... Сегодня это в станице Платнировской на Кубани, а завтра в новых и новых селах, кишлаках, поселках.

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ, ВОТ МОЙ ДОМ РОДНОЙ...

Фото Е. Шулепова, Б. Соколова, И. Павленко, В. Богомоловой, О. Кузьмина, А. Дилиса (ТАСС).

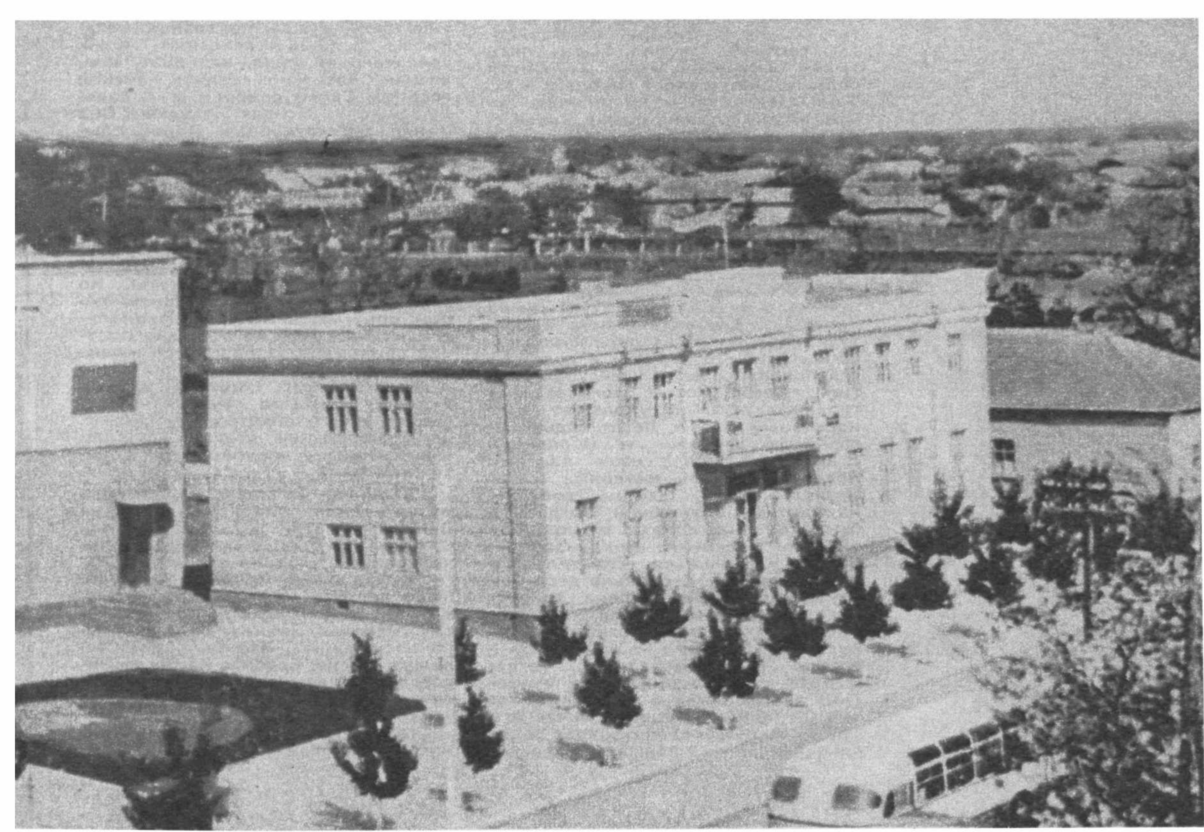

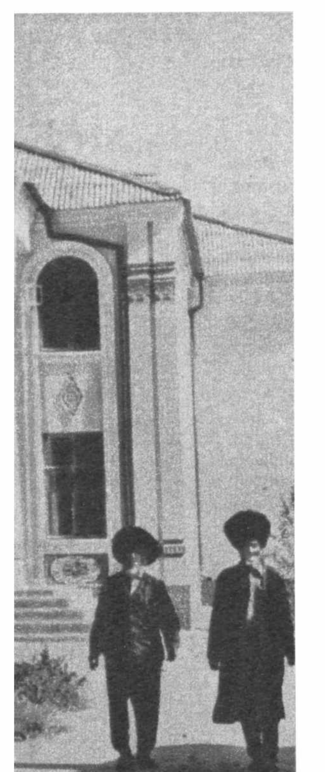
Грузия

«Хетский» совхоз Грузинской ССР — место не самое красивое в республике, и все-таки чудесный поселок построили рабочие! Такой городок ничем не напоминает деревушку...

Украина

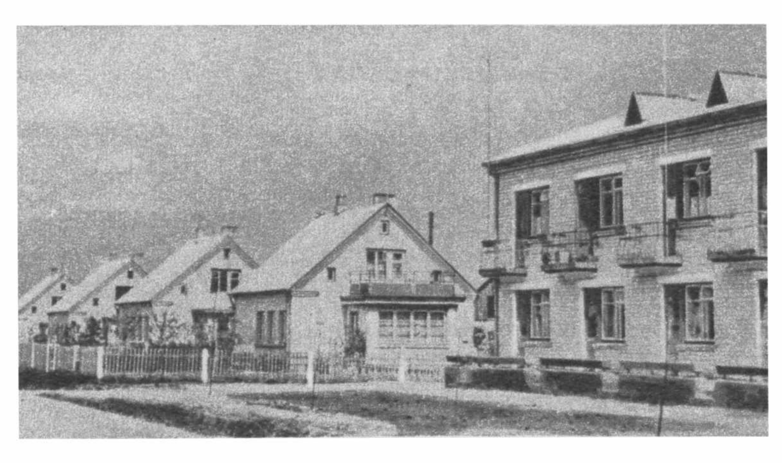
Так выглядит с птичьего полета село Каменка. Внешний вид — результат двухмиллионного дохода колхоза «Прогресс», что под Измаилом.

Туркмения

«Мир» — так называется колхоз, в котором туркмены построили этот чудесный дворец. Была вокруг полупустыня, но люди провели канал, и зазеленел колхозный оазис!..

Литва

Улица колхоза «Драугас», Радвилишкского района, на месте былой «Чертовой мельницы», как прозвали в старину это место.

РОСТОВ-на-ДОНУ

А. ЧЕРКЕСОВ,
слесарь-сборщик
завода «Ростсельмаш»

РСМ — значение этих трех букв знакомо всем советским земледельцам, крестьянам многих стран. «Ростсельмашевские» комбайны выходят на поля Бельгии и Болгарии, Венгрии и Ирана, Кубы и Уругвая, Франции и Чехословакии... Да, он стал знаменитым, наш завод — один из первенцев социалистической индустрии. А начали строить его еще в 1926 году, когда страна готовилась к социалистическому преобразованию деревни.

В те дни, помнится, в адрес «Сельмашстроя» шли письма, наказы крестьян со всех концов страны. Вот одно из таких писем: «В селе Кулешовском, Белоглинского района, Сальского округа, 700 крестьянских хозяйств объединились в сельхозартель и решили назвать ее «Сельмашстрой». Называя свой колхоз вашим именем, дорогие товарищи рабочие-строители, мы заверяем ленинскую партию, что в тесном союзе с вами завершим стройку социалистического общества в нашей стране».

Деревня ждала технику. И мы, рабочие (а многие из нас сами только от сохи) понимали, что без союза серпа с нашим молотом революцию в деревне не завершить.

Люди, пришедшие на стройку от заводов и пашен, работали с энтузиазмом. Девизом было: перевооружим деревню! Особенным задором отличалась наша комсомолия. На заводе, в цехах звучали песни и стихи — это наши «синеблузники»:

...Мы машинами степи накормим,
Будет день — этот день будет наш!
Мы заменим слово «Мак-Кормик»
Большевистским словом «Сельмаш»!

Скоро, буквально на днях, ростсельмашевцы выпустят миллион-

ный комбайн. Нам, рабочим, приятно дать его колхозной деревне именно в ленинском году.

Есть на заводе музей трудовой славы, а там — барельеф Владимира Ильича, искусно отлитый из металла по модели рабочего С. Юдичева. С. Юдичев — сын хлебороба и сам был хлеборобом до поступления на «Ростсельмаш».

В январе 1931 года наш завод полностью вступил в строй. И в том же году он дал почти столько машин, сколько выпускали все заводы царской России. В ту пору он производил тракторы, плуги, бороны, сеялки, сенокосилки, грабли. Тогда же были собраны первые два комбайна.

С огромным вдохновением трудился молодой, дружный коллектив, настойчиво осваивая новую технику. Шла упорная борьба не только за количество, но и качество выпускаемой продукции. На Международной выставке в Париже в 1937 году комбайн с маркой «РСМ» был удостоен первой премии и диплома «Гран-при». Вот каких высот достигли вчерашние землекопы и чернорабочие, колхозники и драгали, своими руками возводившие завод и накрепко оседлавшие невиданную заморскую технику. В числе тех первых энтузиастов — замечательный мастер и наставник молодых рабочих Александр Антонович Кудлаенко, он был бригадиром первой на заводе комсомольско-молодежной бригады, Родион Григорьевич Дианов, первый последователь Алексея Стаханова на нашем заводе, знаменитый в ту пору токарь Георгий Артемович Тер-Геворкян, и многие другие. Тогда начали складываться и свои ростсельмашевские династии — ведь на завод приходили целыми семьями!

С 1935 года работает в кузнечном цехе Владимир Михайлович Оторошвили. Все эти годы плечом к плечу с ним трудится и жена Надежда Терентьевна, и сыновья — Виктор и Вячеслав, и жены сыновей — Анастасия Михайловна и Лидия Васильевна, а также младший сын Владимир, недавно вернувшийся со службы в армии. Подсчитано, что рабочая семья Оторошвили отдала заводу более 100 лет жизни! Не менее знаменита и семья Савченко. Сам Гавриил Федорович трудится на заводе с 1928 года. Со временем к нему присоединились три его дочери и их мужья. Мне особенно дорог «Ростсельмаш». Я родился в крестьянской семье, в донской станице Егорлыкской. Одним из первых молодых крестьян вступил в колхоз. И я видел, как велика была нужда колхоза в машинах. С 1934 года я на заводе. Вся семья моя работает здесь же. Я сам — на главном конвейере вот уже тридцать пять лет. А рядом со мной четыре сына и две дочери. День и ночь мы куем технику для социалистических полей.

Фашистские варвары сожгли и разрушили наш завод. Его пришлось строить заново. К ноябрю 1948 года он поднялся из руин. Через шесть лет с главного конвейера сошел стотысячный комбайн. А вот теперь — в нынешнем сентябре — миллионный!

Миллион комбайнов!..

Когда-то, в первые годы работы завода, его посетил видный деятель Французской компартии Поль Вайян-Кутюрье. Он назвал «Ростсельмаш» арсеналом социалистического земледелия. Так оно и есть. Миллионный комбайн в канун ленинского юбилея — это весьма и весьма примечательно! Сотни коллективов, участков бригад, отдельные труженики борются за право поставить на узлах и деталях знаменитой машины маркировку: «1 000 000». В авангарде соревнования идут цехи сталелитейный, ковкого чугуна, кузнечный, модельный.

Нынешний предъюбилейный «Ростсельмаш» переживает свою третью молодость — идет реконструкция завода. В ближайшие несколько лет мы начнем собирать новые комбайны «Нива» и «Колос». Производительность «Колоса» в два раза выше, чем у «СК-4».

Мы, рабочие, понимаем, что задача подъема сельскохозяйственного производства — всенародная. Наш многотысячный коллектив вносит в общее дело весомый вклад.

Д. БОЙКО,
дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени Ленина, Хмельницкой области

Каждое утро прохожу я улицами нашего села. Более чем четверть века встречаю у зеленых верб, у знакомых белых хат первые лучи солнца. Уж такая моя доля председательская, чтобы подниматься на рассвете. Дни проходят в заботах, в делах разных. Днем некогда оглядываться да вспоминать. Зато утром, когда тихо и безлюдно на улицах, иной раз невольно задумаешься о прожитом. В Летаве я родился, и юность пролетела здесь. И вся моя жизнь, если не считать военных лет, от жизни села неотделима. И люди тут все знакомые мне с детства. Вот и сегодня шел я в правление, и возле того места, где мы недавно свой сельский торговый дом заложили, повстречался мне наш приемщик молока дед Маловичко. Я сам шестой десяток разменял, а деду давно за семьдесят перевалило. Стоит, на фундамент нового здания смотрит, одобрительно качает головой. Постарел. А я его каким казаком помню! Молодым, стройным, горячим. Сорок шесть лет назад создавал Василий Дмитриевич Маловичко в нашей Летаве сельскую артель незаможников, едва ли не первую на Украине. И меня, в ту пору молодого парня, батрака, артель приютила. Нас, бедняков, собралось тогда несколько человек. В бывшем помещичьем доме поселили. Так начиналась в 1923 году бедняцкая артель «Возрождение».

...Вот наши комбайнеры вместе собрались, песни затянули, выпили по чарке — отметили хлопцы окончание уборки. Потрудились они и в этом сезоне славно. Правление каждому премию вручило. Один только Иван Цисарь, комбайнер, 180 гектаров скосил, вывез пять тысяч центнеров зерна. Заработал больше четырехсот рублей. «Эх, Ваня, наверное, и не знаешь ты, что в той нашей артели, хотя и громко она называлась, земли было чуть больше тридцати десятин»,— подумалось мне.

В 1930 году мы назвали колхоз именем Владимира Ильича Ленина.

Есть в Летаве колхозный музей. Портреты, награды, дипломы, диаграммы роста... Советская биография обыкновенного украинского села, его людей... Однажды к нам приехали на практику студенты из Киевского художественного института. Группу возглавляла художница Татьяна Яблонская. А год спустя появилась всем известная картина «Хлеб». Копия этого замечательного полотна украшает наш колхозный музей. Летят годы! Сегодня те девушки и молодицы, с которых писала свою картину Яблонская, стали матерями и бабушками. Они и все мы смотрим на картину с улыбкой. Тогда что было? Веялка, лопата, мешок. Вот она, послевоенная «механизация». Как не улыбнешься, если теперь в нашем колхозе несколько десятков грузовиков, более сорока тракторов, девять комбайнов, десятки других механизмов. Но картина дорога нам. Потому что на ней наша жизнь, наша молодость. Тогда, в 1948 году, одиннадцать летавских колхозников и колхозниц стали Героями Социалистического Труда! Нынче более трехсот моих односельчан награждены орденами, 24 человека — орденом Ленина.

В 1968 году доход сельскохозяйственной артели составил почти два миллиона рублей. Много это или мало? Для «рекордной» вспышки, может быть, было бы достаточно, но хлебная степь не стадион, от коротких вспышек, в которые вкладываются все силы и напряжение, в нашем деле толку мало. Мы добивались и добились устойчивой экономики, прочности показателей на всех участках производства. Нам нужны ежегодные высокие урожаи. Именно из них складываются постоянные доходы и кооперативно-общественные богатства. Такова линия. И о том, что она осуществляется, свидетельствует наша бухгалтерия, а еще убедительнее — высокий материальный и культурный уровень жизни наших селян. В минувшем году мы собрали больше сорока центнеров зерна с гектара и больше пятисот центнеров сахарной свеклы с каждого гектара. Примерно такие же цифры характерны для ряда лет. Внушительны итоги и в животноводстве и в других отраслях артельного хозяйства.

Наши колхозники горячо обсудили Проект нового Устава сельхозартели. Проект содержит много нового, но главное в нем то, что колхозник все больше становится подлинным хозяином своей земли. А это открывает новые возможности и перспективы.

...Утро, я иду по Летаве. Прохожу мимо старого помещичьего дома, где было общежитие коммунаров. Теперь здесь амбулатория. А еще есть у нас колхозная больница. Дальше — сельский клуб, трехэтажная школа-интернат, колхозная. Вот наш стадион, летняя эстрада. Скоро откроем музыкальную школу. Это для молодежи. Она у нас замечательная! Порой слышишь, что юноши и девушки оставляют села. Я этого понять не могу. В нашем колхозе работает около двухсот комсомольцев, и ни один из них не покидает Летаву. Разве что в институты, техникумы уедут. Недавно несколько девушек, потрудившись лет пять доярками, поступили в институты. Но я наперед знаю: выучившись, домой приедут, в колхозе специалисты нужны! Многие летавцы, получив дипломы, возвращаются к земле, на которой трудились их отцы и деды. Это нас, стариков, радует Значит, все было правильно. Наши, трудом нажитые миллионы, наши колхозные стада, сады, наша техника — все перейдет в надежные руки...

...В одном из залов колхозного музея — бюст Владимира Ильича Ленина. Он отлит много лет назад. В годы гитлеровской оккупации колхозники не дали фашистам поглумиться над образом вождя: бюст спрятали в надежное место. Чугунный бюст едва поднимают десять человек. Значит, не один рисковал жизнью... Кто те люди? Они живут в селе, рядом с нами, но никогда не называли себя: они не считают подвигом то, что сделали по велению сердца.

Старое село Летава, ты мне кажешься молодым.

Станислав **СТРИЖЕНЮК**

О ХЛЕБЕ

А крестят хлеб ножом деды
Не потому, что богомольны,
Не потому, что своевольны.
А так... Чтоб не было беды.

Как скрипку, взяв ковригу хлеба,
Они ведут смычком ножа,
И чутко слушает душа
Напев простой земли и неба.

И добротой лучится взгляд,
Когда рука ковригу режет.
Во всех краях живет, как прежде,
Тот предобеденный обряд.

Перевел с украинского Л. Латынин.

Монгуш **КЕНИН-ЛОПСАН**

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ

Из тайги долетает осенняя песня марала.
Стадо ходит кругами вокруг старика запевалы,
Звучный хор великанов подхвачен таежною синью,
И в ответ на горах разгорается пламя осинок.

Из тайги долетает осенняя песня маралья
До рабочей палатки, до подтаежного края.
Комбайнер ее слышит, и рад он, что минет разлука:
Хлеб с полей уберем — и в селе меня встретит подруга.

Авторизованный перевод С. Козловой.

А. Дейнека. ТРАКТОРИСТ.

Т. Яблонская. ХЛЕБ.

Герой Социалистического Труда Татьяна Иосифовна Горячек.

Герой Социалистического Труда Анастасия Андреевна Чинник, ее муж дважды Герой Социалистического Труда председатель колхоза имени Ленина Давыд Васильевич Бойко и внук Юра.

Хлеб, хлеб...

Солнце жатвы в зените! Веселый перестук веялок на току, озорная перекличка молодух. Солнечна солома, солнечны дерево лопат и немудрой еще колхозной техники и молодые лица женщин, хозяек урожая. Тогда они были молоды, героини картины Т. Яблонской. Тогда — потому что с того полдня минули двадцать лет!.. Двадцать раз падало зерно в борозду, двадцать раз рожала земля, и столько же поднимала земледельцев страда. Золотом звезд Героев обернулись для тружениц нелегкие послевоенные будни. Да, за это время они стали Героями Социалистического Труда — и Таня Горячек, и Настя Чинник, и другая Настя — Шутяк, и Агриппина Регелюк. За свой каждодневный труд в поле, за верность хлебу. И за красоту душевную, полонившую художника. Они и сегодня, двадцать лет спустя, красивы, эти пожилые колхозницы. Их лица, их руки, подхватившие внуков,— все, все красиво по-прежнему, как красив июльский полдень в украинском селе.

Герой Социалистического Труда Анастасия Игнатьевна Шутяк.

Герой Социалистического Труда Агриппина Мойсеевна Регелюк с внуком Юрой.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

А. Пластов. УЖИН ТРАКТОРИСТОВ.

Николай БЫКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Сижу, угощаюсь полднешним молоком в доме председателя «Революции». На коленях — Алешка, кот. Признал меня своим.

— Да ты его сбрось. Линяет...

Не сброшу, я знаю цену Алешкиной привязанности. Вчера мы засиделись у Льва Ивановича, директора восьмилетки, засиделись до третьих петухов, а когда поднялись, светло было, и председатель сразу от нас пошел на дойку; так вот он, Алешка, всю ночь прождал хозяина, Дмитрия Павловича, на крыльце пришкольного дома, всю ночь. И на ферму проводил Слащова, до самого коровника, лишь потом повернул к себе домой, спать. Нет, я не согнал Алешку с колен, у меня достало ума оценить его признание. И вообще хотелось своим пожить в Шашкине, чтобы не торопились мужики рапортовать процентами в ответ даже на самые невинные вопросы, чтобы хоть в полслова поведали, как, и что, и чем живут. Вот вышел на крыльцо правления Дмитрий Иванович, счетовод, закурил и начал... о луне: «Так... примерно долетит туда человек, а как на ей удержаться? Она, гляди, круглая... Или звезды примерно, как они там держатся, на чем?.. Я от самого детства интерес к ним имею...» Курит, смотрит на небо. Собирается дождь. Правда, думает о звездах? Спрашиваю о стоимостном выражении всех авансированных средств и материальных затрат в прошлом году, о валовом доходе. «Зайдите в контору, там скажут... У нас нет его, постоянства погоды, либо сушмень наладит, либо дожжа нанесет, нет постоянства...»

А вокруг кружат грозы, где-то град, ливни валят яровые...

Поначалу казалось, что я ошибся, выбрав целью поездки Мценск. «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь». Родине поклонитесь... Это — завещание И. С. Тургенева. Я и думал окунуться в мир не тронутого временем райгородка серединной России со всеми его запахами и хотя бы внешними приметами стародавнего — былой уездной жизни. Да где там!.. Мценска, того, который знал по Лескову и Тургеневу, нет и в помине — обочь грохочущей автомагистрали Москва — Симферополь поднялся крупноблочный и белопанельный город, накрытый шапкой заводских дымов... И только позже, в Шашкине, в тридцати километрах от Мценска, ощутил родину Ивана Сергеевича. Тихо бежала среди лугов Зуша. Спела ягода в светлых лесах. На сенокосах копнили. Детством пахли старые бревна и кирпич, согретые солнцем. Липовый край! Липы отцветали, сеяли золотом и в Спасском-Лутовинове, и возле стадиона в Мценске, и на лесной дороге в Шашкино, и в самом Шашкине (колхоз «Революция»). Никогда не видел такого сильного цвета, только в детстве хмелел от сладкого духа лип. Клубился золотой и зеленый июнь. Ячмень подступился к самой деревне, блестит на солнце. Рожь наливала зерно, а вдали желтые разводья, это кукуруза в плену сурепки — сенокос, и до нее руки не доходят... Поля звенели пчелами, шмелями. И казалось, что мир плавно плывет вместе со всеми этими избами, деревнями, лесами, вместе с медленной Зушей, покачивается на волнах золотого лета.

«Кто мне растолкует то отрадное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего особенно пленительного, а мне весело. Это и есть чувство родины».

Тургенева слова. Он, говорят, упоминал в одном из писем и соседнее с ним Шашкино... Чувство родины берет в полон, липовый дух кружит голову, становится отрешенно, и ты уже не идешь по земле, но ступаешь...

С председателем «Революции», кажется, мы сошлись сразу. Дмитрий Павлович молод, ему тридцать лет, за откровенность платит откровенностью, он деятелен, грамотен, жизнестоек. «Дитя детдома, государственный ребенок»,— смеялся Дмитрий Павлович. Для него словосочетание Родина-мать буквально. Тип председателя конца 60-х годов, сейчас таких все больше. Еще год назад пел вместе с Марией Павловной, сестрой своей, в колхозном хоре, пел даже на московской сцене, играл в колхозном оркестре. Дипломированный ученый, агроном с высшим образованием, коммунист, он ничем не связан с методами руководства, характерными для деревни недавнего прошлого. Правда, есть у Дмитрия Павловича грех: он кое в чем подражает «сильным» личностям, коих, видно, наблюдал в райцентре и в колхозе, где работал после института главным агрономом. Здесь, в колхозе «Революция», он с новогодней ночи 1969 года. Дмитрий Павлович чаще все-таки терпелив в разговоре с колхозниками, сам чувствует себя лучше, в своей тарелке, если разговор хороший и не оставляет на его совестливой душе горечи. Мы вместе были на лугу.

— Девчата! Не погорит?

Это о сене — вчера был дождь, и начинающему председателю страшновато его скирдовать. «Девчата», женщины большей частью пожилые, нараспев отвечают: «Не таку клали, не сумлевайся!..» Тут и подошла Пелагея Анисимовна Дуденкова, сказать что-то хотела, но Дмитрий Павлович опередил:

— Спасибо, что вышли, торопимся убраться с сенами. К хлебу подступать время...

А она ему:

— Умру в борозде, не выпрягусь, не гляди, что старая, а тебе нынче поможем!

— Хозяюшка, да не мне, моего тут ничего нет.

— Да ведь и моего тут ничего... Обчее! Работаю, да вот конопель сдала, да телку свела к тебе...

— Не ко мне, а в колхоз, себе опять же и сдала...

— Ну, я это понимаю, в колхоз, а все же не себе ее оставила. Вот я об чем, про обчее. Как ты давеча бригадиру наказывал, давай, мол, и бабушек на луга, вот мы, бабушки, все тута.

То был объявленный субботник, и на него вышли все двести девять человек из шести деревень...

И снова далеко за полночь сидели мы — Дмитрий Павлович, директор восьмилетки Лев Иванович Мосяков, учитель Федор Иванович Игнатов со страшными следами военного детства (как освободили Шашкино, то убирали мины с полей, одна ожгла синим огнем мальчишку, пережившего плен) и первый председатель «Революции» Николай Карпович Чурин. Говорили о колхозе, о путях-дорогах, пройденных мужиками русской деревни, о будущем колхозного Шашкина. (В правлении — прекрасный макет и проект планировки и застройки.) Говорили о Ленине, о его плане кооперирования, о принципах постепенного социалистического переустройства крестьянской России. Кто моложе, вспоминал цитаты из первоисточников, а Николай Карпович, вслушиваясь в них, рассказывал, что пережил сам и как оно тут все было на самом деле. Мы говорили в учительской новенькой, с иголочки школы, перед нами лежали альбом «Летопись колхоза «Революция» и груда фотографий — и очень старых, с пятнами, следами сырости, и новых, любительских. Чурин заволновался, глаза его увлажнились, когда я вычитал ему, что сказал Ленин о крестьянах России. А Владимир Ильич вот что сказал делегатам IV конгресса Коминтерна в конце 1922 года: «...крестьянство было за нас. Трудно быть более за нас, чем было крестьянство». Старик Чурин заволновался, встал и снова сел, положил корнеобразные, старые руки на стол, тихо сказал:

— Вы уж оставьте мне, где это написано... Это его спасибо нам, мужикам... Не знал, не приходилось слышать... Я энтузиаст был, всегда впереди держался, по-новому, а были которые несознательные, сумлевались, из-за темноты ихней и нам большой веры не было, а чего же не верить, если мы свою коммуну с первого дня назвали «Революция»!

«Революция» называется колхоз и сегодня. Революция — не было более искреннего ответа у шашкинцев Ленину.

Николай Карпович Чурин вспоминал, а я за-

писывал. Он ждал, если я не успевал. Мне хотелось слово в слово запомнить рассказ старика, шутка ли, один из организаторов «коммунии», да название какое — «Революция»!

— Я сам из Матвеевки, тут рядом, земли кот наплакал, больше плотничал, вот и подался на шахты. Был уже кандидатом в члены партии и чистку проходил в Донбассе. Но в двадцать девятом отозвал меня с шахты Мценский райком (или еще уезд был?). Отозвали на коллективизацию, но сначала Краснолуцкий комитет собрал нас, шахтеров из крестьян. Я и ликбез тогда кончил, был выдвиженцем-десятником. Нам сказали: ждут вас, хлопцы, в деревне как пролетариев, как сознательных, чтобы проводить обобществление крестьянских хозяйств. А богатеев потрясти надо.

Ну, собрали в Шашкине мужиков, разъяснили поворот жизни, составили списки первых добровольных коммунаров. Со мной был Карпухин Вася, мы с ним поехали на экскурсию в Москву, в тамошние совхозы, смотреть, учиться, как быть с землей, что за машины и прочее... Потом в Шашкино прислали председателем двадцатипятитысячника, молодого парнего, а меня послали учиться в Орел на директора машинно-конной станции. Поселились мы в пединституте. Однажды глядим в окно — конница! Нам объявили, что многих председателей поубивали кулаки. Курсы распустили, чтобы активисты по деревням разъехались. Я с чемоданчиком только из-под горы поднялся к Шашкину, вижу, «Золотая рота» с оглоблей — так мы одного подкулачника прозывали, а за ним мужики с кольями. Бегут к правлению. Меня заметили, но мне: «Николай Карпович! Конец колхозу! Давай амбарные ключи!..» Как так, говорю, конец? А колья зачем?.. Ну, не дали мы разбить бывшую барскую экономию, я объяснил, что та статья, о которой мужики как-то прослышали, не про нас. У нас обобществление было правильное, ошибок не допущено. Не все мне поверили, осталось нас в колхозе мало. Война пошла с деревней... Приехали из Мценска землемеры поля нам нарезать, размечали колышками, так общество те колышки вынимало и разбрасывало. Тогда тесть мой, Иван Семенович Акулиничев, ночью шагами отмерил земли колхозу, а утром мы ее запахали... Потом кулаков трясли — общий сдвиг жизни действовал! Обидно было активистам, мужики нас босотой называли. Когда сеяли на пасху — я сеял и Гришка Овчинников,— то за нами и в ведерки гремели и в заслонки печные грохали: «Чтоб вас...» Бабы лютовали. Верховодили звонарь Прохорок и еще Сашок Осипов. Мы дружно держались, кто супротив — хату отбирали. На что тридцать второй год сурьезный был — ни один не вышел из колхоза! В голод я пять котлов вмазал, достал восемь термосов да развозил супок по нашим деревням. От кулаков коров себе свели, слабых телят кололи, держались. Еще было у нас три тыщи пудов конопли, а плану район не имел, так мы сами в Орел жатое масло отправляли, а за масло мануфактуру привозили. Я немного и ржи и проса шестьсот пудов спрятал от уполномоченных и по шестьсот граммов хлеба выдавал, беднейшим еще и жмыха. Спаслись!..

А сеяли как! С красным флагом. С него, с флага, все начиналось. Первая свадьба — с красным флагом по деревне. У нас и первая МТФ в районе! Еще огородничеством в пойме занимались — у нас опытный участок института овощного хозяйства организовали, институт дал нам восемь жаток, четыре косилки, восемь конных граблей... Учетчиком поставили Канищева Дмитрия Ивановича, знаете его, он и сейчас счетоводом, сорок лет ведет колхозный учет...

Лев Иванович и Федор Иванович вместе с учениками готовят историю колхоза «Революция», они собрали вот эти старые и новые фотографии. Очень интересно. Я узнал Николая Карповича в молодом остром мужичке, даже фотографировался он как-то нетерпеливо, словно спешил сразу же после съемки куда-то... А рядом — первые колхозники. Первые, чьим трудом жило, становилось на ноги хозяйство. Красной строкой надо бы выделить имя крестьянина села Шашкино, который первым подал голос за колхоз: ДАНИЛА МИРОНОВ. ДАНИЛА ИВАНОВИЧ. Его тогда поддержали братья Петр и Трофим Акулиничевы, потом выкрикнул «пиши!» Иван Ерофеев.

Был октябрь 1929 года. Первые двенадцать хозяйств: двенадцать сох, двенадцать лошадей... Через год — двадцать одно хозяйство.

— Как назовемся?— спросил Николай Чурин, грамотей и партиец.

— Революция она и есть революция. Так и пиши!..

Так и записали. Потому что так оно и было. Трещало старое, разваливалось, а новое только-только обретало себя. И как оно обернется еще, никто тогда не знал... Главное, «крестьянство было за нас. Трудно быть более за нас...» Ах, как он понимал мужика, Владимир Ильич! И понимал и приноравливался к нему, постичь его хотел. И постиг: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Это про кооперацию, выход был найден.

В январе 1923 года, незадолго до нового резкого ухудшения здоровья, Владимир Ильич продиктовал «Странички из дневника» и «О кооперации». В этих «страничках» намечалась программа будущих отношений рабочего класса и крестьянства в стране победившей революции. Союз серпа и молота В. И. Ленин рассматривал как главный вопрос революции: «...мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата». И дальше: «Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумение или быть слишком прямолинейно понятым. Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма».

Вот до какой степени волновал Владимира Ильича вопрос отношений города и деревни! Как никто другой (а сколько их было, путаников эсеровского и «левокоммунистического» толка!), знал Владимир Ильич мужика, его врожденный иммунитет против тех, кто одержим «предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм». Внедрить — нет, а вот братские, классовые формы общения — это да! И Ленин, готовя партию рабочего класса к переделке мира, не мог не считаться с фактом существования крестьянина, с его житейским укладом, с его отношением к земле, к окружающему миру и к людям, порвавшим с землей. Говоря современным языком, Владимир Ильич как бы заложил в электронно-вычислительную машину революции такую программу, которая учитывала политико-социально-культурно-экономические и психологические характеристики неоднородного крестьянства. Крестьянин — любой — был богат сознанием того, что он хозяин своего надела, своей лошади. Но и беден он был! Беден со всем своим добром, нажитым мозолями, потому как нажитое в одиночку отчуждало его от мира, от социального прогресса, лишало счастья приобщиться к идеям общечеловеческой борьбы за блага для всех. В. И. Ленин подчеркивал, что «в живой жизни все свойства «крестьянина», как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое». В общем, и работник, да торгаш...

«В этом разграничении **вся суть** социализма».

— А ведь он раскусил нашего брата,— тихо смеется старик Чурин.

Кооперация — вот где собственник помещается со всеми его потрохами, только вступит в нее, и перестает быть стопроцентным собственником. Почему? Кооперация — общий котел всех средств. И любое решение здесь принимают только сообща. Тут судит-рядит мера твоего личного участия в общем деле; пай твой, а диктуют общие накопления; тут обязательны учет и отчетность всех и каждого перед всеми; тут обязательна выборность, и тут одна власть — власть общественного мнения!

Николай Карпович упомянул, что шашкинский колхоз был участником выставки в Москве еще до войны, он, едва ли не хвастаясь, сказал: «Моложе мы были, энтузиазмом брали». Вспомнили и рекорды тех лет. Только сейчас уже никто не помнит, на какой площади собирали сверхурожай. Слава была, а экономика хромала. Но, по Ленину, социалистическую экономику надо строить «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности». И, как показали годы, прошедшие после поворотного мартовского (1965 год) Пленума ЦК КПСС, дело даже не в механическом увеличении оплаты, не в ее уровне, а в принципе ее формирования, в формах связи колхозника со средствами производства. Понимает ли Дмитрий Павлович, что нынешняя реформа заставит найти такую систему организации труда и материального стимулирования, которая бы органически связывала оплату труда со всей системой расширенного воспроизводства, иначе говоря, интересы члена колхоза с интересами колхоза, а значит, и государства?.. На мой вопрос председатель ответил словами В. И. Ленина: «У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимание на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение».

И тут все мы, естественно, заговорили о проблеме колхозной демократии и коллективного разума, о культуре коллективного руководства колхозом. Кому сначала — себе или на общий счет? «Революция», например, отчисляет в неделимый фонд 20 процентов ежегодного дохода. Все соседи отчисляют по 15, а «Революция» — 20 процентов! Так-то оно лучше. Ибо с экономически сильным колхозом нельзя не считаться, его, с деньгами-то, ни один волюнтарист не взнуздает. Тем интереснее мне было проследить, как крепла экономика шашкинского колхоза, сколько приходилось средств из неделимого фонда на одного трудоспособного по годам: 1957 год — 53,9 рубля, 1960 год — 100 рублей, 1966 год — 2 493, 1967 год — почти 3 000 рублей. Мера труда каждого! Шло бурное накопление общественных средств, особенно после 1965 года. Это плоды ленинского подхода к деревне. Владимир Ильич учил серьезности и терпимости в отношениях с крестьянином, который получил Декрет о земле на второй же день Советской власти. Да ведь и получил он его не за красивые глазки, но как бы авансом за то, что не даст задушить молодую Советскую республику. Всегда бы помнить об этом.

...Зуша, речка Зуша. Она петляет по дальним лугам долго и мудрено и все-таки у крутой высокой Стрелки впадает в Оку. Не так ли и шашкинские мужики в 1929—1933 годах покрутились-покрутились и все до одного влились в колхоз. Постепенно привыкли к нему, не сразу, свидетельствуют очевидцы. Помнят в Шашкине имена и первых трактористов и первых доярок. Первая колхозная свинарка Е. П. Новикова стала и первым депутатом областного Совета депутатов трудящихся. Она же, Елизавета Петровна, была и председателем в страшные военные годы. Через Шашкино проходила линия фронта во время битвы на Орловско-Курской дуге, колхоз освободили из плена 12 июля 1943 года, и долго еще в нем оставался один-разъединственный мужчина, Алексей Гаврилович Лазутин, да единственное общественное тягло — корова Ивана Андреевича Акулиничева. Люди не забывают пережитого. В колхозе «Революция» чтят заслуженных колхозников-пенсионеров Афанасия Емельяновича Сорокина, Николая Карповича Чурина, Михаила Федоровича Ланцева (он и посейчас, в свои восемьдесят лет, мешки на току таскал, озорно приговаривая: «Простите, ежели помру! Потому придется пятерым одного заменять — убыток колхозу!»). До сих пор плотничает и старый Семен Егорович Абросимов — отец Екатерины Семеновны, первого Героя Социалистического Труда в колхозе «Революция».

Велика притягательная сила общественного труда, крестьянской привычки! Но и другая есть тенденция — все меньше и меньше людей в колхозе. «Обессыновела Россия», говоря словами поэта? И да и нет. То, что на деревне расставания поют, так это процесс в общем-то закономерный, имеющий глубокие социальные причины. В самом деле, откуда бы тогда взяться гигантам индустрии, кто бы сейчас строил жилье в городах? В Мценском краеведческом музее я выписал имена первых большевиков окрестных деревень. В революцию ушли: из деревни Васильевки Константин Коростелев, стал рабочим, потом командиром Красной Армии; из Болотова — Гаврила Афанасьев, стал матросом на Балтике, а вернулся с винтовкой и создал волостной ревком; из деревни Выселки на Черное море ушел Алексей Аношечкин, позже революционный матрос, стал первым председателем Побединского волостного ревкома. Таких много. И на Орловщине и по всей стране. Село Челищево, Вологодской области, отрядило в группу космонавтов всемирно известного Павла Беляева, алтайское село Верхнее Жилино — Германа Титова. И уже в Шашкине подсказал мне тракторист Василий Сергеевич Лобанов:

— Деревню Пруды не забыли?

— А чем знаменита?

— Как это чем — трактористом Хруновым! А мы с ним по суседству, вот через Зушу — там тульские луга...

В самом деле, космонавт, инженер-исследователь Герой Советского Союза Евгений Хрунов — из тульской деревни Пруды, до летного училища Евгений работал трактористом... Но к чему бы это старший Лобанов так запомнил биографию космонавта? Не оттого ли, что сменщиком у него на тракторе сын Виктор, которому осенью идти в Советскую Армию?.. Да, много, порой кажется, слишком много отдала деревня всей нашей стране. Но ведь не обессыновела же Россия! Просто новые социальные процессы требуют анализа, по-ленински реального подхода к фактам действительного.

Взять тот же колхоз «Революция». Вот передо мной справка: в банке у колхоза лежат почти полмиллиона рублей. Это меньше, чем у многих южных колхозов, вдвое, а то и втрое; но и там и здесь проблема — миллионы эти ничего не говорят об истинных возможностях хозяйства, на них не купишь ни новой техники, ни строительных материалов, ни удобрений — все это строго лимитировано, продается лишь через систему «Сельхозтехники». Да и то «поштучно». В колхозе «Революция» 17 тракторов, 6 комбайнов, 1 бензовоз и 8 грузовых автомашин. Много ли это? Значительно больше, чем 12 сох и 12 лошадей... Но Дмитрий Павлович говорит, что мало, если мы не хотим «справкой» держать молодежь, если сознаем необходимость заменить недостающие руки машинами, новой технологией производства. Не плакаться надо по уходящим на сторону, а насытить орловскую деревню техникой, колхоз сегодня готов купить хотя бы еще четыре трактора и два комбайна. Как ни крутится легендарный шашкинский доставала, колхозный механизатор на должности главного инженера (!) Степан Николаевич Никитин, но посмотрим правде в глаза — не ему с его непостижимыми способностями комбинатора решать кардинально проблему технического перевооружения шашкинского колхоза. Пока же колхоз лишен возможности вволю строиться, оснащать фермы, покупать нужное количество удобрений и запчастей.

А с характером производства, вместе с укладом общественной жизни связан и быт. В Шашкине живут неплохо, средний заработок тех, кто еще и коноплю выращивает, составил нынче до 120—130 рублей в месяц, а у механизаторов выходит рублей по 90. Колхозники уже купили 72 телевизора, около 100 радиоприемников. Я выписал из летописи колхоза радость многолетней давности: «И вот наступил день, когда шашкинцы собрались у бани. Отныне каждую пятницу и субботу старейший член артели Илья Михайлович Соловьев затапливает баню! Рядом с постаревшими колодцами на деревенских улицах стоят водоразборные колонки...» Теперь со смехом вспоминают, как никто не шел первым мыться в общественную баню, а показали пример активисты — председатель, парторг и мельник!..

Новое в реальной деревенской жизни пробивает себе дорогу. Хмельной дедок с притворной печалью сообщил в день получки: «Вот тридцать восемь рублев дали, а зачем? Это ж сколько ее, белоголовенькой, выходит? Это ж мне до следующей получки не потратиться — здоровья не та, слаб стал, а гарантия идет безотказно, кажный месяц...» И трактор, и радио, и ежемесячная зарплата — всякое новшество приживалось тут не в один час, и шашкинская история расцвечена анекдотическими эпизодами!

А посерьезнев, Дмитрий Павлович сказал, подводя ночному разговору итог:

— Ждет среднерусская деревня особого внимания. Дабы не вступили в серьезное противоречие требования реформы и реальные возможности, повышенные планы и технология производства...

...И снова страду перебил дождь. В обед мы с Дмитрием Павловичем побаловались косой на его усадьбе — не след такую травищу терпеть председателю. Особенно хорошо косился цветной горошек! И вдруг налетел ветер из-за Оки, смял кур, облапил липу и тут же ударил по-июльски внахлест ненужным дождем, да так, что мы и до крыльца сухими не успели. Люди бежали от лиловой стены ливня кто под стожок, кто под старые обмятые деревья!

Дождь отлетел так же скоро, как навалился. Настроение молодого председателя упало: страшно за сено, за хлебостой... Но кто-то из покуривавших на крыльце правления ободрил его: «Гляди, радуга... Радуга после обеда к ведру!» Над Зушей, над красноватыми скирдами костра, над голубой после дождя рожью перекинулась радуга. Это было после обеда. И мужики курили спокойно. И кто-то из них сказал мне между прочим: в субботу у ихнего председателя свадьба. Значит, вернется он в понедельник из города с молодой женой. Тоже, мол, примета хорошая. Радуга струилась над землей Тургенева, над серединной нашей землей... А я думал: почему Слащов не сказал мне о свадьбе? Вот и Алешка, кот, признал меня за своего, а Дмитрий Павлович про свадьбу не сказал, значит, все-таки не свой?..

После дождя почему-то уже не пахло сладко липой, а пахло печными трубами и мокрой землей.

Часто встречаются советские и финские специалисты. Крайняя справа во втором ряду М. Хурт.

ПО-СОСЕДСКИ

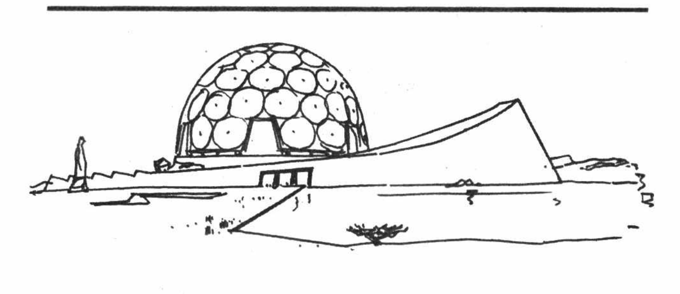
У работников нашего сельского хозяйства крепнут связи с зарубежными учеными и специалистами. Чаще всего причиной тому и давние культурные отношения, и соседство, и схожесть природных условий, например, Прибалтики и Финляндии. Марет Хурт, ученый секретарь научно-технического совета Министерства сельского хозяйства Эстонской ССР, недавно вернулась из поездки в Финляндию. Вместе с советскими специалистами она побывала в отдельных хозяйствах, видела крупную фирму по переработке молока «Туоттайн Майто» — современное автоматизированное предприятие. Впечатления от успехов финских крестьян у нее хорошие. Но Марет Хурт молода, она лишь смутно вспоминает такие же небольшие — в 10—12 гектаров — единоличные поля в Эстонии...

— Вернулись домой,— говорит она,— а у нас как раз началась уборка урожая. Красивым, даже величественным выглядел ход комбайнов в гуще хлебов, и поля наши показались просторными и богатыми... Нас интересовала в Финляндии хорошая организация полевых работ, малая механизация, умение финских крестьян ценить рабочее время. Финнов же интересуют у нас более сложные проблемы: строительство крупных ферм, ветеринарно-профилактическая служба, комплексная механизация, проблема сбыта продукции, условия работы молодых специалистов. В Финляндии в последние годы происходит заметный отлив сельской молодежи в города. Эстония уже прошла эту стадию. По данным статистики, всего девять процентов населения республики занято в сельском хозяйстве, а валовое производство продуктов растет.

Французов в нашей стране интересовало строительство крупных ферм,— продолжает Марет Хурт,— а японцев — производство кормов и организация культурных пастбищ. Венгерские животноводы изучали опыт племенного свиноводства. Мы покупаем сельскохозяйственные машины в ГДР, в Чехословакии, в Польше...

Н. СЕРГЕЕВА

КЛИМАТРОН

Не будем интриговать читателя: климатрон — это оранжерея с автоматическим регулированием искусственного климата: температуры и влажности воздуха, света и дождевания. Такая оранжерея обогатит и украсит Главный ботанический сад Академии наук СССР. Климатрон — сооружение оригинальной конструкции. Проект его разработан группой специалистов Главного ботанического сада под руководством его директора академика Н. В. Цицина. Архитектурная часть выполнена кандидатом архитектуры И. М. Петровым. Площадь стеклянного дворца — один гектар, в центре — купол оригинальной конструкции доктора архитектуры М. С. Туполева. Академик Н. В. Цицин рассказал, что техническое оснащение климатрона позволит выращивать в нем растения, которые в обычных оранжереях культивировать не удается. Ученые подсчитали, что на нашей планете имеется более двухсот тысяч тропических и субтропических растений, но едва ли сотая доля их используется человеком. Климатрон и явится гигантской научной лабораторией, где ученые смогут выявлять полезные свойства зеленых сокровищ жарких стран и изучать возможности их акклиматизации. Здесь будет представлено около двух тысяч видов тропических растений.

Фойе климатрона предназначено для постоянной выставки пышных тропических цветов. Отсюда путь лежит в отдел влажных тропиков Вест-Индии и Мадагаскара, Экваториальной Африки и Бразилии. Поднимутся пальмы, запестрят цветы орхидей фантастических форм и расцветок.

Водоем пересечет стеклянный коридор. Сквозь прозрачные стены посетители увидят мир водных растений.

Под главным куполом — ландшафты Гималаев и гор Малайского архипелага, растительность Южных Анд и Новой Зеландии, скалы, гроты. А рядом саванны Южной Африки и Южной Америки, кактусы Мексики и живописные уголки Средиземноморья.

Маршрут протяженностью около километра завершится в музее. Его экспонаты познакомят с особенностями показанных растений, с их ролью в жизни человека.

Рядом с климатроном на площади около шести гектаров предполагается создать экспозицию фауны Скандинавии, Пиренеев, Альп, Балкан, Северной Америки, устроить «японский сад». Рассчитанный на миллион посетителей в год, климатрон станет новым крупнейшим в стране научным центром.

П. ОРДЫНСКИЙ

На рисунке: оранжерея будущего, проект И. Петрова, кандидата архитектуры.

КАРАКАЛПАКИЯ

Николай ПОЛИВИН

ДУМЫ МАСТЕРА

*Ю. Маткаримову,
Герою Социалистического Труда.*

Светила рук,
людских ладоней солнца,
мир так велик,
а жизнь так коротка.
Скупец кладет в чулок, таясь,
червонцы,
тряпье пихает в жадный зев
мешка.
А для чего?
Чтоб мнить себя богатым?
Смешной обломок
рухнувших миров:
иные счастью выданы мандаты —
мозоли на ладонях мастеров!
Я славлю их,
сражений мирных знаки!
Я жму умельцу жесткую ладонь!
...Роняет полночь
звезд пушистых маки.
Поселок спит.
В одном окне огонь.
Там,
где джида, обнявшись с
караталом,
о вечности толкует в этот час.
Вот, скажем, полночь, —
много или мало?
Скупцу —
с лихвой,
поэту —
в самый раз.
Вздыхает скряга —
потерять боится
свой пыльный мир,
что узок и уныл.
А бригадиру почему не спится?
Чем он взволнован?
Кто не угодил?
Со лба откинул смоляные пряди.
Как сто Галактик, светятся глаза!
Колонки цифр
рассыпаны в тетради,
как маки — что роняют небеса.
Любая цифра —
дел нелегких тропка.
Любая цифра —
слаще, чем вино.
Сдавали хлопок,
но не горы хлопка —
полмиллиона подвигов сдано.
«Бери, страна, нектар советских
будней!
Бери наш дар, страна,
и богатей!»
Мир необъятен
и бессмертны люди,
когда —
не от людей,
а — для людей!
И вот —
улыбка на губах суровых:
желанный день победы наступил —
поутру праздник.
Завтра скажет слово
он тем,
чьи руки
ярче всех светил,
о том,
как в небе вызревают маки,
что в каждый подвиг
втиснуты века.
А кончит так!
«Друзья-каракалпаки,
и мир велик
и жизнь не коротка!»

Николай ГРИБАЧЕВ

Рассказ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

ТЕТЯ ПОЛЯ С УТРА ДО ВЕЧЕРА

В это утро она проснулась раньше обычного. Солнце уже, правда, начало всходить, но еще продиралось сквозь облачный наплыв, и потому на узенькой, только впору кровать, стол да стул поставить, верандочке было сумеречно. А разбудило ее рычание грузовика во дворе соседа: днем машины заняты, по договоренности с шофером поехал в ночь за кирпичом для печки и вот только вернулся. «Может, еще где на пути и обмывку делали»,— подумала снисходительная к человеческим слабостям тетя Поля.

Не вслушиваясь в глухие голоса с соседнего двора, она еще раза два сладко зевнула, потом протерла концом платка всегда чуть припухшие глаза, темные и чуть продолговатые, как черносливины, и решила, что ладиться спать больше не стоит, если смаривать сильнее станет, можно и в обед на полчасика притулиться. Лучше не спеша попить чайку, покормить подсвинка да и пойти к своим теляткам, небось, сторож Федос истомился на скотном дворе, ночью в шубный воротник носом клевал, а теперь язи на уме. Он с самой весны, как чуть полая вода с лугов стягиваться в русле начнет, прикармливает их пареным горохом и каждую зорю торчит на лодке под кустом. Гороху уже мешок извел, а рыбы чуть взял, да уж у человека страсть такая, что ничего ей поперек не поставить, ни в какой узде не смирить.

Пока кипятится на плите вода, тетя Поля протирает стол, хотя он протерт и с вечера, обмахивает голиком ступеньки на крыльце и чувствует, что уже начинает торопиться, хотя никаких к тому особых причин нет.

Пьет чай она на самом уголке стола, словно встать ей да бежать, и в одиночестве — мужа нет, помер лет семь назад — четырнадцатилетняя дочка еще спит, потом она сама разогреет завтрак и побежит в школу. Подувая, пофукивая на чашку, тетя Поля отчитывает рыжего с белым, жирного, ласкового и хитрого кота Митьку, которому дала кусочек мясца из вчерашнего супа:

— Ишь, чвакаешь, разохотился! Все тебе особую пищу подавай, нет чтобы хлеба поесть — привередничаешь, хочешь лучше барина жить. Вот отнесу в лес, схряпает тебя там лиса — будешь знать. Чего глаза пялишь? Думаешь, не отнесу? Плохо ты знаешь меня, Митька. Меня если довести — не погляжу...

Но Митька и ухом не ведет, он знает свою хозяйку лучше, чем она себя сама. Поговорить-то поговорит, да на том и останется. Она и с людьми всегда ровна и ласкова, даже если ее и приобидят, бранью улицу не пойдет оглашать; слезу обронить придется, и то молча обронит, да еще постарается, чтобы не прилюдно, в своем кутке. Но особенно любит она животных, наделяет их чуть не человеческим разумом и может часами разговаривать с ними обо всем на свете, поверяя им все соображения свои, радости и горести. По той причине ее и на управление телятником в колхозе поставили, и когда в совхоз перешли, все она там же.

По тропинке к скотному двору, который стоит за садом, на выносе к лугу, тетя Поля частит мелким, но спорым шажком, сбивая на голые икры крупную холодную росу и непонятно почему испытывая от того приятность и удовольствие — щекочет и прибадривает, что ли.

Солнце все еще карабкается в сизовеющем над лесом облаке, но уже светло, и даль прохлестывается глазом до самого горизонта. Сторож Федос, отдремав и отмаявшись на одиночестве, скинул полушубок, в котором до июля ходит ночью, в крайнем случае наразлет для продува, разгорнул его на штабельке досок, посиживает.

— Здравствуй, дед! — приветствует его тетя Поля, хотя ей самой в феврале перекатило за пятьдесят.— Али хорошо сночевалось?

— Комар жигалит, а так сходно.

— Ах ты, напасть такая, не дали, небось, теляткам моим покою!

— Я тебе про живую душу, а ты про скотину...

— Так у тебя руки есть, отмахаешься, а у них и хвостики только завязываются... Да тебе и что, на рыбу, гляди, пойдешь, удовольствие себе сделаешь.

— Совсем я вас, ко всем чертям, побросаю,— гудит дед Федос, вращая синеватыми белками из-под серых клочковатых бровей.— Пенсия у меня есть, погнул холку, и хватит.

— И-и, господи и спаси! — принимается задабривать тетя Поля.— Да, как ты, никто и скотину не обережет! Средних-то лет мужик так, считай, почти весь на войне побит, а молодого поставь — то ли куревом подпалит, то ли сам к зазнобе, а тут чего хочешь делайся. Ты еще понеси службу, Федосий Кузьмич...

Кругловатое, еще свежее от вольного воздуха, но уже и схваченное первыми мелки-

ми морщинами у рта и припухлых век лицо тети Поли полно неподдельного огорчения, темные ласковые глаза влажнеют, кажется, она вот-вот всплакнет от жалости и к побитым на войне мужикам, и к тому молодому, который куревом может подпалить скотный двор и угодить под суд, и к телятам и коровам.

— Мы с тобой, Федосий Кузьмич, сколько кожи на руках и спине ободрали по военной разоренности нашей — не особо нюнили. Теперь уж чего не жить да не работать!

— А ты не агитируй,— приканчивает беседу дед Федос.— Мне твоя агитация — ноль без внимания... Ты иди-ка, иди...

Закрутив угол воротника в кулак и закинув полушубок за плечи, дед Федос, чем дальше, тем больше наддавая в шагу, отправляется домой, а тетя Поля — в телятник, построенный чуть в особости от скотного двора, чуть на отлете. Телята, живущие уже на пойлах с комбикормами, рыжие, с краснинкой и всего больше черные с белым, встречают свою хозяйку разноголосым мыком, тыкаются влажными теплыми мордами в руки, в подмышки, и в плечи и спину, норовят захватить и пожевать подол юбки. Тете Поле кажется, что за ночь они еще малость поумнели, что-то такое свое передумали и прямо-таки, по глазам видно, хотят ей что-то сказать, но только не умеют, не дано им.

— И детки ж вы мои, детки,— причитает тетя Поля, разжалобившись и растрогавшись,— накусали вас и намучили изверги человеческие, гром их побей! И кто только напридумал такую пакость на нашу голову... А вы у меня такие умные, такие справные, что хоть и на танцы в клуб... И проголодались вы у меня, детки мои, и потерпите вы совсем немного, сейчас все и сделаем... И что это Нинки да Вальки не видно, взяли моду по будильникам дрыхнуть...

Можно подумать, что подручные тети Поли, Нинка и Валька, совсем этакие девчонки с бантиками, но они разные: Нине Квасниковой уже под тридцать, у нее двое детей, а Валька Порядина действительно еще почти девчушка, только год назад окончила восьмилетнюю школу. Но для тети Поли это не имеет никакого значения, с высоты ее возраста обе кажутся девчонками и, выговаривая одной или другой за всякие упущения, действительные и кажущиеся, она между ними никакой границы не кладет, хотя разные они не только по летам, а и по характерам. Они приходят через час, когда тетя Поля уже и нахлопоталась чувствительно и пот со лба вытирала не раз.

Нинка Квасникова, статная, полнеющая, идет себе не спеша, солидно, будто вышла погулять для времяпрепровождения; Валька, чернявая, худощавая, еще набирающая рост, семенит быстро тонковатыми ногами в стоптанных резиновых ботиках и, семеня так, с завистью поглядывая на свою степенную напарницу, время от времени позевывает, прикрывая пухлогубый ротик ладошкой — не выспалась. Квасниковой это не в новинку и не в беспокойство. Валька никогда не высыпается — ни тогда, когда до полуночи протолчется на гулянке, ни тогда, когда ляжет спать на закате, с курами вместе. Молодость...

— Доброе утро, тетя Поля,— заводит первой речь Валька.— Что это вы рано как!

— Да где, дочка, рано, детки-то наши проголодались.

— Ничего им не сделается,— в охлаждение чувствительности тети Поли говорит Квасникова.— И так бока круглые наели.

— Да что ж это ты, Нинка, не с той ноги встала или что? — удивляется тетя Поля.— Малые ведь они, неразумные. Жалость иметь надо.

— А я их и жалею. Только они нас нет, готовы круглые сутки напрогон хлебать да жевать.

— Абы на пользу,— пытается помирить Валька.— Раз приставлены мы к такому делу, чего уж...

— Умничка ты моя! — умиляется тетя Поля.— Вот кому-никому не передала бы свою должность, а тебе со всей душой. Сердобольная ты, понимающая...

Нина Квасникова пожимает плечами и принимается за работу. Вода уже теплая, комбикорма отвешены тетей Полей, теперь надо развести пойло, разнести по корытам, слабых теляток, стеснительных, которых другим ничего не стоит оттолкнуть, напоить отдельно. В этих хлопотах, повторяющихся в такой же последовательности каждодневно и потому как бы незаметных, а на самом деле не таких уж и легких, проходит еще час или чуть больше. Тетя Поля первая чувствует, как начинает поламывать спину, предлагает пересидеть. Да и работа первая сделана, теперь надо подождать, пока не придет пастух и не погонит телят в лога, на молодую травку. Весна нынче прохладная, поздняя, загулялась, как девка на чужом празднике, июнь на носу, а травы той — нос пощекотать, да и все тут разносолы; но гонять надо, пусть привыкают на подножности, телом крепнут, витамин какой ни есть берут. Что такое он, витамин, тетя Поля представляет смутно, вроде какой-то жизненный сок — ну, и хорошо, главное, деткам полезно.

— Ну, как, Валь,— спрашивает тетя Поля,— прислал-то письмо?

— Нет, тетя Поля.

— Все и нет?

— Да ведь служба у них какая... Когда там время...

— Ох,— вздыхает тетя Поля, и глаза ее опять влажнеют от сочувствия,— ох, не говори, дочка! Мой-то вот мужик в армии был — ждешь, бывало, ждешь... Солдат, он на тугой вожже ходит, своей воли не имеет.

— То война,— лениво вставляет Нина Квасникова, вынув изо рта травинку, которую в раздумчивости покусывала крепкими белокипенными зубами.— То война.

— А оно что война, что не война — служи,— не соглашается тетя Поля.

— У него граница,— добавляет Валька.

— Вот, вот — подхватывает тетя Поля,— а там шпиёны разные, углядывай за ними!

За Валькой, будучи ее года чуть не на два старше, ухаживал Сережа Шабурин, тоже невысокого роста и ровного характера парень, присматривавшийся уже к тому, чтобы сесть на трактор. Уходя в армию, он сказал, что вернется и станет, само собой, писать, но, видно перебрал в обязательствах — и домой и Вальке весть подает ред-

ко, нажимая на то, что новостей особых нет и писать не о чем.

— Тискалась ты с ним,— говорит Квасникова,— а он как на вольный ветер вылетел, так и все в сторонку забирает. Кончит служить — и в город, а ты всю жизнь телят выпаивай.

— Я не тискалась,— обижается Валька.— Он самостоятельный.

— Знаю я, как бывает.

— Ты, Валь, не слушай,— вступается тетя Поля, которая принимает осуждение Сережки особенно чувствительно, потому что свой сын служил в армии.— У Нинки свое, у тебя свое. И вернется Сережка, помяни мое слово, еще на свадьбе погуляем. Я вот недавно туфли новые купила, на высоком каблуке, со всеми модностями. Пристали девки в магазине: «Купите, тетя Поля, купите, тетя Поля, вам вот как идут!» У самих юбчонки окорочены по-городскому, с телевизора фасон брали, коленки наружу, а я, старая дура, туда же.

— Никакая вы не старая,— говорит Валька.— Вы в зрелых летах.

— Ну, и дадим жару на свадьбе, раз модные туфли завела. Окна зазвенькают! А ты, Валька, верь, без веры человек — как червяк, не знает, куда ползет.

— В бога сколько верили,— усмехается Квасникова,— а его, вон, и нет. Одна природа.

— А природа — она тоже вон какая... Через нее, как все узнать, забогатеть человек может, и-и!.. не снилось.

Выпроводив телят с пастухом, принимаются за уборку и чистку телятника. Надо снять нашлепы, вымыть корыта и тазы, ополоснуть пол — и то слава богу, временная водопроводная колонка под боком,— настелить свежей соломы. Но сейчас, по лету, хлопоты и не хлопоты, часа полтора можно с утра поработать, часа полтора днем — только и дела. Вот с зимы и в раннюю весну, когда телята маленькими были, приходилось крутиться день-деньской, еще и при электролампешках прихватывать. Набегало колготы. Да, что было — то было... Тетя Поля, тихий командир, не отдавший ни одного грозного приказа и не обронивший ни одного бранного слова, приучила свое маленькое войско действовать быстро и аккуратно, безо всякой лишней суетни, так что хвать-глядь — и конец видать. Начинает заметно пригревать, и принимается единогласное решение перезавтракать.

Тетя Поля по давней привычке перед работой только чай пьет, Нинка Квасникова тоже на чаи нажимает, даже и хлеба белого к тому чуть берет — из боязни растолстеть, в журнале вычитала,— а Валька, еще худая, как подросток, завтракает по два раза и все равно не поправляется, и ей все время, как теленку, хочется чего-нибудь пожевать. В прошлом году, войдя в девичество свое, она даже пожаловалась тете Поле стеснительно:

— И что это я, тетя Поля, все ем, ем, а тела мне не прибавляется? Болезнь какая, что ли?

Тетя Поля утешила:

— Ты, дочка, себя не застращивай и рукой за руку не хватай — ешь себе и ешь в охоту. И что вроде тощая, сколько ни ешь, сомнения не держи — фигура у тебя еще такая модная подработает, что хоть и на зависть кому-никому...

Придя домой, тетя Поля убирает и моет посуду, которую, поспешая в школу, как попало бросила дочка, а потом завтракает сама. Поев и снова попив чайку, пишет открыточку сыну — он у нее сейчас в Ленинграде, в институте, собирается летом в гости, и в ожидании почтарки, как называют здесь почтальоншу, которая приносит областную газету, прибирается в доме. Сама она, окончив три класса, газету почти не читает, разве интересные какие новости или что про коров и телят, выписывает для дочки, приучает. Раньше газету носил почтальон, тощий, хиловатый мужик, на чем и кожа держалась, ну, и труд был не в такой труд, газет на все село полтора десятка да писем дюжина, одной рукой выше крыши закинуть.

А потом пошло и пошло, кто сам к тому потянулся, кого агитировать пришлось сначала, и падает уже по газете на каждый дом, где и по две, и еще журналов «Крестьянка» штук сорок, и другие тоже есть, но в малости. Воз! Старый почтарь покрепился, покряхтел сначала, потом взял и плюнул на все, и носит теперь крепкая, здоровая, возрастом чуть поменьше тети Поли женщина. И не сразу все берет, делит на две и на три части, и в дома заходить привычку бросила, сует, кому где — на крыльцо, в открытое окно, под клямку — найдут, привыкли.

Тетя Поля замечает почтарку через окно, выходит с открыткой.

— Здравствуй, Катя! Цветешь-молодеешь, Катя.

— А потаскаешь вот на вольном воздухе — поешь, поешь — зацветешь. Сама не попробуешь?

— У меня телятки, Катя. Новости какой нет ли?

— Какие новости... Идет себе все да идет.

— Ну, ты кругом в народе, тебе все знать. Про войну не слыхать ничего?

— Не слыхать.

— Говорили, из области комиссия приезжала, строительством нового клуба интересовалась. Как там?

— Строят. Трубы на котельную проводят, траншею с неделю как вырыли.

— Хоть бы поглядеть, как откроется. Зашла я туда, еще крыши не было — что комнат, что комнат, заблудишься.

— Поглядишь, куда денется.

Покалякав еще минуты две с почтаркой, тетя Поля идет на свой огород. Лет девять назад посадила она, с горем и суетой, с мольбами и магарычом достав саженцы, свой садик, яблони и грушки, теперь они цветут густым, прямо полыхающим цветом. Но пчел на селе мало, всюду им не поспеть, жужжат в саду десятка три, и тетя Поля сокрушается, что и на цвет оно хорошо, и гнус всякий вредительский ночным холодком прижало, а яблоки то ли будут, то ли раз, два — и счету конец. Но любование любованием, вздохи вздохами, а и дело делать надо, за которым пришла,— между яблонями посеяна картошка, хотя погода и прохладная, скоро вылезать будет; совхозная — та в поле, той хуже на ветру, на обдуве, тут же — в затишке, в пригреве. И значит, надо граблями повозить, поволочить, с дурной травой берегись да берегись, ее на примочке и холод не держит, лезет рожном.

В прошлом году дали тете Поле и некоторым другим по нескольку килограммов химии, как называет она искусственные удобрения. И попробовать хотелось, и боязно было,— поле это одно дело, в огороде же земля полевой родня не близкая, что картошка пшенице. Загубишь, без своего в погребе останешься — примешь срам, по базару бегаючи! Да ведь что ж, не надкусишь — кисло ли, сладко ли, не узнаешь, повольнили с недельку и решились. Верно все говорили, картошка удалась —от века не видели, что крупна, что чиста! В этом году расчухались, так и у себя химию, какая была, до макова зерна подчистили и в город за ней на автобусе мотались, и она тоже, но досталось поменьше. Да ничего, может, прошлогодняя еще в подспорье пойдет, должна бы зародить картошка, значит, к заработку все в округление и выйдет. Вот еще бы и на дурнотравье химию какую напустить, говорят, тоже есть, чтобы и не волочить граблями и не класть лишних поклонов...

— Ах ты, глупая ты баба,— спохватывается тетя Поля,— разгугукалась тут, как гусыня с гусятами, а там Нинка с Валькой ждут!..

Закончив вторым заходом уборку телятника и приготовив что надо к вечеру, надумывает тетя Поля пробежать в лога к теляткам — как там они, не полосует ли пастух кнутом, не держит ли на пролысинах, где самому способнее? Мимо колхозного сада, нырком в начало ложка, запушившего крутосклоне молодыми березками и осинками — и вот недалеко оно вовсе, и вот они, телятки, вот они, детки, учатся кормиться, набирать тело на выпасе, и узнают ее, мычат, вытягивая шейки, хлопают глазами... Ах, милые вы мои! А пастух косит глазом, кажет прокуренные желтые зубы, меж которых два металлических:

— Суматошная ты баба, Поля. Со придурью. Ногам покоя не даешь. Ну, чего юбку по ветру полощешь?

— Да так... пройтиться надумала. Телятон нет — дела нет. Тут же и погода стоит к тому. И ходить, оно для здоровья полезно.

— Это кто тебе наплел?

— А хоть бы и по телевизору.

— Им бы что ни молоть. Деньги зарабатывают.

— Со злости ты, Антон, на всех кидаешься.

— Без злости жить — битому быть. Добрые все, мужика для здоровья ходить учат. А он от веку только и делал, что ходил, как конь в тягле. Зато чуть чего — куда и доброта провалилась... Вон Егора Куманькова штрафом припекли — зализывает да матерится.

— Вам обматериться — что мякину на ветер кинуть... Ни старых, ни малых не уважаете, гыр-гыр, гыр-гыр. Улица от матерщины вашей навозом приванивает.

— Присловье у нас такое. Чего особого? Ну, еще ребятенок там, а ты уж все понимаешь, что к чему.

— Штраф-то за что?

— Было б за что... Сруб над кюветом поставил, дороги чуть прихватил.

— Значит, за непорядок. По-батьковски да по-дедовски не поживешь. А как шофер об этот сруб покалечится?

— Иди-ка ты, Поля, отсюда, знаешь... Иди от греха! Мне с тобой разговаривать — как голому по крапиве лезть, не мужское разумение в тебе. Иди, иди, за телят я тут ответчик, нечего мне ревизию делать!

— Ну и пойду, ну и ответствуй. Я что? — старается утихомирить Антона тетя Поля, чтобы на телятах зла не выместил.— Я и забегла на минутку, а ответствуй ты, на то приставлен...

Возвращаясь тем же ложком, тетя Поля сначала дает волю себе и поносит Антона: «Мымза мослатая... Свистун... Вся ваша порода хулиганская да подшибная, зубы поперед подбородка».

Потом она успокаивается, переходит на укорение: «Не трогала же я тебя, нечего и козлиться... И штраф на Егора не я накладывала, а что родня он тебе — другим какое дело?» И, наконец, ей становится жалко Антона: один сын на войне погиб, до старшины дослужился, награды имел; другой полицаем стал, партизаны убили, когда на село налет делали. А батьке легко ли? Еще один сын, младший, после службы в армии к Воркуте подался, на уголь; дочка в Брянске замужем за мастером на заводе дорожных машин, письма в году раз бывают, глаз не кажут. Жил, жил и остался ни с чем — сам да старуха. И дом есть, и одежки, и на столе не метлой метено, да если душа на черепки бита — тем одним ее не склеишь. Оно правда, что кругом жизнь на сытость пошла, из безденежья выкрутилась, строят много, но при всем том не у одного Антона так-то вот. У других иных свое, полегче ли, потяжельше, а щемит. И война накрутила, и от самих себя прибавляется — чем поможешь? Вот молодые растут, у них поглаже, войны бы только не было, огнем их пожги, фашистов разных...

Возвратившись домой, тетя Поля быстро, чтобы лишнего не канителиться, варит на керогазе суп с макаронами, заправляет его жареным салом и зеленым луком со своих гряд, ест холодную кашу с молоком. До прошлой зимы держала она свою корову, все же и молочко, и сметанка, и лишняя копейка. Но зимой корову сдала на заготовку — очень уж топотни вокруг нее много: летом за сеном рыскай по лескам да лозам, зимой пойло готовь, картошку трать, хлеб прикупай. В колхозе сено давали, хоть и не досыта, в совхозе — пока там выпросишь. Вот если бы комбикорм продавали в магазине — другое дело, так его и на скотном дворе в обрез. И, выходит, себе дороже, и к тому с утра на работе — деньги платят, не то что жди там осени. Другие

еще держат, особенно у кого неработящие в доме, кое-кто подумывает тоже, не сдать ли. Молоко она теперь берет в совхозе, по себестоимости, то на то и выходит. Правда, когда и перебойно получается: бидонов не хватает — ну, дело наживное. Порой тетя Поля тоскует по корове, повторяет про себя имя ее, как бы назад зовет: «Ласка, Ласка!» И еще в руках ощущение ее теплой шерсти, туго набрякшего вымени, и вроде запах парного молока ударяет в ноздри. Порой же и радуется, что такая обуза с плеч, и вроде здоровья, легкости в теле прибыло, и жизнь все равно складывается. И к тому еще телята прилипли к сердцу...

После обеда тетя Поля открывает сарайчик, где, кроме ненужной, на всяк случай, рухляди, сложен запас дров — пусть проветриваются, просыхают. Заодно наводит она и порядок,— прошлый раз брала для топки, спешила, насыпалось полешков на землю, прибрать на место надо, от земли сыростью гноит. Из сарайчика выманивает ее голос соседки:

— Поля, ты где?

— Тут, Сергеевна. Чего тебе?

— Чайник ты, Поля, собиралась купить новый. Так возьми на зарубку — привезли в магазин.

— А и спасибо, Сергеевна, побегу...

После покупки туфель денег поубавилось, и тетя Поля, пересчитав их, некоторое время стоит в раздумье. За проданную корову денежки почти разлетелись: шиферу на крышу выделили, заплатить надо было, да за то, что покрыли крышу, прибавляя к тому хорошую выпивку и закуску — без этого куда ж, принято,— да дочке на платье и на сапожки ушло, пристала с ножом к горлу, да себе туфли эти, будь они неладны... Ну невелики деньги остались, но обойдется, она и получка скоро... Чаи она распивать любит, а старый чайник и велик и вида не имеет, со дна пооблупился.

Девчата в магазине, веселые и языкастые,— магазин новый, десятиклассниц на курсах учили — встречают тетю Полю шутками:

— Тетя Поля, туфли не жмут?

— Так сами-то примеряли.

— Пофорсила бы.

— А вот клуб по осени будут открывать, вот и заявлюсь при параде. Обнову-то при народе показывать надо, тогда двойная цена ей... Вы, дочки, чайничек мне покажите, привезли, говорят.

— Привезли, тетя Поля, выбирайте, какой на вас глянет!

Тетя Поля берет в руки, поворачивает так и этак, осматривает один, другой чайник, заглядывает, сняв крышку, вовнутрь, пробует, хорошо ли ходит в ушках ручка, вздыхает:

— Великоват он на мою семью. Поменьше не будет?

— Меньше нету, тетя Поля. Да из большого не убежит, на два дня сразу кипятить можно.

— Лодырницы вы, девочки, если чай на два дня кипятите. Замуж никто не возьмет.

— А нам и кипятить не надо, столовую построят.

— Правда, собираются?

— Собираются.

— Ну, это когда поставят...

— А мы и замуж не спешим!

Как ни кинь, чайник тете Поле не сватается: зеленый, с длинным изогнутым носиком, не говоря, что большой. А ей хочется из белого металла, сияющий — и чтобы носик покороче и пошире, не так убегает. Хорошо бы еще со свистком, чтобы как закипел, так сам голос давал — ту-у! — но такие, говорят, только в городе бывают. Попросить кого разве? Или самой сесть на автобус да быстренько туда-сюда обернуться?.. Нет, приходит к твердому убеждению тетя Поля, вола на вола менять — молока не видать, не будет она покупать чайник, дело решенное. Он и старый еще ничего, поскрипит.

— Тетя Поля, губную помаду, а? Совсем модной станете!

— Козы вы,— смеется тетя Поля,— козочки! Прыг-скок... Ну, что я с помадой вашей делать буду, телятам губы подводить? Они и так у меня такие миленькие да обходчивые, что кому-никому и в зависть бы. Это ваша забота — на крашеные губы женихов ловить: А будь я на их месте, так сказала бы: вытри, ни себя, ни меня краской не замасливай, не штакетник при улице...

Возвращаясь домой после словесных поигрушек с девчатами, тетя Поля думает о дочке Соньке: школа давно кончила учение, после уроков еще сад собирались сажать, что ли, так и там не иначе отшабашили. Поела ли толком, не завихрилась куда? Но дочка у нее разумная, работящая, что по своему школьному делу, что по дому, поэтому тетя Поля и в дом раздумывает заходить, а направляется в телятник — проверить, все ли вернулись, напоить, загнать на ночь. От телят пахнет зеленой травкой, горечью березового листа, полевым ветром, они снова тычутся ей в руки, в плечи, в поясницу, но уже лениво, устало.

— Уходились, детки, намаялись, ребятки,— приговаривает тетя Поля,— ну, пора и на бочок. Из-под заката вон холодок потягивает, может, гнусу тому крылья покрючит...

Приходит дед Федос в полной форме: полушубок наразлет, у шапки одно ухо висит, другое в завив идет кверху, как у дворняжки, когда она к чему-то прислушивается.

— Ну, как рыбка? — спрашивает тетя Поля.

— Имеется в потребности... А ты уж не ушицы ли захотела?

— Так от нее кто откажется, от свежей!

— Выходи за меня замуж, Поля, в обеспечении будешь. Такого надежного мужика, как я, аж до самой Москвы больше ни одного!

— А старуху куда?

— А мы ее на янмарку,— хехекает дед Федос.— На янмарку, и все тут. За какую ни есть цену сплавим.

— Вот скажу ей — урежет она тебе язык.

— Не может она, Поля, над моим языком такое зверство сделать. Этот у нее... как его... ридикюлит. Печь натопила, на теплынь не глядя, с утра отогревает.

— Ладно, почесали языки, и хватит. Ночуй себе, Федосий Кузьмич, на здоровье, чтобы и телятки и все прочее в благополучии...

Последняя на этот день работа тети Поли — накормить подсвинка и принести из колонки ведра два свежей воды. Водопровод на селе строили лет восемь назад, по первости вода была сутки на круг, теперь же днем то ли есть, то ли и не захватишь — на фермы разбирают, на стройку клуба, ремонт иногда ведут: зима крута была, земля промерзла глубоко, в двух местах трубы пораспирало, сочит. Так что водицу лучше утром или вечером запасать, надежнее. Но тут тетя Поля обнаруживает, что вода есть. Сонька, заботливая девочка, принесла, похлопотала девка. Но дома ее нет, записку на стол положила, в кино покатилась.

Пока подсвинок чавкает, смачно, жадно, по глаза засовывая рыло в месиво, тетя Поля думает, что не полить ли ей на ночь помидорную рассаду и огурцы, которые, как птенцы, уже растопорщили по два жирненьких листочка; но выходит так, что толку от того никакого,— после дождей им и так всего хватает. Загнав подсвинка в сараюшку, пристройку к дровянику, тетя Поля умывается, снимает резиновые короткие ботики, в которых толклась весь день, надевает обувку полегче, желтые с ремешком туфли на низеньком каблуке, накидывает на плечи легкий в клеточку полушалок и отправляется к бабке Мосевне на телевизор — своего нету, только радиоточка.

Живет Мосевна наискосок через дорогу, у нее два сына на матером возрасте, один работает на железной дороге в городе через два дня в третий, живет рядом, недавно перестроил дом; другой управляет на поселке бригадой, не всегда и ночевать приходит. Этот, второй, бобыльствует, оставил жене с детьми хату, платит, что положено. Дед же стар, прихварывает, лежит на веранде, когда тепло, или на печке, к телевизору не тянется, в разговоры не встревает, слышит плохо. Жизнь он прожил трудную, стреляный и ломаный, сейчас вроде в самого себя глядит, от всего, как говорит Мосевна, отцепляется.

Самой Мосевне один за восемьдесят, она на два почти года старше мужа; сухонькая, живая характером, говорливая, она еще бодра, весь день в хлопотах, только час или два днем перележит. А как примагнитится к телевизору, совместно купленному сыновьями, так смотрит всю программу навылет, разве что оркестр с серьезной музыкой разыграется на час или два — тут смотреть не на что, сидят и сияют, дуют в трубы да водят смычками, лучше уж по радио слушать, тут оно как-то больше к месту, и глаз не натруживается зря. Мосевна любит тетю Полю за добрый ее и неунывающий характер, а при телевизоре вдвоем и удовольствия больше получается: чайку можно без отрыва попить, обсудить, чего там показывают и говорят, одобрить, поругать.

— Добрый тебе вечер, Мосевна,— приветствует тетя Поля.— По здоровью порядок ли?

— Ничего, Поля, скриплю. У тебя капустной рассады нет ли? Свою высадила, а маловато получается.

— Занесу завтра. Ваши-то как?

— Нету никого. Алексей наказывал, что не будет нынче.

— Дедушка все хвор?

— Лежит, на потолке сучки считает. Трухлявый вовсе становится, говорит, земля к себе зовет, голос будто слышит... На отделе ото всех днями лежа чего не услышишь! Говорю: не мусоль на уме чего не надо, ходи, пока с копыльев долой, срок тому сам укажется. Да ему это вроде муха жужжит... Садись, Поля, в ногах правды нет, чайку сейчас схлопочу. Булку нынче пекла, да так начередила, что вышла совсем нескладная — и комковата и тестевата вроде. В голове прореха на прорехе, яйца с маслом вместе сбила, тесто и не подошло. Отдельно класть надо, выходит, а то вяжет и вяжет. Это, знаешь, получается вроде бы мужика того, который решился мешок ржаной муки украсть. Ему говорят: «Так тут пшеничная!» — а он в ответ: «Ничего, я ее хуже ржаной сделаю»... Нынче, Поля, «Трест» будут передавать, тот самый, что мы видели,— про чекистов. Какие, Поля, люди были отчаянные!..

Больше всего любят Мосевна и Поля фильмы про войну, потом — про шпионов; другие, про семейные и вроде тех истории, в которых «слов на три воза, а дела на рыбью ногу», тоже могут посмотреть, но без интереса, в ожидании новостей. Новости со всего света, будь то про политику, про космос, про путешествия или технику, идут в своем интересе даже выше, чем про шпионов. Когда лет пять назад у Мосевны, в десятке других по селу,— теперь их много, кто и считал,— появился телевизор, их этими новостями по первости как бы оглушило, как бы попали они в чащобу, где и впереди, и сбоку, и за спиной все мерещится, все мерещится. Теперь они смотрят даже футбол и хоккей, правда, только когда наши играют с иностранцами,— свои что, перетасуются и такими останутся,— знают, что значит «шайбу, шайбу!», ругают за грубость канадцев, потому что все их ругают.

Знают они политических деятелей, из иностранных почему-то особенно любят де Голля, может, потому отчасти, что по возрасту Мосевне в ровнях. Жалеют какой-то русской бабьей жалостью вьетнамцев и американских негров, не понимая, за что их убивают, и как так можно, и чего себе там думают американцы, «змеи подколодные». Но когда столкнулся с австралийским авианосцем американский эсминец и утонули семьдесят три американских моряка, они жалели и их: как там детишки, матери, жены? Имто слезы и слезы. Так и все что ни есть судят они тут же, сидя перед экраном, мерой своего понятия о справедливости, дивясь тому, что вот и люди какие пошли умные и чего только не придумали, а на свете все сколько разного беспорядка и собачества и тех «змеев подколодных», которые за все в вине, еще «не спихнули». Особо возбуждает их все, что в намек на войну: «И-и, попалят все, пожгут!».

— И чего только надо, чего надо! — со-

МОЛДАВИЯ

ПЕРЕНИЦА, ТАНЕЦ СЧАСТЬЯ

Валериу **МАЙОРЕСКУ**

Затихает под вечер село... А на рассвете взрывается барабан, да так, что вздрагивают не успевшие уйти с неба звезды и кажется, яблоки вот-вот упадут с деревьев. Опоясанные полотенцами, летят по селу на конях ворничеи — посланцы жениха и невесты. Осадят скакуна у крыльца, нальют из бурлуя молодого (в нем еще бродит август) вина. Предложили стакан — приглашен на свадьбу, выпил — принял приглашение... Так было много десятков лет назад, так и сегодня.

Мы беседуем с Харлампием Федоровичем Баркарем. Мне нужно, очень нужно поговорить с ним. И не только потому, что он хорошо знает традиции и обычаи. Несколько минут нас, быть может, никто не найдет среди этих длинных, только что сбитых в четыре ряда столов. Сверху вместо крыши брезент; получилось что-то вроде гигантской палатки, которая вечером соберет человек пятьсот — их пригласили на свадьбу. Но здесь никогда не скажут: пятьсот человек; скажут: двести пятьдесят пар. За каждым столом будут сидеть с одной стороны — женщины, напротив — мужчины, мужья. Это тоже традиция.

У Баркаря сегодня праздник: женится его сын Сергей. Он и невеста, Стелуца, сейчас в сельсовете, но вот-вот должны приехать, сопровождаемые свадебным кортежем — конокорией. Осенью двадцать восьмого года в этом же дворе, на этом же самом месте игралась свадьба Харлампия. Все было так и не так; столы не ломились от яств и напитков, гостей — восемнадцать пар... Харлампий Федорович вспоминает былое, но властный, праздничный, с утра неугомонный и немного суматошный сегодняшний день вторгается в разговор. Вот уже и зовут старшего Баркаря! Приехал оркестр, надо рассадить музыкантов. Да и гости уже начинают приходить — оркестр в честь каждого играет туш. Не смолкает, плывет над селом музыка.

Поздравляют новобрачных — они только что подъехали. Вручают им подарки. И с каждым обязательно преподносится румяный калач. Хлеб преподнести — пожелать добра и богатства...

А люди идут, много людей — праздник! Характер такой у молдаванина: если беда, он придет на помощь соседу; если радость — и об этом узнает все село, вся округа. На берегах Днестра такое содружество — особо чтимая традиция. Собирается, скажем, все село, сообща ставят дом. Одной семье — работы на годы. А сходу, кланy — всего-то на несколько дней...

Сообща готовятся и свадьбы. Собираются соседи, приходят знакомые. Мужчины мастерят столы, сколачивают навесы, тянут электропроводку. Женщины жарят, варят, пекут. Посуду приносят — ведь на полтысячи гостей...

Оркестр заиграл громче. Парни и девушки образовали кольцо свадебного танца — переницы. Кольцо разрастается, плывет в танце. Танцуют все, но это танец для двоих — для Сергея Баркаря, инженера колхоза имени Ткаченко, и Стелуцы (час назад она носила фамилию Булгак), очаровательной студентки пятого курса Кишиневского университета, будущей преподавательницы английского и французского языков. Он — в черном костюме, она — в длинном белом платье. Танцуют. Переница — танец счастья.

Кончился танец, а с улицы снова мелодия — пришли родители невесты, их сопровождают гости из Кушмирки, родного села Стелуцы. Впереди — женщины с белыми полотенцами. Позже, когда все рассядутся и посаженый отец произнесет первый тост в честь молодоженов, перед столом, за которым они сидят, взметнется стая белых полотенец. Они так похожи на крылья добрых птиц — белых аистов, с которыми связаны многие молдавские легенды. Аисты будут хлопать крыльями, взлетая с земли, аисты будут плавно парить в голубом бездонном небе, аисты будут возвращаться, строить, жить.

Осенью в Молдавии летят от села к селу, по главным улицам ворничеи. Осень — пора свадеб. Спешат ворничеи... Значит, наутро снова взорвется барабан. А к вечеру солнце скатится на чей-то свадебный стол. Солнце, похожее на каравай...

Село Кобыльня,
Резинского района

крушается Мосевна.— Батькам нашим, упокой господи, половину б того показать, что есть, так помирать легче было бы. Наш-то кино во старости увидел разок, еще не говорило оно, так бубнил после: «Шерти по штенке бегают». Не соображал.

— Дети про нас тоже скажут, небось,— головешки были...

— Старое рассыхается, молодое растется. Ты еще молодая, Поля, тебе чего, много повидаешь. Я вот примеривалась, что хватит, мол, мне на этом свете коптиться, домой, к сыну убитому, убираться пора. А в больницу попала — ох, думаю, туда-то успеется, тут бы еще пополошиться, при живых-то, поглядеть, как и чего.

— А что, Мосевна, Евсей-то зареченский умер?

— Помер. В тихости — с вечера штакетник набивал перед домом, тюкал помалу, утром не встает и не встает, глянули — одно усопшее тело... Сынок твой, Поля, как там?

— Учится, теперь что ему. А в солдатах был — чего не передумала. Десятку в месяц откраивала, так все в письмах наказывал: не надо, не посылай, самой трудно. Ну, деньги у меня не лишние, да ведь сын, у своего по своему душа и в погоду болит.

— Добрая ты, Поля, хорошо это. А то вон у Рожковых как сына за дверь сбагрили, так и дом от него на замок. На обзаведение в городе полсотни взаймы просил — не дали.

— У самих негусто, должно быть.

— Густо, негусто — по жизни хватает. Второй сын тракторист, сноха при деле, две пенсии на один дом. Рот не ворота, возом не повезешь.

— Он, Васька, тоже неслух был, на сторону, как конь из-под дуги, глазом косил.

— Ладно, Поля, сами варят — сами хлебают.

Начинается «Трест». Смотрят они постановку в третий раз, но все с таким же напряжением — главное, что не выдумано, что так было, что настоящее все, живое, на их веку. И сами как бы врастают в экран, переселяются в те далекие времена и обмирают от страха, хотя знают, чем все кончится, и перекидываются отрывистыми словами:

— Гляди, гляди, чего затевает!..

— Ой, Поля, вот баба, вот баба! Красоты какой, детей бы рожать, а она, змеюка, чего вытворяет...

— Командира она убьет, Катю осиротит.

— Ты не забегай, Поля, по порядку давай.

— Старик-то, черт мосластый, в могилу пора — нет, лезет ужакой.

— Вот, Поля, страхолюдная-то жизнь была.

— Не говори, Мосевна...

После «Треста» они еще смотрят и слушают последние новости, опять жалеют вьетнамцев и негров, ругают фашистов, удивляются роению людей на улицах мировых столиц. Свои, по стране, сообщения они смотрят вполглаза и слушают вполуха, тут все идет себе да идет, все понятно и привычно, разве уж что особое случится, например, землетрясение где-нибудь, или машину какую новую придумали, или в космосе летают.

Когда начинается музыка, тетя Поля спохватывается:

— Ну засиделась, ну засиделась! У нас вон и света нет, Сонька легла уже. Мне же вставать рано, к теляткам моим надо...

Набросив на плечи платок, который все это время висел на спинке кровати, поглядевшись безо всякой к тому причины в зеркало возле окна и пожелав Мосевне хороших снов, тетя Поля топ-топ по влажной, схолодавшей земле, поспешает домой. И уже новая, еще мелкая роса брызжется ей на голые икры, и ей видится дед Федос, который, наверное, прихрапывает, вклюнувшись шишковатым носом в воротник полушубка, и ее детки, ее телятки, которым, может, тоже снятся какие-нибудь свои сны, только бы гнус, змей подколодный, не тревожил бы их, но и заря притом не была бы особо холодной, шерсть у них еще маленькая, как травка в логу, не окоренилась по-настоящему, не показала полной силы...

Фото Б. Кузьмина

Старый закон: выпил — принял приглашение!

Подарок от души!

Молодые...

Председатель колхоза А. П. Панков — посаженый отец.

Собирается молодежь на свадьбу.

Гость из Кишинева.

Хлопочут в саду стряпухи.

Стол президиума свадьбы.

Из резерва...

Соседи.

Без перерыва на обед.

Сладко!

БЕЛОРУССИЯ

Киногерои, такие ли они?

С КОНФЕРЕНЦИИ КОЛХОЗНЫХ КИНОЗРИТЕЛЕЙ

Н. ЗЫБИНА, А. ЩЕРБАКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Афиша звала в клуб... Звала на фестиваль фильмов о деревне. И хотя большинство зрителей видели «Председателя», «Трактористов», «Три тополя» на Плющихе», «Бабье царство», «Журавушку», «Деревенский детектив»,— люди шли в клуб из всех деревень колхоза. Шли из Засковичей, Коновичей, Турец-Баяр...

А давно ли тут снимали под «кинотеатр» избу попросторней, ждали по два-три месяца приезда кинопередвижки... Тогда на улице трещал движок, заглушавший голоса артистов, а ребятня липла к окошкам, чтобы хоть одним глазком увидеть, как мчится на тачанке Чапаев, сражается на баррикадах Максим, выступает с кремлевской трибуны крестьянка Александра Соколова... Теперь в колхозе «Светлый путь» замечательный клуб с залом на четыреста мест. Широкий экран. Фильмы — шесть раз в неделю, а кроме того, еще и детский сеанс.

Все это радостно. Но есть и то, над чем надо серьезно задуматься. Особенно если критиками выступают сами же люди села.

Сельская тема в кино... Пожалуй, не найдешь проблемы сложнее. Заметно стирается грань между городом и деревней.

И все же специфика сельской жизни, ее колорит, ее социальные и духовные особенности теперь не такие, как прежде. Их почти не заметишь ни в одежде, ни в языке, ни в обрядах, ни даже в манере накрыть праздничный стол. И оттого, быть может, что и самый быт сегодняшней деревни и уровень труда и культуры во многом изменились, все больше приравниваясь к городу, истинный облик деревни, ее сегодняшнее лицо можно увидеть и хорошо, верно изобразить на экране только при очень внимательном, тонком и пристальном наблюдении нынешней жизни, нынешних интересов деревенских людей...

Вот тогда-то постепенно и начнет проясняться, что сегодня существуют новые, непохожие на прежних Председатели, Сельские учительницы, Трактористы, Кубанские казаки, Члены правительства... Другое поколение. С иными, но ничуть не менее сложными задачами.

Не самая ли это захватывающая задача для художника кино — вникнуть в глубины психологических процессов, происходящих сегодня в жизни деревни, и передать их на экране взволнованно и горячо?..

...Будто подтверждая наши раздумья, деревенские кинозрители говорили об увиденных ими фильмах с той искренностью, которая позволяла видеть в них преданных и ревнивых поклонников киноискусства.

Начал разговор председатель колхоза Владимир Михайлович Калачик, Герой Социалистического Труда.

— Фильмы о деревне время от времени появляются на экране. Мы принимаем их. Хотя зрители часто предъявляют к ним серьезные претензии. Главная из них — то, что фильмы в основном говорят о прошлом. Конечно, о прошлом тоже надо повествовать, но нельзя же забывать и о сегодняшнем дне! Возьмите «Председателя». Все там убедительно, правдиво. Главный герой — фигура сильная, колоритная. Но это же не нынешний председатель! И если кто-либо захочет ему подражать — а это не исключено,— тот окажется в сложном положении!.. Сейчас ведь уже все изменилось: обстановка, отношение людей к труду, к артельному хозяйству... Председатель сегодняшнего дня и думает по-другому и строит свои взаимоотношения с колхозниками иначе. А вот фильма о таком председателе мы пока не видим — его нет. Я хочу, чтобы мастера кино знали: нам нужен такой фильм, мы ждем его!

— В свое время,— говорит он,— некоторых сценаристов и режиссеров ругали за лакировку действительности. И правда, был такой грех. Лакировать жизнь ни к чему! Но не слишком ли перепугались кинодеятели? Не потому ли они обходят современную деревню, что боятся попасть в «лакировщики?» Наш совет им: не бойтесь! Ничего не бойтесь! Наша жизнь не стоит на месте, и она изменилась неузнаваемо.

Председателя поддерживает старший агроном районного сельскохозяйственного управления Василий Михайлович Малков.

В правление колхоза он приехал по своим делам, но, узнав о конференции, пришел и попросил слова. Его мнение таково: в фильмах последних лет деревню показывают слишком убогой и отсталой.

— Я считаю, что кино обязано помочь всем людям мира лучше увидеть и глубже понять высочайшую миссию советского труженика-земледельца, нового человека с социалистическим мировоззрением. А что касается героев для сельских картин — их найдешь в любом колхозе.

Выступает Светлана Москатинина. Она работает акушеркой на медпункте в деревне Засковичи. И вместе со своими сверстниками ждет умной и глубокой картины о сельской молодежи.

— Жизнь наша стала теперь содержательной и интересной,— говорит Светлана.— Есть все условия для работы, учебы и отдыха. Хотя, конечно, есть и конфликты. Иные транжирят годы в погоне за легким хлебом, а настоящее счастье проходит мимо!..

Светлана сетует на то, что не очень-то жалуют село даже кинодокументалисты. А какой лирический фильм можно сделать, например, о проводах сельских ребят в армию! Или о встрече тех же ребят, пришедших из армии после службы... Большие, хорошие темы! Их сколько угодно.

...Комбайнеры днюют и ночуют в поле, поэтому Сергей Бабей не сумел прийти в клуб. Мы беседовали с ним прямо в поле. Пока помощник разгружал бункер, комбайнер высказал свои заветные думы насчет кино.

— Довоенный фильм «Трактористы» можно смотреть каждый день! Когда я смотрю эту картину, испытываю удовольствие и в то же время жгучую зависть: вот бы нам такие картины сегодня о нынешних механизаторах!.. Пусть меня не поймут так, что я, мол, предлагаю сделать копию «Трактористов» в современном варианте. Нет! Я за то, чтобы появилось произведение, где жили бы люди, определяющие ныне жизнь деревни. А еще прошу: напишите о «Фитиле» — это хороший журнал, острый и хлесткий. Но «горит» он в основном с одного бока — городского.

Заинтересованно, глубоко высказался Виктор Игнатьевич Миронов, учитель местной школы. Он говорил о проблемах воспитания сельской молодежи, о том, что пафос колхозной жизни захватил многих школьников, приехавших из Минска в «Светлый путь». А фильмов о сельской молодежи нет как нет!..

Агроном-семеновод Клавдия Ивановна Милюк говорит так:

— Не скучно у нас: к нам приезжают театры, ансамбли... А еще мне обидно, когда нас, деревенских женщин, показывают на экране грубыми, неприятными на вид. Пусть у нас жесткие руки и обветренные лица, но душевности и скромности нашим девушкам и женщинам не занимать!..

Третий год работает в колхозе «Светлый путь» молодой зоотехник Мария Лях.

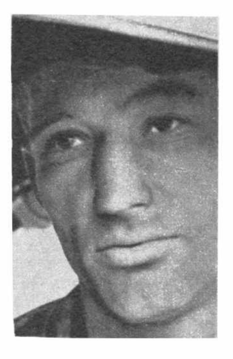
— Окончила я институт,—говорит она,—и повезло мне: попала в молодой колхоз. Кино у нас часто бывает, и очень я люблю кино; очень мне нравится Татьяна Доронина. Но вот в фильме «Три тополя» на Плющихе» она никак не раскрывает главного в образе наших женщин. Другая у нас теперь жизнь! Другая самостоятельность и другая душевная стойкость. Другие мы, совсем другие. И я бы хотела видеть на экране счастливую мою современницу! Счастливую еще и своим нелегким деревенским трудом. Да, нам надо до света подниматься, но зато каждый день мы можем видеть, как солнце встает, а это немало дает душе человека, от этого петь хочется. А где же фильмы с хорошими песнями?..

...Отразившись в прозрачных перекатах Вилии, солнце опускается в зеленые уступы дальних лесов. Летят к своим гнездам на ночлег аисты. Стихает шум машин. Окончен трудовой день. Он впитал в себя все, что мог: заботы о хлебе, о новых красивых домах, о будущих хороших фильмах...

Молодечненский район.

— Мы тоже, как в «Деревенском детективе», не будем давать мелких премий! — говорит Владимир Михайлович Калачик.

Сергей Бабей дает интервью в поле.

Мария Лях. Она хочет видеть в кино крестьянку, свою современницу.

К. И. Милюк считает, что надо создавать фильмы о хороших людях.

У Светланы Москатининой к кинематографистам свои претензии.

— Как удачно попал я на разговор о кино,— сказал старший агроном В. М. Малков.

Валерия ГЕРАСИМОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

З
ПР

16

Они ехали молча. Но думали об одном и том же.

Когда машина была уже далеко от Барышевки, Лариса Викентьевна тихо спросила:

— Когда мы вошли, он нас не узнал... Правда?

Климов кивнул:

— Да, конечно. Он уже никого не узнавал. Его сынишка к нему так и припал. Заметили?

— Да.

— А еще говорили, что он...— вздохнул Климов.

— Конечно, не он!

— Да, выяснилось, что, конечно, не он.

— Жаль только, что отец его уже не увидел... таким.

— Жаль...

Помолчали.

— Только ведь и нас Василий не узнал... А вот если бы...

— Ну, а что тогда было бы? — мягко спросил Климов.— Знаете что, Лариса Викентьевна, не мучьте вы себя! Из Зосимова на Москву поезд отходит примерно через час... На станцию я вас подвезу, и на поезд вы вполне успеете...

— Зачем поезд?

Она так искренне удивилась, что Климов не повторил предложения.

— Я провожу его до конца.

— Похороны послезавтра... Где же вы до тех пор?

Неожиданным в ней грубым движением Лариса Викентьевна полой жакета вытерла мокрое лицо. Климов понял, что она не замечает ни его, ни себя. И, еще раз взглянув на это забывшее себя лицо, снова пожалел ее.

— Если хотите, я могу вас устроить в Зосимове в доме приезжих... Паспорт у вас при себе? Деньги есть? А то я...

Раскрыв сумочку, она кивнула. Снова замолчали.

— Скажите, товарищ Климов...

— Георгий Николаевич.

— Георгий Николаевич... Откуда вы узнали про южный городок? Про... все?

— Про все? Про все я не знаю, а про южный городок...

Он не знал, стоит или не стоит ей рассказывать, как однажды после многодневных боев во время краткого, но тем более поразительного затишья они с Василием забрались на ночевку в какой-то изрешеченный пулями сеновал. Там неожиданно заговорили о своем личном. То ли было в запахе сена что-то домашнее, простое, уютное, то ли слишком уж близко прошла мимо смерть... Помогло и то, что темнота скрывала лица. С Галей Червоненко, теперешней его женой, отношения у них только складывались. Уехал на фронт, ничего не закрепив, даже толком не высказав. Все держалось на тоненькой ниточке ее писем, а они в кутерьме передислокаций то пропадали, то приходили с запозданием. А она была красива, и ее мать, из «куркулек», считала, что дочь вправе рассчитывать на генерала или — что представлялось ей особенно заманчивым — на какого-нибудь таинственного лауреата.

И все же ниточка не обрывалась, и именно в тот день он получил еще одно ее робкое письмо и даже фотокарточку. Чиркнув спичкой, он и показал ее Василию.

При слабой этой вспышке все же успел заметить, что лицо его товарища сумрачно.

Как случилось, что только тогда на сеновале такой, казалось бы, неуязвимый Зырянов впервые заговорил о своем, заповедном? И про опустевший старый дом, и про одинокую девушку, и про «песню Сольвейг», и про то, как без клятв и обещаний она беззаветно поверила ему. А главное — в него. А вот он оказался не тем, что сам о себе думал... Но никогда и никого не сможет он так полюбить, что любит и сейчас...

Из нагрудного кармана гимнастерки он что-то бережно извлек и, тоже чиркнув спичкой, осветил фотокарточку.

Она, конечно, изменилась с тех пор, но он ее узнал, вернее, догадался, что это та самая великая любовь Василия. Даже жалко немного стало, что она уже не такая, как тогда на фотокарточке, даже при слабом свете спички поразившей его. Потерянная какая-то и вот утирает мокрое лицо жакетом... Но такой и захотелось помочь: хотя бы довезти до Зосимова. И еще тронуло это «провожу до конца». Что ж, и он будет там послезавтра!

— Плакать не надо.— Голос Климова звучал мягко.— Он говорил о вас замечательно!

Она еще раз вытерла лицо, взглянула недоверчиво.

Окончание. См. «Огонек» №№ 31—36.

ЕМНОЕ ИТЯЖЕНИЕ

— Обо мне? Вам?

— Разве это странно? Ведь мы фронтовые товарищи.

— Я не о том... а то, что говорил обо мне... такое... А я...

— Ну что же — а вы?

Она не ответила.

— Когда, Лариса Викентьевна, такое случается, каждый начинает винить себя... успокойтесь!

— Я хочу, чтобы вы знали... Ведь он предлагал мне, чтобы открыто, без обмана. Я сама не смогла, не захотела...

— Он предлагал? Я так и думал,— сказал Климов.

— Всегда брал всю вину на себя. Даже за то, что я... не захотела...

— Это признак мужества...— Климов раздумывал вслух.— Такие люди считают, что должны быть выносливее всех прочих. Взваливают на себя непосильный груз. А получается совсем наоборот... То, что многим из так называемых обыкновенных людей кажется царапиной, мелочью, над чем и задумываться они не будут, насмерть ранит таких, как Зырянов.

— Господи, да неужели эта дрянненькая статейка... что из-за этого...

Климов посмотрел на нее как на маленькую.

— Неужто вы, наверно, самый близкий ему человек, могли такое подумать? Мол, испугался он зосимовского писаки? И столичного пера Василий бы не испугался и на костре, если надо, выстоял! Он сам себе был высший суд — вот в чем дело. И судил без жалости, без снисхождения! По большому счету! Без скидок на те или иные объективные обстоятельства! А иным это на радость: вот он какой, а мы лучше!

Утомленное лицо Климова стало жестким, ненавидящим.

— Чуют, стервятники, живую кровь! Издали чуют!

— Но разве я...

— Не о вас речь. Вам, простите, сколько годков было, когда у вас с ним вся эта история началась?

— Девятнадцать...

Климов покачал головой.

— Многое это объясняет. Из того, что мне когда-то рассказал Василий, удалось понять, что остался он один-одинешенек, а вы здорового, сильного парня, да еще такого огневого, как Зырянов, наверно, представляли себе по маминым книжкам, по романам Жорж Занд, что ли? А существо, наверно, куда более жизнеспособное, чем вы,— Климов мельком, но не без сострадания взглянул на спутницу,— романов этих и в глаза не видывала, зато всей своей кожей ситуацию почуяла. У таких-то, как уважаемая наша Степановна, тончайшее чутье, когда дело идет о нужном ей куске... Кусок! А был он с совестью, с человеческим разумом, с чувством долга!.. Ну скажите, кто иной написал бы любимой женщине — а он и про это тогда в разговоре со мной упомянул,— что он, так сказать, согрешил с какой-то случайной особой? Да еще когда она, как я понимаю, по сути, сама подкатилась в нужный момент? К тому же, наверно, не без содействия водчонки?

— Значит, вы осуждаете, что он написал правду?

— Нет, нет! Не осуждаю! Честно говоря, даже не знаю, смог ли сам так поступить. А Василия за это люблю! Со всеми его срывами и бедами люблю... И за то, что, рискуя башкой, правду выложил генералу,— люблю! Впрочем, про генерала иная история... Только источник один — чистый! Для другого, помилуйте, полный порядочек! Жена и любовница! А если у любовницы свой супруг — еще лучше! Выходит, и там и тут крепкие семьи! Одна человеческая особь однажды своим сводом законов со мной поделилась: мы, мол, рационалисты, и жить надо разумно: на стороне имей сколько и кого надо, а семью блюди! Если на этой самой стороне вдруг ребеночек — то опять же чист, никогда не скрывал, что брак у него крепкий. И еще учил, как лучше всего чужой дух отшибить, бензином, что ли... Уж позабыл. И все у него на подобной двойной бухгалтерии: и воспитание деток, и служба, и то, что называет он своими убеждениями. Все, все!

Климов увлекся. Он говорил уже не с этой заплаканной женщиной, а с кем-то иным, как бы продолжая свой давнишний, волнующий его спор.

— Обидно, что такие обычные и благоденствуют! Штудируют от корки до корки журнал «Здоровье», регулярно измеряют и давление и снижение, кислотность и малокислотность! Одна даже заявила, что употребляет какую-то особую эмульсию для перламутрового оттенка внутреннего покрова ушных раковин! Утешение одно: сколько такие свои ушные покровы ни лелеют, а придет время, ни от них самих, ни от их покровов — как внутренних, так и внешних — ровно ничего не останется! Слизь в венках или пепел в урнах! А вот бедолаги вроде Василия... Да я его первый не забуду!

Климов не кончил.

— Впрочем, простите за монолог, кажется, подъезжаем!

В дымчатых весенних сумерках проступили огоньки Зосимова: донесся гудок паровоза.

— Не передумали, Лариса Викентьевна, насчет ночевки?..

— Почему же передумала?

— С комфортом-то там не слишком... Но, верьте слову, через год, от силы — полтора, а будет в Зосимове отличная гостиница. С горячей водой, с ваннами, с кафе-рестораном...

Климов начал было перечислять еще какие-то удобства и вдруг запнулся:

— Но, как говорил общий наш друг, важно и другое.

— Другое?

— Что за люди,— Георгий Николаевич, подчеркнул последнее слово,— будут проживать в этаком, с ваннами...

Женщина встрепенулась:

— Да, он часто говорил... такое.

Нахмурившись, Климов молчал, как бы слушал голос Василия. Потом словно подвел черту над не оконченным когда-то разговором:

— Вот и будем строить в двух... направлениях. Идут-то они к одной цели! И клопиное не только из щелей выводить будем. Нет, не только!

Улыбнулся, широко повел плечами.

— Работа эта, что и говорить, не одногодичная... Сроки здесь точно не определишь... А делать ее надо! Обязательно надо! Иначе и строить-то скучно. А пока...

Климов, опустив стекло, нагнулся к водителю:

— Семен Иванович, подвезите к дому для приезжих.

Когда машина остановилась у деревянного одноэтажного дома, Климов вышел.

Вернулся довольный.

— Есть свободная комнатка. Сам посмотрел. Комфорта, повторяю, не найдете, но чистенькая, переночевать можно.

Протянул небольшую, но крепкую руку.

— Выходите, Лариса Викентьевна. Задерживаться не могу... дела, да и жена, наверно, беспокоится.

Лариса Викентьевна умоляюще взглянула:

— Мне кажется, что мы недоговорили...

Климов помедлил: на этой чужой растерянной женщине точно лежал отблеск чего-то драгоценного.

— Простите, не могу... До областной нашей столицы еще часа три езды...

Уже усаживаясь, обернулся.

— Да, чуть не забыл! О вас здесь справлялись, кажется, из Москвы...

Лариса не расспрашивала.

Долго смотрела вслед, пока машина не исчезла в сумерках.

17

Когда-то отец не то насмешливо, не то грустно сказал ей, что у жизни всегда в запасе целый набор инструментов для пыток: и грубый топор, и острое сверло, и раскаленные клещи, и неутомимые пилочки. Они действуют то порознь, то набрасываются на человека все вместе...

В этой чистенькой комнатке она зажгла и верхний свет и настольную лампочку. Оставила чуть приоткрытой дверь в коридор — все-таки там проходят люди... Было не только больно, но и страшно.

То возникало бескровное лицо с закрытыми глазами, то угадывались под одеялом зловещие очертания. Жесткий электрический свет не помог увидеть все яснее ни в той, уже навсегда ушедшей жизни, ни в ее собственной... Решила только одно: к прежнему она не вернется!

Кто-то справлялся о ней из Москвы?

Не все ли равно!

Как цветные кубики, она складывала и перекладывала события своей жизни. Пыталась понять, могла ли эта жизнь быть иной?

Как ни странно, только те дни, когда, нацарапав что-то лживое на листочке, она ушла из своей новой квартиры навстречу горю, были ее собственной, а не чужой жизнью.

С ужасом она вспоминала и милых Суздальцевых, и едко разоблачающую их Изу, и тихое самодовольство Григория Афанасьевича с его имитацией богатой внутренней жизни. А отчетливее всех видела себя с дилетантскими потугами, с ключом от чужой комнаты и с неизлечимой боязнью потерять все, что удобно, вкусно, лестно!

Точно смотрели на нее из небытия странного разреза темные глаза и не позволяли больше лгать!

Она не плакала больше. На внутреннюю работу — и разрушая и пытаясь созидать — уходили все силы... И порой уже не с щемящей болью, а робкой, несмелой еще благодарностью вспоминалось ей то,

как пировали они у «брательника», то как совсем еще недавно он подарил ей книгу о первом в мире космонавте и как однажды, вырвавшись из чужой прокуренной комнатенки, катером поехали они на Ленинские горы... Как легко там дышалось! Как близко была тогда от нее и свобода и правда! Но не захотела, не смогла.

Все же свет Лариса не погасила: так и лежала, до подбородка натянув байковое одеяло, всматриваясь в беспощадно белый потолок, пока сон не погасил и горе, и нежность, и раскаяние.

18

Распахнув почему-то полуоткрытую дверь, он не знал, с чего начать предстоящий тяжелый разговор. В комнатке, хотя было уже совсем светло, тоже по непонятным причинам горело электричество.

Неожиданно для самого себя Григорий Афанасьевич прежде всего выключил верхний свет, затем и нижний — на тумбочке.

Женщина под выцветшим, мутно-свекольным одеялом испуганно — что, может быть, ему и показалось — за ним следила.

Предстоящий разговор, когда она лежит, а он стоит в пальто и шляпе, представился ему невозможным.

Избегая местоимения, Григорий Афанасьевич сказал, что уже десятый час — следует одеться. «Я выйду в коридор»,— сухо добавил он.

Это «я выйду» было предупреждением о каких-то новых их отношениях. Когда он вернулся, Лариса Викентьевна была в знакомом ему серебристо-сером, но сейчас недопустимо помятом костюме.

Свою речь он продумал еще по дороге. Безрезультатно поискав глазами вешалку и повесив пальто и шляпу на кривой гвоздь, Григорий Афанасьевич прежде всего оградил себя от возможных слез, а может быть, и истерики.

— Мы люди взрослые, и полагаю, каждый наш поступок предварительно взвешиваем. Не буду разбираться в сути самого поступка. Для этого мы найдем и время и более нормальную обстановку.— Он невольно посмотрел на кривой гвоздь.— Считаю, что так называемая супружеская сцена ниже моего достоинства. Это значит, что вам (Григорий Афанасьевич поколебался), тебе не следует ни просить прощения, ни каяться...

Лариса Викентьевна пыталась что-то сказать, даже приподнялась со стула, но ее слова перекрыл сильный, размеренный голос:

— Грязь, в которую я невольно попал, ко мне не прилипла, главное, не выбила меня из рабочего состояния. И что бы я лично ни переживал, свой долг и перед вверенным мне делом и перед семьей я не забыл. На телеграмму мне не ответили. Уже четвертые сутки — он избежал местоимения — отсутствуете. Сначала я имел возможность это отсутствие объяснять отъездом за Мусей, но вчера она вернулась с дедушкой...

— Ей лучше? Она...

Григорий Афанасьевич с холодной иронией посмотрел на эту женщину, что в кратчайший срок из загадочной жемчужины перешла в разряд «не следящих за собой».

— Представьте — лучше. И я рад, что вся эта мелодрама произошла не при ней. Вчера, когда, признаюсь, невеселый ее финал стал мне известен, я решил приехать за вами. Машина нас ждет.

Оттого, что Муся приехала и ей лучше, сразу полыхнуло теплом в груди, а вот что хотел от нее этот представительный, размеренно говорящий мужчина, было непонятно. А он уже спокойно надевал легкое пальто, потом потянулся за шляпой.

— Я не поеду,— сказала Лариса Викентьевна.

— Как... не поедете? — так и застыла протянутая рука.

Она смотрела на него, не зная, как коротко и ясно сказать все то, что стало ей понятно за несколько дней этой «мелодрамы». Как сказать, что ее брак с ним был своего рода сделкой, бегством от жизни? Не за эту ли солидную спину укрылась она в страхе перед испытаниями, в муках оскорбленного самолюбия, в неясном стремлении безбедно и приятно существовать? Она вспомнила, как еще недавно расхваливали ее «На мосту под дождем», и содрогнулась. Она поставила на этого плечистого, самоуверенного человека, как толстая Иза ставит на лошадь! Поставила... По-своему не ошиблась. Только проиграла всю свою жизнь!

Как же сказать этому человеку о том, в чем он, по сути, не виноват? И сказать так, чтобы он понял? Банальность вроде — «мы разные люди»? Или — «наш брак был ошибкой»?

Она сказала просто:

— Нам надо разойтись.

Хотя ей и казалось, что за долгие годы совместной жизни она достаточно узнала своего мужа, то, что произошло, было неожиданным. Распахнув пальто, точно ему стало невыносимо жарко, Григорий Афанасьевич грубо рявкнул:

— Благодарю покорно! Значит, нарсуд? Объявление в «Вечерке»? На общее обозрение?! Дьяченко — у позорного столба?! Благодарю покорно!

Он не решился напомнить ей, как после шумного бракоразводного процесса пострадала служебная карьера члена коллегии Фруктовича и завотделом Лепехина.

Она молчала, а Дьяченко, изменив своему отработанному, чуть покровительственному спокойствию, рявкнул:

— Нет, простите, дураков нет! Побаловалась — и хватит! Не к цветущей молодости дело идет, а наоборот! — Он с отвращением взглянул на нее.

Она молчала, не решаясь спросить о единственно важном для нее — о дальнейшей судьбе Муси. Лучше — потом...

— И это благодарность за то, что я вытащил ее чуть ли не из «черного ворона»? Не побоялся испортить себе анкету! Рисковал, спасал ее отца... А по правде говоря, сам черт не разберет — был он виноват или нет? Своим горбом создал ей красивую жизнь!

Не перебивая, она внимательно вслушивалась и всматривалась в него. Ее преступление перед самой собой оказывалось куда больше, чем ей казалось. И с этой мыслью пришло облегчение.

— Ты исчез, когда это было тебе удобно, и появился потому, что с отцом все обошлось. И не ты ему, а он всегда был тебе нужен... хотя бы это... с аспирантурой. Раньше я этого не понимала, а теперь...

— «Раньше»,— передразнил Дьяченко.— Это после стольких-то лет! Наблудила, а туда же — нотации читает! Гнилое нутро!

Благообразное его лицо исказилось такой ухмылкой, что ей подумалось — он сейчас плюнет.

Как видно спохватившись, Григорий Афанасьевич чуть дрожащей рукой поправил галстук.

— Надо все хорошенько обдумать. Если ты решила...

ДЕРЕВЕНСКИЕ МОТИВЫ

Рисунки Ю. Черепанова.

Вечером у клуба.

Баскетбол проникает в деревню

Эта буренка уважает музыку.

— Да, решила.
— Сделаем все прилично. Официально — не раньше чем через год. Чтобы развод не связывали с этой... историей. И еще...— Он строго посмотрел на нее.— Если ты решила окончательно, чтобы потом не было никаких пересмотров, раскаяний и тому подобного... Человек я еще не старый и думаю, что еще сумею построить свою личную жизнь,— провел он рукой, по своим все еще густым кудрям.
— Пересмотров не будет.
Григорий Афанасьевич не то облегченно, не то грустно вздохнул; затем уже попросту вынул коробку «Беломора». Щелкнул зажигалкой, затянулся.
— Перед дорожкой...
— Да ты посиди, передохни.
Уже беззлобно Лариса смотрела, как, сидя в потертом кресле, он со вкусом затягивается, посматривает в окно.
Уже не главная, а побочная мысль на мгновение заняла ее.
— Скажи, а как ты узнал, что я здесь?
— Изабелла Викторовна мне все рассказала...
Она даже не сообразила, кому же принадлежит столь звучное имя. Но тут же возникла перед ней пестро-рыжая челка, обтянутый чем-то ярким мощный бюст и подведенные синим пророческие, а в глубине смекалистые глаза.
— Неужто она?..
Георгий Афанасьевич даже слегка рассердился.
— Что же тут странного? Когда-то ты со мной спорила, а теперь... Изабелла Викторовна действительно оказалась порядочным человеком и в трудную минуту пришла ко мне на помощь.
Лариса Викентьевна промолчала. Здоровый, плечистый, уверенный человек впервые показался ей беззащитным.
В памяти прозвучала печально-презрительная фраза Климова: «Чуют живую кровь...»
Страшнее стало за Мусю...
— Передай Мусе... хотя бы маленькую записочку. У тебя есть блокнот?
Григорий Афанасьевич кивнул... Вырвал листочек, протянул свой «Паркер». Вот в этом они по-прежнему были едины.

* * *

Хоронили Зырянова сияющим весенним днем.
По общему свидетельству, Василий Андреевич особенно любил поросший березняком холм над рекой. Это и стало местом его последнего упокоения.
Вся возвышенность пестрела красными галстуками и разноцветными майками. По настоянию Климова ребята были возвращены из похода и принимали участие в траурной церемонии.
Держались строго, сдержанно, без всяких эксцессов, которых так опасалась заведующая. Только в суровой стройности их рядов, в строгом их молчании была затаенная боль незаменимой утраты. Не очень стройно, но от этого еще искренней звучал похоронный марш Шопена. Исполнял духовой оркестр, когда-то организованный Зыряновым.
Речей было немного: кратко и сильно сказал Климов, немного сбился председатель Зуевского колхоза, горячо, но разбросанно выступил Мазилов, потом — кто-то из педагогов.
Самым пространным — да, пожалуй, и самым красноречивым, с цитатами из Горького и Макаренко — было выступление Гусакова.
А когда все разошлись, две женщины — одна в сером костюме, другая в голубом платье — несмело подошли к могиле.
Особенная тишина стояла над холмом. А оттуда, от края до края, открывались великие русские просторы...

ЭПИЛОГ

Как писалось в добрых старых романах, прошло несколько лет. Многое переменилось в Барышевке, и не только в ней. Заметно снизилась мода на рубахи с украинской вышивкой, на подношение хлеба-соли, как-то сама собой отпала необходимость и в реформе правописания.
Барышевские сироты войны уже давно выросли, разъехались. Теперь там сельскохозяйственный институт. На участке плодовых деревьев ведутся селекционные работы.
Валовой сбор яблок значительно возрос, особенно с тех пор, как Яков Егорович Жолудев удалился на покой. Поговаривали, что отъезд Якова Егоровича из обжитого места был связан с намерением старого следователя Мефодиева поближе познакомиться с его деятельностью. Не успел ста-

Все для вас, женщины!

Хорошо, что у сторожа внук-мотоциклист...

В ожидании гимнастических снарядов.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В связи с исключительно большой подпиской на приложения к «Огоньку» за 1969 год и высокими тиражами издательство вынуждено перенести печатание собрания сочинений С. А. Есенина и собрания сочинений А. П. Чехова на 1970 год. Поэтому подписка на БИБЛИОТЕКУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ на 1970 год производиться не будет.

На 1970 год производится подписка на 52 книжки «Библиотеки «Огонек» советских и иностранных писателей.

В 1971 году приложением к «Огоньку» будут изданы:

I. Собрание сочинений А. С. Макаренко в 5 томах.
II. Собрание сочинений В. Г. Короленко в 10 томах.
III. Собрание сочинений А. С. Грибоедова в 2 томах.
IV. Собрание сочинений А. А. Блока в 7 томах.

рик: подвело сердце. А вот Жолудеву на свою судьбу жаловаться нечего: в Зосимове он купил уютный домик с садом, а вскоре устроился на работу в ту торговую базу, где когда-то так удачно раздобыл барышевцам головные уборы.

Неподалеку от него живет и другой пенсионер — Гусаков. Используя свой богатый опыт, Николай Прохорович усердно трудится над книгой «Из практики рядового просвещенца».

Удачно сложилась и судьба Антонины Степановны. Через положенный срок она составила счастье вдовца-генерала, что когда-то сдал ей на перевоспитание своего шалопая.

Она не только наладила их запущенное хозяйство, но со временем превратила опасного молодого человека в порядочного, а кстати, и неплохо зарабатывающего радиотехника.

И все же не то пережитые потрясения, не то иные причины заставили Антонину Степановну переменить род деятельности. В настоящее время она возглавляет управление комбинатом бытового обслуживания в масштабе всего Зосимовского района. Она довольна, и ею довольны. Последнее подтверждается неоднократными премиальными. Тревожится Антонина Степановна только о сыне. Как видно, унаследовав беспокойный характер отца, Спартак поступил в летную школу. Это далеко, очень далеко от Зосимова... Письма от него редки, и на побывку сюда он приезжает не часто. Особенно огорчает мать, что он попрежнему водит дружбу с таким неприятным ей парнем, как Мазилов. Летом, когда у Спартака отпуск, они то отправляются на лодке по Волге, то — что еще хуже — лезут чуть ли не на Эльбрус.

Мазилов закончил Художественный институт имени Сурикова — славы пока не стяжал: бросался из крайности в крайность. Последнее время молодой художник, правда, нащупал нечто новое. Говорит, что стал учиться видеть мир глазами человека, познавшего космос. По собственному его признанию, особенно заинтересовали его зарисовки космонавта-художника Алексея Леонова. Рисует Мазилов жизнь человека будущего, как это ему представляется,— то в океане, то в наземных воздушных пространствах, то среди удивительной, фантастической растительности...

Одно своеобразное полотно Мазилова нашло место на выставке молодых художников и, что особенно поразило автора, было воспроизведено в журнале «Творчество». Радость его несколько омрачила резкая, обвинившая его чуть ли не в абстракционизме статья за подписью И. Белова.

Эта скромная подпись есть не что иное, как трансформированное имя «Изабелла».

Подлинная фамилия Изабеллы Викторовны — уже давно Дьяченко. Союз столь разных людей на первый взгляд может показаться странным.

Григорий Афанасьевич, особенно первое время, сам втайне удивлялся, как же возникла в его жизни эта, пожалуй, уж слишком яркая особа.

Однако подобные сомнения продолжались недолго. Победил природный артистизм Изабеллы Викторовны: едва ли кто-нибудь из прежнего ее окружения узнал бы в скромно (но дорого) одетой, сдержанной, даже строгой даме былую прорицательницу. Даже объявился естественный мягко-золотистый цвет ее волос — что, впрочем, объясняется тем, что квалифицированные мастера лучше красят. Суровая диета и систематическая гимнастика «для полных» заметно облагородили ее фигуру.

Почти с первых же дней появления Изабеллы Викторовны на жизненном пути Дьяченко тот впервые понял, что значит истинное понимание его духовных интересов: была заведена специальная папка, и там сохраняются вырезки не только всех его выступлений в печати, но даже те, где просто упоминается его фамилия.

Довольно пестрый литературный багаж новой спутницы его жизни — от букинистического томика «Хатха йога» до Агаты Кристи — чрезвычайно расширился. Он пополнился книгами современного и даже научного характера. Отсюда впоследствии родились и попытки И. Беловой заявить себя в печати.

Это также льстит ее мужу — он всегда довольно критически относился к категории обыкновенных домохозяек.

Вместе с тем эта многогранная женщина не превратилась в так называемый «синий чулок».

На интимной семейной вечеринке, особенно после двух-трех рюмочек, она великолепно имитирует и Клавдию Шульженко, и Эдиту Пьеху, и даже Л. Утесова...

Что она умеет расшевелить общество, вскоре признали даже Суздальцевы. Принуждены были они также признать, что второй брак Григория Афанасьевича удачнее первого. В Изабелле Викторовне и следа нет от свойственной ее предшественнице некоторой принужденности, а подчас и оскорбительной рассеянности. Супруги Дьяченко самые желанные их гости.

Этот брак был окончательно закреплен появлением на свет Дьяченко-младшего. Как позднему ребенку, ему было отдано все внимание, вся любовь супругов. Нужно добавить, что дочери Григорий Афанасьевич неукоснительно выплачивал положенную сумму, намеревался продолжать материальную поддержку и после ее совершеннолетия, но тут последовал категорический запрет его новой хозяйки.

Служебная карьера Дьяченко в силу не совсем явных причин дальнейшего развития не получила. Хотя Григорий Афанасьевич своевременно и резко выступил с осуждением прожектерства, особенно ярко сказавшегося хотя бы в абсурдной реформе правописания...

Не получив должного признания, Дьяченко, как человек, выросший в маленьком городке, обратился к природе: в приятном местечке, где у него неподалеку от реки дача, трудно найти более страстного рыболова.

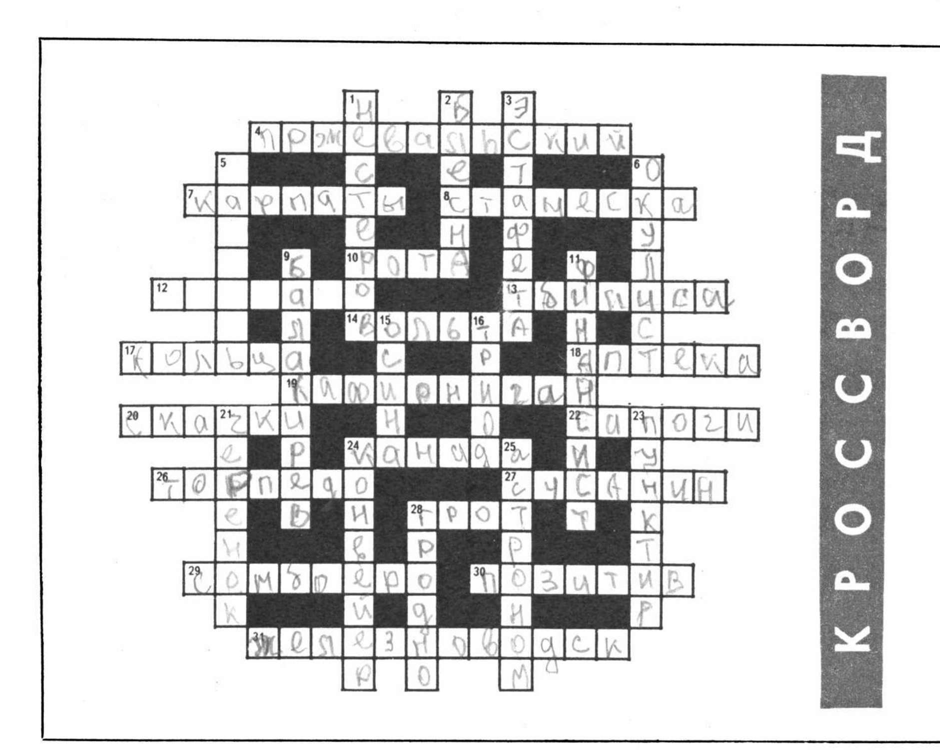
...А природа Подмосковья да и всей среднерусской полосы, как всегда, хороша...

Хорошо и там, на высоком побережье, откуда во все стороны видны поля, и леса, и спокойная речка...

На том холме, где в строгом молчании когда-то выстроились ребята, лежит гранитная плита.

Место это содержится в образцовом порядке — кусты сирени, жимолости, калины, черемухи окружают строгий гранит, а в зимнее время заметнее становятся мохнатые елочки, поднявшиеся за эти годы.

Того же, кто обо всем этом позаботился, давно нет в здешних местах: Климову доверили руководство одной из самых обшир-

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Русский путешественник, исследователь Центральной Азии. 7. Горная система в Европе. 8. Столярный инструмент. 10. Войсковое подразделение. 12. Разменная монета некоторых стран. 13. Столица союзной республики. 14. Легкая хлопчатобумажная ткань. 17. Предмет для гимнастических упражнений. 18. Медицинское учреждение. 19. Река в Таджикистане. 20. Вид конноспортивных состязаний. 22. Рассказ А. П. Чехова. 24. Государство в Северной Америке. 26. Спортивное общество. 27. Герой оперы М. И. Глинки. 28. Пещера. 29. Национальный головной убор. 30. Фотографический снимок. 31. Курорт в Ставропольском крае.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Русский военный летчик. 2. Искусственная приманка для рыбы. 3. Соревнование команд в беге. 5. Город в США. 6. Врач. 9. Автор симфонической поэмы «Тамара». 11. Роман Т. Драйзера. 15. Лиственное дерево. 16. Электронная лампа. 21. Ветка для прививки или посадки. 23. Прерывистая линия. 24. Устройство для перемещения обрабатываемых изделий. 25. Специальность ученого. 28. Областной центр в Белоруссии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Направник. 7. Каракал. 8. Гольмий. 9. Белинский. 14. Панорама. 15. Ацетилен. 16. Синус. 18. Хризантема. 19. Филармония. 22. Афиша. 24. Кроншнеп. 26. Кристалл. 27. Миссисипи. 28. «Манфред». 29. Бельгия. 30. Собакевич.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Хабанера. 2. Баркентина. 3. Риторика. 5. Бастион. 6. Микулин. 10. Натюрморт. 11. «Задонщина». 12. Декорация. 13. «Жерминаль». 16. Семга. 17. Спица. 20. Библиотека. 21 Энцелад. 23. Стейниц. 25. «Птицелов». 26. «Коппелия».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Катя Овчинникова из свердловского совхоза «Бардымский» (справа) и Галя Бондаренко из кубанского колхоза «Кавказ», мастера дойки, познакомились в Москве, где в августе проходил конкурс по механическому доению.

Фото Л. Шерстенникова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кубань — жемчужина нашей Родины. Здесь обильна земля, прекрасные люди (сверху вниз), Героя Социалистического Труда Владимира Яковлевича Первицкого знает вся страна, ученые и механизаторы изучают опыт работы его звена на полях Кубанского НИИ испытаний тракторов и сельскохозяйственных машин.— Так было в дни жатвы на полях Каневского колхоза имени Кирова.— Животноводческий городок колхоза имени Ленина, Ленинградского района.— Николай Василенко, бригадир из колхоза имени Кирова.— А на нижнем снимке парк колхоза имени Кирова.

Фото М. Савина.

ных областей Сибири. Там идет строительство величайшего размаха. Мы часто видим эту стройку в кинокадрах, читаем о ней в газетах, слушаем о ней по радио.

Но когда Георгию Николаевичу случается бывать в Москве, он почти всегда навещает памятное ему место. Бывают здесь и поседевшие уже летчики, и бывшие барышевцы, и колхозники из Зуевки. А Мазилов зарисовал — и на этот раз в безусловно реалистической манере — все, что так дорого и ему.

Иногда вместе с ним, а иногда один сюда наведывается молодой, красивый летчик — молча сидит на скамеечке у могилы отца, о чем-то раздумывает. До сих пор тяготит Спартака мысль, что когда-то могли предположить, будто он повинен в гибели отца. А ведь и мальчишкой, таясь от всех — а иногда и от самого себя,— любил он его... И все же в полную меру постиг лишь потом и навеки запечатлел в своем сердце.

Но чаще всего приходят сюда две женщины: у одной уже седые пряди в волосах, другая еще молодая и красивая. Тихо переговариваясь, подсаживают цветы, зимой сметают с плиты снег...

Трудно узнать в той, что с сединой, былую «куколку», как некогда окрестила ее Антонина Степановна.

Многое, в том числе и нелегкий повседневный труд, сделало свое дело.

Приезжать сюда Лариса Викентьевна может лишь в свой выходной день — былые ее композиторские притязания давно сменила преподавательская работа в одной из детских музыкальных школ. С годами она эту работу полюбила, кое-кто из ее учеников вышел на широкую дорогу, а имя одного из них известно всей стране.

С бытовой стороны ее жизнь обстояла бы значительно хуже, если бы не взяла над ней своеобразного шефства семья Синицыных. С той поры, как на место Муси в Чугуевском домике заявил свои права крепенький Дьяченко-младший, каждое лето проводит она у Глафиры Никаноровны.

Здоровье Муси с годами улучшилось. Она унаследовала тонкую красоту своей матери, но, отвергнув деловые предложения кинорежиссеров, поступила в пединститут.

Надо добавить, что Мусе передалась не только красота матери, но также и былая ее склонность к иронии. «Я, кажется, имею так называемый успех»,— насмешливо улыбается она.

От этого иронического равнодушия успех ее лишь возрастает. Таит Муся лишь одно — возможно, также перешедшее к ней от матери — веру в тот великий час, когда придет к ней настоящее.

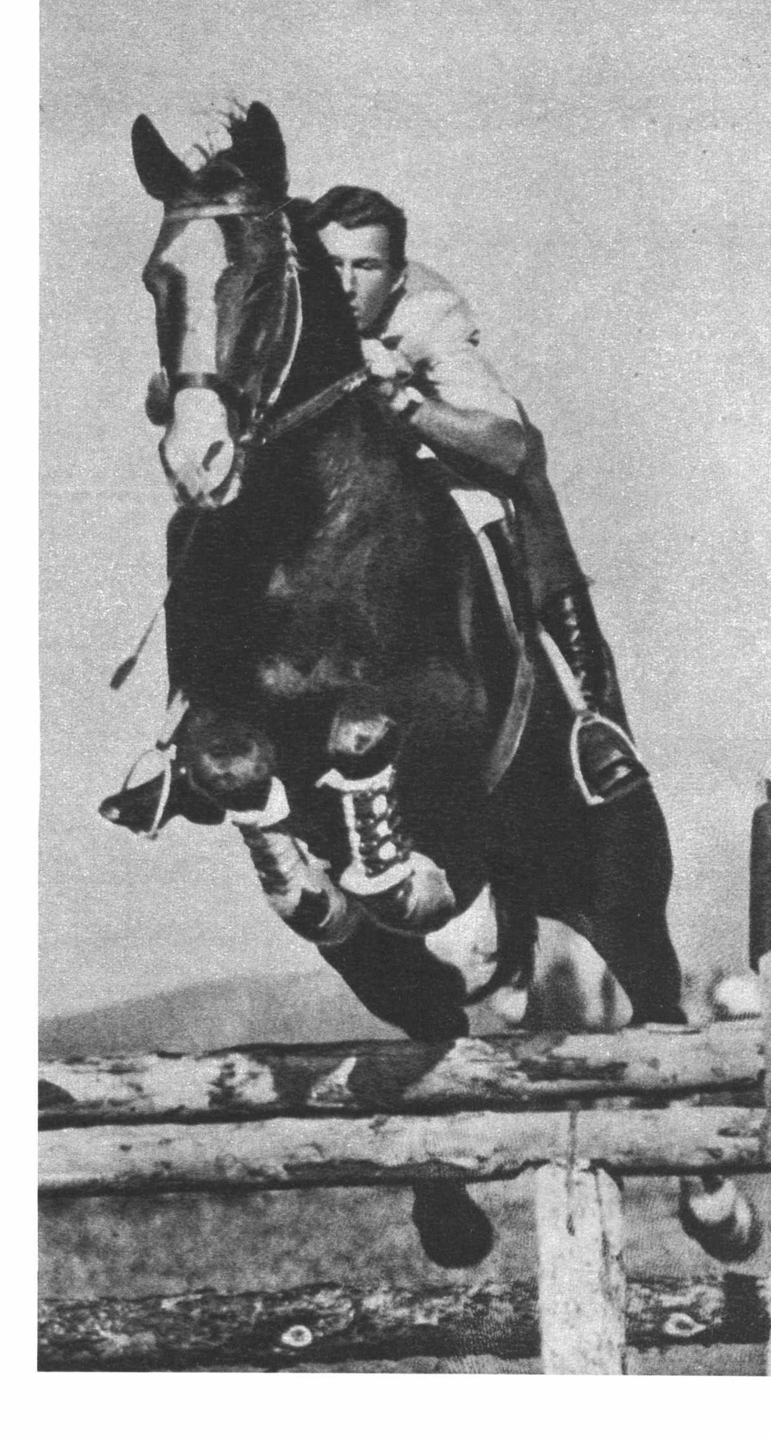
Жизнь Раи по-своему сложилась тоже неплохо: оценив ее безукоризненную честность, трудолюбие и еще что-то, чему в деловой характеристике точного определения так и не нашли, ее назначили заведовать той самой Зуевской фермой, откуда она когда-то привозила молочные продукты в Барышевку.

Учиться ей пока все еще не удалось, но, думается, удастся. Пока все ее силы были сосредоточены на названой сестре — Полинке. Артисткой Полина не стала, но закончила в областном городе медицинский институт и уже работает в одном из районов Подмосковья. Там она встретилась с молодым, тоже недавно окончившим институт, агрономом. Глафира Никаноровна и Рая собираются на свадьбу...

Красота Раи несколько привяла, чуть утомленными стали синие глаза. И все же до сих пор не перевелись претенденты — причем серьезные, с загсом! — на ее сердце.

Результат для них пока неутешительный — стали даже поговаривать, что после какой-то беды девка, попросту говоря, тронулась. Это предположение подкрепляется еще тем, что завфермой часто видят на холме у непонятной уже для многих надгробной плиты.

Бушуют над ней метели, трещат морозы, льют дожди, обжигает солнце, а она все та же — простая и прочная.

Григорий НЕЧИПОРЕНКО,
начальник Главного управления коневодства и коннозаводства Министерства сельского хозяйства СССР

ОДНО ЛЕТО

Подошла осень. Для нас, конников, и для всех, кто любит лошадей, минувшее лето принесло много радостей, много волнующих переживаний. Широк был размах событий в мире конного спорта, и частыми были большие успехи.

На ипподромах страны, от севера до юга, проходили, как всегда, многочисленные соревнования лучших рысаков и скакунов, разыграны традиционные летние призы, венчающие сезон, состоялись крупные международные состязания.

Праздник — иначе не назовешь каждое такое событие. В почетных гостевых ложах ревниво наблюдают за ходом спортивной борьбы те, кто всю свою жизнь отдал отечественному конному делу. Мы гордимся этими людьми, самоотверженными тружениками. Мы знаем, сколько заботы, сколько души вкладывают они в воспитание каждого длинноногого жеребенка, сколько бессонных ночей проводят в поисках лучшего селекционного подбора, научно обоснованного и всегда с заглядом вперед. В этой огромной и кропотливой работе непременно участвует весь коллектив конников — от рядового конюха до директора конезавода. Такое уж это живое дело, что иной раз сразу и не скажешь, кто больше сделал для того, чтобы красавец рысак или скакун стал совершенным, резвым, выносливым, непобедимым. Все вложили в его воспитание долю своего труда и своего сердца: седовласый руководитель завода и молоденький конюх, ученый-зоотехник и наездник, принявший коня для ипподромных испытаний.

Мы гордимся такими нашими людьми, как Иван Антонович Кузнецов, директор Хреновского конного завода Воронежской области, или Дмитрий Яковлевич Очкин, главный зоотехник Московского. Гордимся нашими ветеранами, создателями славы Стрелецкого конного завода Иваном Германовичем Косаренко и Константином Ивановичем Гореловым. Их громадный опыт и знания неоценимы! Нас радует, что высокое мастерство Николая Насибова, недавно выдающегося жокея, теперь тренера знаменитого краснодарского завода «Восход», продолжится, звание мастера-жокея присвоено на днях двадцатилетнему Алеку Кулику, коннику насибовской школы. Мы никогда не забываем, не вправе забывать о тысячах и тысячах наших товарищей и соратников-конников, без которых, конечно, невозможен ни один успех, невозможно воплощение в жизнь наших замыслов.

А замыслы у нас большие и цели высокие. За последние годы все шире развивается коневодство и коннозаводство. Во всех республиках нашей страны работают конные заводы, большие современные хозяйства. В прошлом году только в Казахстане создано 24 новых завода. Созданы новые центры племенного коннозаводства — Калининградский, Бесланский, Лужский, Минский, три новых конных завода в Латвии, пять в Литве, восстановлен Кулларский конный завод в Грузии. Нас радует, что во многих колхозах и совхозах страны созданы и весьма успешно работают племенные фермы и конноспортивные секции. Кстати, напомню, что в прошлом году Большой всесоюзный приз выиграл в Москве наездник А. Турков на жеребце Изюме, питомце совхоза «Каменский», Горьковской области, а целинный совхоз «Самарский», Казахской ССР, воспитал замечательного ипподромного бойца, жеребца Гривенника, на котором наездник зоотехник Е. Лихобаба блестяще выступала на международных соревнованиях в Вене.

Наука все увереннее помогает нашему конному делу. Не редкость среди конников люди с высшим специальным образованием. Большой опыт наездника успешно, например, сочетает молодой ученый Алла Ползунова с исследовательской работой, имеющей глубоко практическое значение. Мы стремимся к тому, чтобы таких людей было у нас как можно больше.

Прочная и все развивающаяся коннозаводческая база, активное и заинтересованное участие в племенной работе колхозных и совхозных ферм позволяют нам твердо надеяться на то, что старый и верный друг человека — конь, воспетый в стихах и в прозе, займет еще более заметное место в нашем сегодня.

Нужно ли это в наш век сверхзвуковых скоростей и невиданно мощных машин?

Судите сами. Не обойтись в сельском хозяйстве, сколько бы ни были механизированы основные производственные процессы, без лошади. Это практически проверено и не требует доказательств. Экономисты колхозов и совхозов давно уже подсчитали, что на ряде работ в хозяйстве куда выгоднее применять тягловую силу, чем машину. Ведь не случайно в передовых совхозах и колхозах, как правило, рабочих лошадей в $1^1/_2$—2 раза больше, чем в других хозяйствах. Очень нужна лошадь в народном хозяйстве. Сделать рабочую лошадь более сильной, выносливой — одна из главных задач советского коневодства.

Немалый доход в валюте приносят государству наши кони. Идет о них добрая слава по всему миру. Их охотно покупают многие страны и платят при этом большие деньги. За прошлый год, например, мы продали на экспорт двадцать пять тысяч спортивных, племенных, рабочих лошадей в Англию, Францию, Италию, Голландию, Швецию, Финляндию, в страны народной демократии. Наши орловские рысаки отправились даже за океан, в Соединенные Штаты Америки.

А победы наших спортсменов-конников на чемпионатах Европы, Олимпийских играх? Вопрос престижа на международной конноспортивной арене имеет не последнее значение! Олимпийские чемпионы Сергей Филатов со своим прославленным Абсентом, ахалтекинцем поразительной красоты, Иван Кизимов на Ихоре, украинской породной группы, призер Олимпийских игр в Мехико Елена Петушкова на Пепле — в какой труднейшей конкуренции приходилось им отстаивать первенство по высшей школе верховой езды! Нас очень порадовала весть о недавней победе нашей молодежи на чемпионате Европы по конному троеборью — это значит, что смена идет надежная.

Постоянно, уверенно, из года в год растет класс наших лошадей. Вот любопытная цифра для сравнения: в России до революции было всего одиннадцать рысаков класса 2 минуты и 10 секунд на дистанции 1 600 метров; сейчас только в одном Хреновском конном заводе сорок два рысака показывают такую резвость. А всего в нашей стране их насчитывается более 1 000!

Но есть еще одна, пожалуй, самая серьезная задача у советских коневодов. Мы всеми средствами стремимся к тому, чтобы наш спорт стал массовым, чтобы каждый, кто молод, имел неограниченную возможность заниматься в часы своего досуга конным спортом. Это спорт здоровья и просторов, он отлично закаляет и воспитывает мужество. Открываются повсюду пункты проката лошадей при ипподромах, государственных конюшнях и конных заводах. Тысячи юношей и девушек в городах и селах начинают сначала робко и нерешительно дружить с лошадью. Потом эта дружба становится прочной на долгие годы. В самом деле, что может быть прекраснее, чем прогулка верхом или стремительная, как ветер, скачка! Теперь, когда у нас ввели два выходных дня в неделю, конный спорт и увлекательные прогулки на лошадях, безусловно, займут свое достойное место в отдыхе. Конный спорт, в прошлом достояние лишь высшего аристократического общества, теперь доступен нам всем! Может быть, я, как конник, тут несколько пристрастен. Но, судя по тому, какой популярностью начинают пользоваться у молодежи первые прокатные пункты и занятия в конноспортивных секциях, преувеличения я не делаю. Ведь в одной лишь Ростовской области уже появилось около полутора тысяч сельских спортсменов-конников!

...Когда читатель получит этот номер журнала, в столице Украины Киеве будет в разгаре традиционный конноспортивный праздник — 12-е Всесоюзные соревнования сельских конников, инициатором которых был наш министр В. В. Мацкевич. Как всегда, праздник красочен и необычайно широк по своей программе. Нигде в мире не было и нет таких масштабов и такого разнообразия конных соревнований. Здесь будут представлены древние конные игры Грузии, Казахстана, Средней Азии, неизменно вызывающие восторги и удивление: как это можно так непринужденно владеть горячим конем, откуда берется такая отвага? Здесь по беговой дорожке нового, выстроенного в этом году первоклассного Киевского ипподрома стремительно промчатся русские тройки и легендарные тачанки, встретятся в лихой борьбе чистокровные скакуны и чистопородные рысаки. Лучшие лошади всех пород и породных групп, разводимых у нас в стране, будут представлены на этом большом празднике: грациозные ахалтекинцы, знаменитые дончаки, золотистые горные карабахи, серебристые локайцы, карабаиры и кабардинские скакуны, украинские верховые, буденновские, терские, новокиргизские скакуны...

Праздник этот завершит сезон. Один лишь летний, обычный сезон в жизни конников страны.

Елена Петушкова — призер Олимпийских игр.

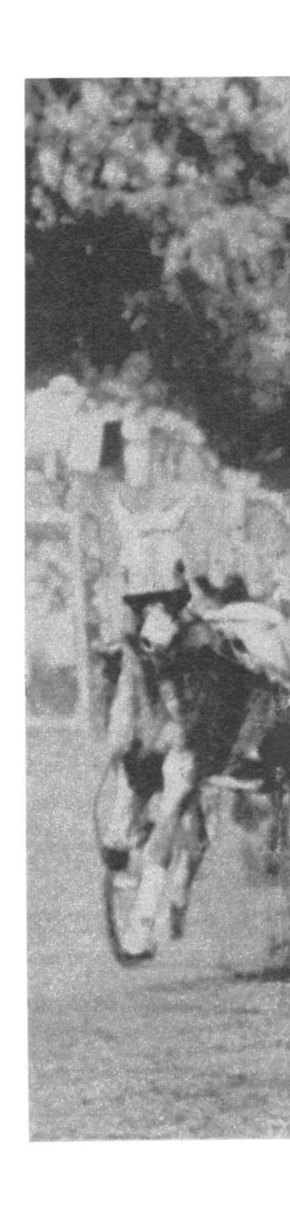
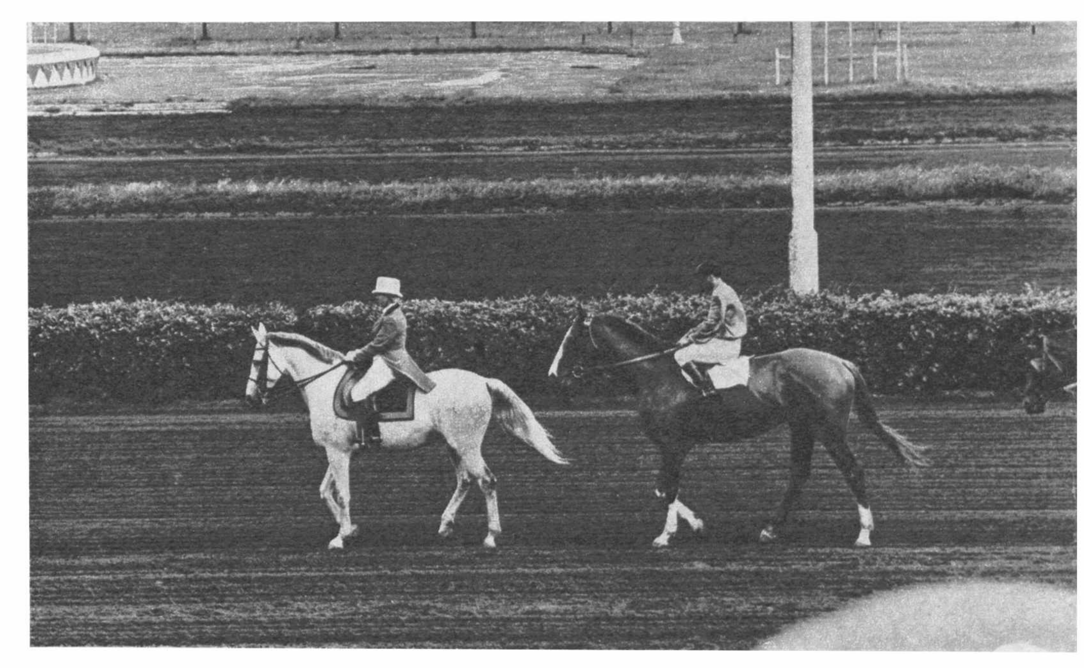

Фото Л. Бородулина, О. Каленчука.

Перед стартом Большого всесоюзного. Вторым идет победитель, Лангет (Кабардинский завод), под жокеем Ж. Пшуковым.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

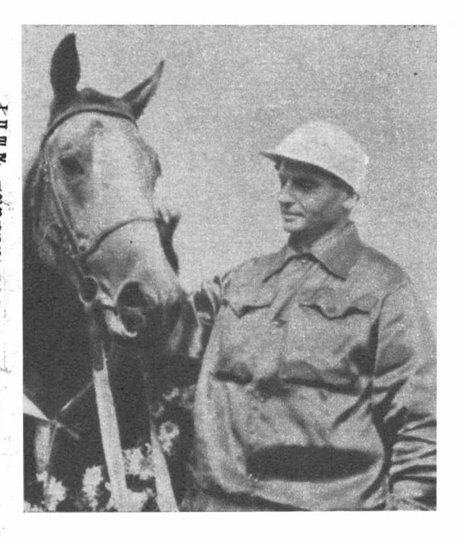
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

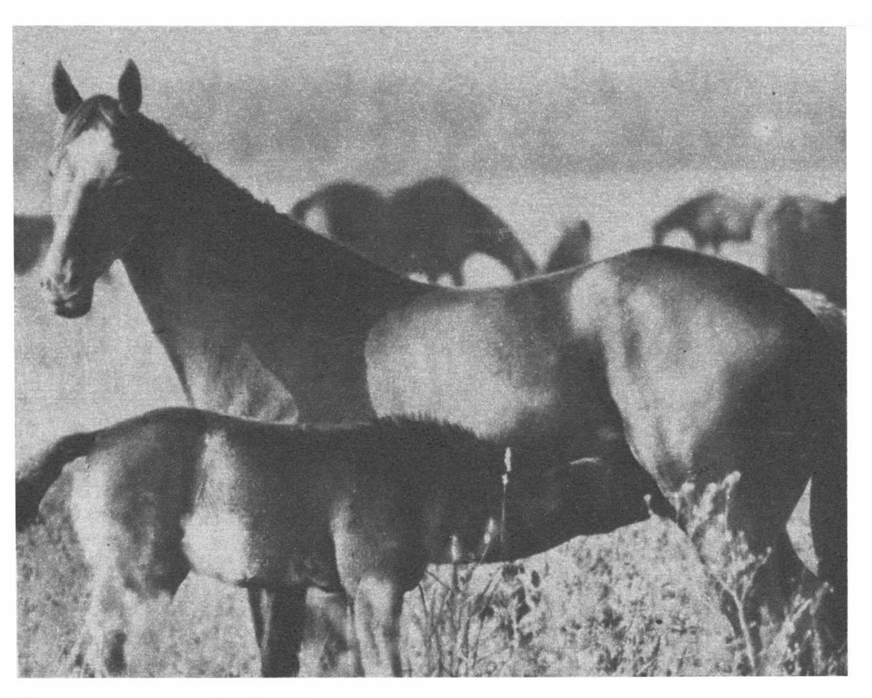
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Заезд рысаков.

Таллинский мастер — наездник К. Дукальский привел серого Тальника (Еланский завод) первым в розыгрыше Большого всесоюзного приза для рысаков.

У стригунка все в будущем...

Лихая народная игра.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00399. Сдано в набор 26/VIII-69 г. Подписано к печ. 9/IX-69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 1668. Заказ № 2435.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.